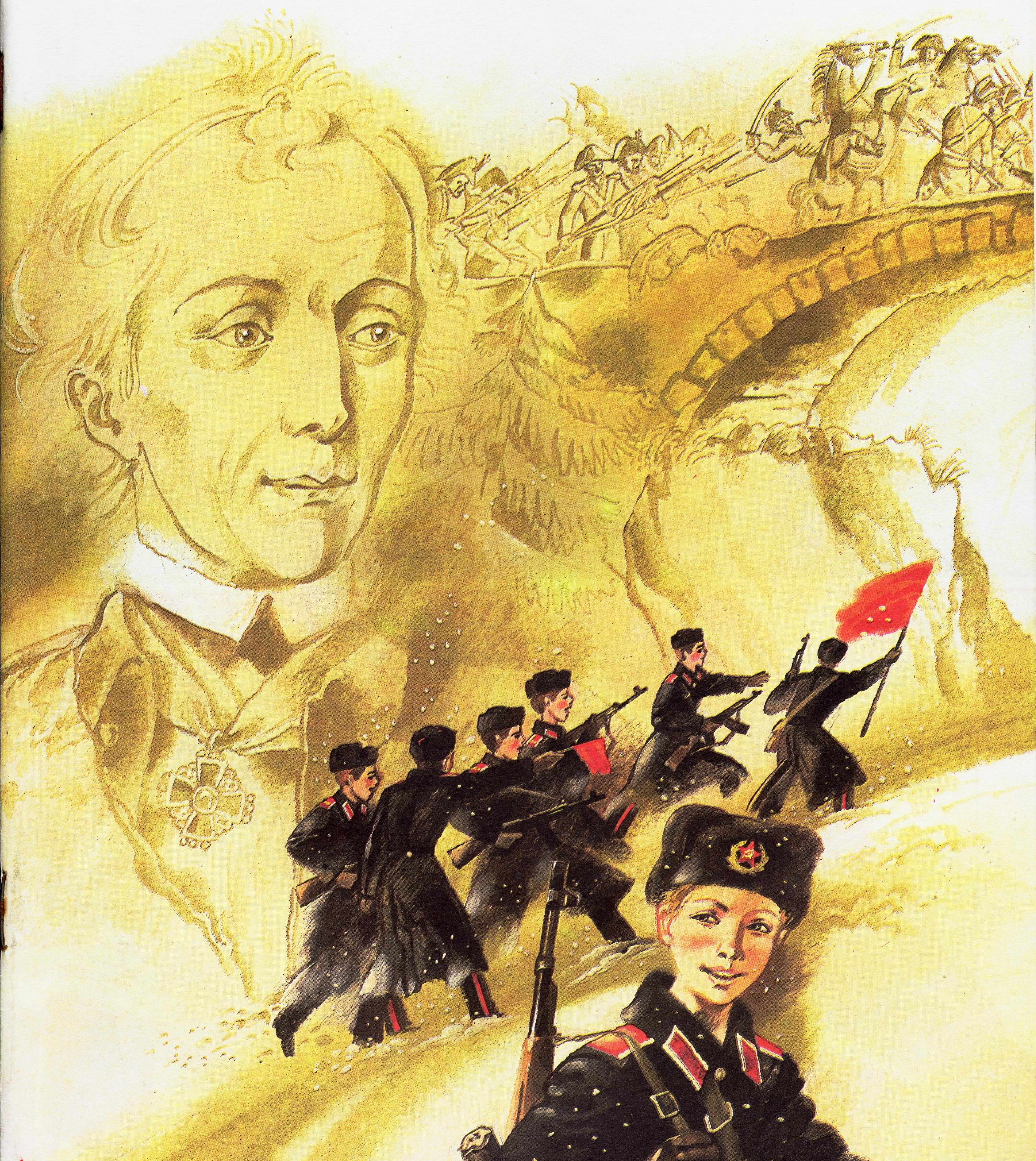
ПИОНЕР

2 1987

ISSN 0130—8009

Таврический дворец.

Фотография Р. ЛАПИЦКОГО.

ПАДЕНИЕ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

...Снежной морозной поземкой клубился над страной февраль семнадцатого. На три тысячи верст от Балтийского до Черного моря протянулся фронт первой мировой. Гибли под пулями русские солдаты. А в тылу голодали их дети, жены, матери... Готовился, зрел «толчок», обещавший перевернуть всю жизнь Российской империи. И сквозь бесстрастные стены тюремных казематов политические заключенные выстукивали друг другу с надеждой: «Скоро! Скоро! Скоро!»...

...С самого начала февраля было в столице неспокойно. Брожение, недовольство, забастовки... Начавшиеся 10 февраля выступления рабочих растянулись на несколько дней. 14-го бастовали 90 тысяч человек...

Атмосфера накалялась. Большевики звали рабочих к открытой борьбе. 23 февраля (8 марта по новому стилю) по их призыву на улицы Петрограда вышли женщины. Так было решено отметить международный женский день... Демонстранты несли лозунги: «Долой войну!», «Долой голод!», «Да здравствует революция!». В этот день бастовали 128 тысяч петроградцев...

А вечером на квартире у рабочего И. Александрова в Выборгском районе собрались на совещание руководители петроградских большевиков. Решено продолжить забастовку, организовать демонстрации на Невском, усилить агитацию среди солдат, начать вооружать рабочих...

24 февраля бастовали уже 200 тысяч — больше половины питерского пролетариата.

25-го забастовка в Петрограде превратилась во всеобщую политическую стачку. На Выборгской стороне громили полицейские участки, возводили баррикады...

Но на Невский проспект демонстрантов не пустили. Полиция и войска открыли огонь... Появились первые убитые и раненые...

26 февраля контрреволюция активизировала свои действия.

Прошли массовые аресты. По приказу офицеров воинские заставы снова стреляли в рабочих. Было убито 169 человек и около тысячи ранено.

Петроградский комитет большевиков решил перевести стачку в вооруженное восстание. Главный вопрос: за кем пойдут солдаты?

В ночь на 27 февраля большевики проникли в казармы Волынского полка. После долгой беседы солдаты приняли решение присоединиться к восставшим. Рано утром Волынский полк с оружием в руках вышел на улицу.

Вслед за волынцами на сторону революции перешли солдаты Литовского, Преображенского, Кексгольмского полков... Восставшие становятся хозяевами на улицах Петрограда. Уже ничто и никто не может остановить этот революционный шквал...

Открываются ворота знаменитых «Крестов» (тюрьмы в Петрограде). Взят Арсенал. Захвачено 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов. В руках восставших почтамт, телеграф, вокзалы, мосты...

В 2 часа дня образован Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Он обращается ко всем трудящимся Петрограда с призывом избирать своих представителей в Советы...

Профессиональные революционеры! Нет, сами себя они так не называли. В одной из делегатских анкет, отвечая на вопрос о профессии, Владимир Ильич Ленин записал «журналист-публицист». И все же для нас они — профессиональные революционеры. Само время увенчало их этим высоким званием.

«Делать» революцию — профессия не из легких. Путь к победе лежал через ссылки и каторги, через огромный, на грани человеческих возможностей труд и постоянную, повседневную учебу. Недаром Владимир Ильич говорил, что партии нужны люди, посвящающие революции «не только свободные вечера, а всю жизнь».

Школа революции, школа Ленина. Мы все — от членов партии с дореволюционным стажем до мальчишек и девчонок в красных галстуках — ее ученики. И по-прежнему, как и при Ленине, главный завет его школы — учеба. В учебе — залог ее настоящих и будущих побед.

Школа Ленина для меня, как и для всех нас, началась в детстве, продолжалась в юности на полях войны, в зрелом возрасте — на моих журналистских путях-дорогах... Не считаю, что ее уроки закончились для меня и сегодня...

Иногда по ступенькам лет я спускаюсь вниз по лестнице моей жизни. Говорят, повторенье — мать ученья. И я своими возвращениями в прошлое повторяю, стараюсь понять лучше некоторые из давних уроков.

...Вот я стою на ступенях Таврического дворца. Во дворце — Ленинградская высшая партийная школа. Я — ее выпускник. И я горд, что моя жизнь связана с этим величественным и строгим зданием.

...Я стою в левом крыле дворца. Именно здесь к вечеру 27 февраля стали собираться первые депутаты...

А в правых комнатах еще что-то обсуждали, еще на что-то надеялись депутаты царской думы...

Но уже был сорван с фасада дворца и пылал распростертый на брусчатке мостовой двуглавый, увенчанный короной орел — символ ненавистной Российской империи — только что так, казалось бы, цепко сжимавший непременные атрибуты царской власти — скипетр и державу... И вместе с дымом костра в сером петроградском небе таяли последние их надежды...

Владимир ЛУЦКИЙ

Рисунки И. ПАНКОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

ГОД 1917ый,

Мы:

«Европа чревата революцией. Чудовищные ужасы империалистской войны, муки дороговизны повсюду порождают революционное настроение, и господствующие классы — буржуазия, и их приказчики — правительства, все больше и больше попадают в тупик, из которого без величайших потрясений они вообще не могут найти выхода».

(Из речи В. И. Ленина на собрании швейцарской молодежи. 9 января 1917 года.)

Они:

Командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов — царю (25 февраля, 17 час. 40 мин): «24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая было рабочими прекращено... Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками».

Царь — Хабалову (25 февраля, 20 час. 40 мин.): «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Они:

«Можно с уверенностью сказать, что подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали. В сравнении с настроением данного момента настроение 1905—1907 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным. Тогда острая ненависть к правительству охватывала сравнительно узкий круг — рабочий класс, часть крестьянства и горсть интеллигенции,— теперь же в непримиримом чувстве осуждения правительства объединяется едва ли не все общество...»

«...большевики, хотя и с большим трудом, но успели сорганизовать руководящий коллектив, который пытается использовать благоприятный момент и направляет свои усилия к революционизированию народных масс с целью толкнуть их затем на бунтовщические проявления своего недовольства...»

(Из донесений начальников Московского и Петроградского охранных отделений.)

Мы:

«Вечером (25-го.— *Прим. ред.*) у тов. Антюхина заседает райком. Информация с мест дает много радостного, бодрого, чувствуется, что движение все более и более крепнет, по заводам есть стремление выбирать представителей в Совет рабочих депутатов, выборы которых райком старается взять в свои руки... Заседание недоканчивается: кто-то прибегает и сообщает, что на Невском перестрелка с казаками, все спешат туда».

(Из воспоминаний члена РСДРП(б) с 1907 года Н. Ф. Свешникова.)

«Братья солдаты!.. Помните.., что только союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному народу и конец бессмысленной войне. Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!»

(Из листовки большевиков к солдатам. 26 февраля.)

«Сошлись. Я заявляю: «Победить или умереть. Думаю, умереть с честью — лучше. Отцы, матери, сестры, братья, невесты просят хлеба. Мы их будем бить? Вы видели кровь, которая лилась по улицам? Я предлагаю завтра не идти. Я лично — не хочу». Взводные заявили: «Мы от тебя не отстанем. Делай, что хочешь». Поцеловал я их всех и сказал: «Останемся друзьями. Не выдавать один другого и живым в руки не даваться...» Взводные согласились, конечно... «Только твою команду и будем исполнять».

(Из воспоминаний о ночи на 27 февраля Т. И. Кирпичникова — бывшего фельдфебеля учебной команды Волынского полка.)

Мы:

«23 февраля, в Женский день, была объявлена стачка на большинстве фабрик и заводов. Женщины были настроены очень воинственно. Не только работницы, но и массы женщин, стоявших в хвостах за хлебом, за керосином. Они устраивали митинги, они преобладали на улицах, двигались к городской думе с требованием хлеба; они останавливали трамваи. «Товарищи, выходите!» — раздавались энергичные возгласы. Они являлись на фабрики и заводы и снимали с работ. Вообще Женский день прошел ярко, и революционная температура начала с этого дня подниматься».

(Из газеты «Правда».)

ФЕВРАЛЬ

Мы:

«Свернули на набережную, подошли к «Крестам». Мы с унтер-офицером застучали в главные ворота: «Отворяй!..» Послышался голос: «Отойдите от ворот, а не то будем стрелять». Начались переговоры. Солдаты уверяли охрану, что она со своими берданками против двух пулеметов, которые сопровождали роту, ничего не сделает. Нам отвечали, что «не велено» открывать. Тогда мы оставили главные ворота и перешли к боковым, деревянным, которые находились шагах в тридцати. Невдалеке на набережной лежала куча телеграфных столбов. Человек двадцать солдат взялись за такой столб, раскачали его, как таран, и с размаху нанесли могучий удар по нижней части ворот.

(Из воспоминаний о 27 февраля большевика А. П. Тайми.)

Они:

Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко — царю (27 февраля, 12 час. 40 мин.): «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом... Гражданская война началась и разгорается... Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии неминуемо... Час, решающий судьбу Вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно».

Мы:

«После переговоров с часовым, который совершенно не хотел сдаваться, я заявил ему, что он будет убит, и предложил ему выстрелить в воздух три раза, заявляя, что его разводящий не выйдет, потому, что он с нами. Проделав это, часовой убедился в справедливости моих слов и сдался. Взломав склад, мы нашли много револьверов, нагаек и пуль. Вооружался всякий, кто только мог».

(Из воспоминаний о 27 февраля И. Д. Чугурина.)

Они:

«В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие войска... Днем сделал прогулку по шоссе в Оршу. Погода стояла солнечная...»

(Из дневника Николая II, 27 февраля.)

Мы:

«Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа... Задача рабочего класса и революционной армии — создать ВРЕМЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, которое должно встать во главе нового нарождающегося РЕСПУБЛИКАНСКОГО строя...»

(Из манифеста ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России».)

Они:

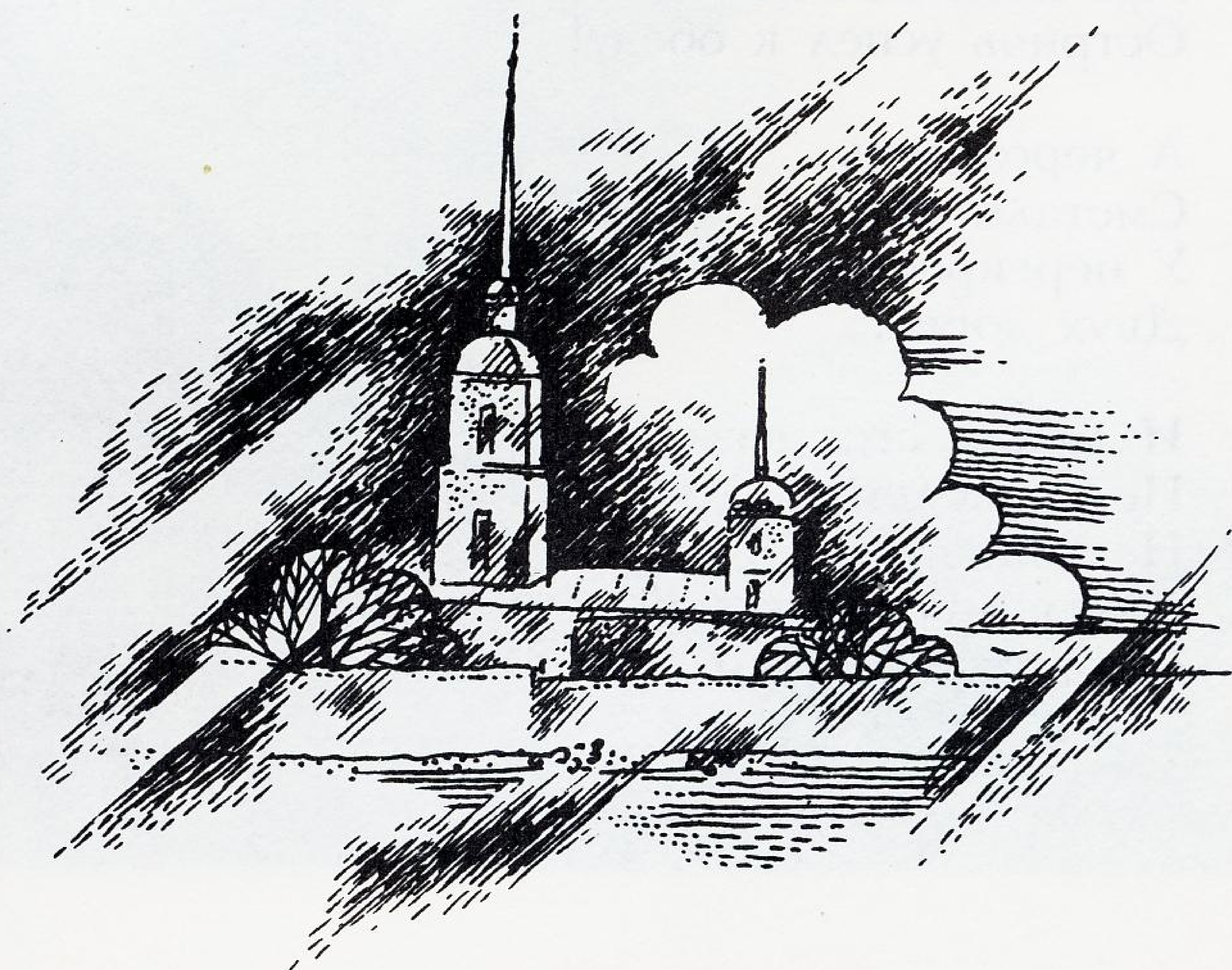
Генерал Хабалов — генералу Алексееву (27 февраля, 20 час. 10 мин.): «Прошу доложить его императорскому величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск... К вечеру мятежники овладели большей частью столицы. Верными присяге остаются небольшие части резервных полков, с которыми я буду продолжать борьбу...»

Мы:

«Совет рабочих депутатов... ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда. Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами...»

(Из Обращения Петроградского Совета рабочих депутатов к населению Петрограда и России. 28 февраля.)

Так рухнула и покатилась под откос сгнившая насквозь, по выражению Ленина, «ТЕЛЕГА ЗАЛИТОЙ КРОВЬЮ И ГРЯЗЬЮ РОМАНОВСКОЙ МОНАРХИИ».

Алексей ЛОГУНОВ

Солдат домой вернулся

Меж берез
У синей речки
Смотрит вдаль
Домок с крылечком.
Был все время
Тот домок,
Как приземистый
Грибок.

К шумной радости
Ребят
В этот дом
Пришел солдат.
Распахнул
Окошко с треском
Он рукою сильной,
Заплескались занавесок
Ситцевые крылья!

Дом подрос,
Раздался вширь:
Ведь хозяин —
Богатырь.

Ребятишки там —
Гурьбой.
Время не теряют,
Все пилотку со звездой
Дружно примеряют.

А солдат их чаем
Угостил вначале.
Починил приемник —
Песни зазвучали.
У соседей побывал,
О делах потолковал,
И поехал за село
По тракторному следу:
Луг косилкой наголо
Остричь успел к обеду!

А через день
Сметали стог
У перекрестка
Двух дорог.

И людям стог казался
Не кораблем,
Не лодкой —
Казался богатырской
Солдатскою пилоткой.

Небылица

На улицу я вышел
В вечерней тишине.
Вдруг избы сняли крыши
И поклонились мне:

«Слышь, паренек,
Спасибо,
За то, что строил нас,
За наш фасад красивый
И синь оконных глаз».

Такою небылицей
Ну как не поделиться?
Забилась кровь во мне волной,
И я — скорей бежать домой.

Но возле самой двери
Я повернул назад:
Большие не поверят,
А дети... дети спят.

Деревянные ложки

Валялась
Липовая чурка
Там, где у нас
Лежат дрова.
А дед из чурки
Сделал чудо,
Точнее, не одно —
А два.

Два чуда —
Две чудесных ложки!
Округлых,
Звонких,
Расписных!
Чечетку
Даже без гармошки
Я так отплясывал
Под них!

И вот —
У речки этим чудом
Уху горячую
Едим.
И восхищенно
Машет чубом
Над костерком
Лохматый дым.

Зажглись по избам огоньки

Зажглись по избам огоньки...
Как быстро день прошел!
А мама с кухни:
— Мужики,
Мыть руки — да за стол!

В передний угол сел отец,
Я рядышком, к окошку.
Беру за хвостик огурец,
За теплый бок картошку,
Ломаю хлебушка кусок...

А какой у нас квасок:
Так и пенится,
Ерепенится!

От жира — щи в накрапах,
И мама весела,
И пар на белых лапах
Гуляет вдоль стола!

* * *

Всегда деревня привечала,
Как нянька добрая, меня.
Она мне люлечку качала,
Шептала сказки у огня,
Учила в школе русской речи,
Кормила кашей с молоком,
Чтоб рос,
Чтоб шире были плечи,
Чтоб за добро платил добром.

Рисунок В. ДУДКИНА.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Маняша

ПОВЕСТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Продолжение. Начало в №1.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Наконец наступает тот праздничный день, который с радостным нетерпением ожидали обитатели Алакаевского хутора. Ранним июньским утром из ворот хутора выезжает первая упряжка в одну светло-рыжую лошадь с черным хвостом и гривой, а весь парадный поезд составляют несколько тарантасов и подвод, взятых напрокат у соседних крестьян. Во главе поезда Буланка. Когда мама с помощью Марка Тимофеевича покупала Алакаевский хутор, по его совету приобрела и Буланку. Съездить за пятьдесят верст в город, на станцию, на почту за газетами — мало ли дел. Нерезвая и даже, как судили старшие, ленивенькая лошаденка глядела задумчивым взглядом, будто какая-то забота тяготила ее.

Маняша и Оля приносили ей после обеда кусок посоленного хлеба. Съев хлеб, Буланка благодарно ласкалась, облизывая девочкам щеку или шею шершавым языком. Но главным покровителем Буланки был Митя. Он умел запрягать и распрягать Буланку, накашивал для нее свежей цветистой травы, расчесывал гриву и трусил верхом на почту за газетами или куда-нибудь по разным нужным делам. Посоленным хлебом он ее не баловал или редко, по секрету ото всех, опасаясь, как бы не назвали сентиментальным, что для мальчишки обиднее «дурака».

— Буланка, Буланка, сегодня замечательный день! — говорила Маняша, вплетая в гриву лошади васильки, собранные в овсяном поле.— Угадай, что будет сегодня. Ни за что не угадаешь. Венчание. Аня выходит замуж. Спросишь, кто жених? Марк Тимофеевич Елизаров.

Имя Марка Тимофеевича Маняша произносит с особым чувством. Он представляется Маняше несгибаемым, прочным, сильным, как столетний дуб на опушке леса. Гордо высится, раскинув едва не над всей поляной могучие сучья. Никто и ничто его не страшит. Спокоен. Так и Марк Тимофеевич силен, спокоен. Давно связан с семьей Ульяновых. Живет с ними на Алакаевском хуторе и в Самаре на общей квартире.

— Анюта, Марк очень хорош.

Порывистая, вмиг воспламеняющаяся Аня бессчетно целует Маняшу.— Хорош, хорош, хорош!

— Понимаешь, Буланка, какой у нас прекрасный жених,— делится Маняша с Буланкой.

А он, легок на помине, тут как тут.

— Умница-разумница Маняша на славу украсила Буланку!

Марк Тимофеевич, крестьянский сын, знающим жестом одобрительно похлопав Буланку по крупу, на что та ответила негромким приветливым ржанием, усаживается в тарантас, покрытый чистейшей белизны простыней. С ним его брат и Анин брат Володя. Невеста и другие родственники ее и жениха на следующих тарантасах поезда. Мария Александровна остается дома. Так положено. Мать не должна присутствовать в церкви на венчании дочери. Все делается согласно крестьянским и церковным обычаям.

Крестьянских сыновей в университеты принимали туго. Марк очень способен, но и он попал с трудом. Однако на старших курсах за блестящие успехи был даже освобожден от платы.

В студенческие годы он познакомился с Сашей Ульяновым, тоже студентом. Тогда же узнал и Аню, она училась на Высших женских курсах в столице. Марк дружил с обоими. Просвещенность, талантливость, благородное сердце, волевой характер юного Саши поражали и страстно привлекали его. Марк буквально преклонялся перед Александром Ульяновым. Вначале это более всего сближало и роднило его с Аней. Казнь Саши потрясла и еще крепче связала их. Следом за Сашей арестовали Аню. Ни за что. В то время она не была еще революционеркой. Но была сестрой политического преступника, покушавшегося на священную особу императора. Ее заключили в одиночную камеру тюрьмы.

Опасно держать связи с арестованной, которую полицейские занесли в списки политически неблагонадежных. Именно в это время Марк открыто объявляет Аню своей невестой, делит все беды Ульяновых, становится прочной опорой убитой горем семьи.

«Чудесный жених у Анюты,— ликует Маняша.— Лучше не может быть жениха, нет другого такого! А она? Образованная. А красива! У Ани одухотворенное лицо. А как прелестно падает на лоб темная прядка волнистых волос. А стихи!»

Естественно, Маняше особенно любы Анины стихи, посвященные ей.

Встречаю ль я взгляд твой, серьезный
и кроткий,
О, милая крошка моя;
Звучит ли своей мелодической ноткой
Твой голос, лаская меня,
Я думой крылатой вперед улетаю
В туманную темную даль,
Грядущее я о тебе вопрошаю,
Мне страшно чего-то и жаль!
Боюсь за тебя и желаю я страстно,
О, милая крошка моя,
Чтобы за тебя я страшилась напрасно,
Чтоб жизнь пощадила тебя...
И чтобы в сознаньи душевного счастья
И высшей святой красоты
Служила для всех бы звездою участья,
Отрадою светлою ты!

Маняша тронута и горда, но прячет свою гордость даже от Ани. Аня—переводчица детских книг с немецкого и итальянского. Аня—поэт, Маняша понимает, Аня из любви к ней, младшей сестренке, так нежно и поэтично рисует «Милую Крошку». «Не такая уж я милая, и давно уж не крошка, а у нашей Ани доброе сердце. Взгляните, как ее приветствуют люди».

Проезжая деревней на тарантасе, Маняша видит: вдоль дороги, у завалинок и крылец почти всех алакаевских изб стоят женщины, старики, дети, иногда даже мужики. Сегодня воскресенье, рожь убрана; овес еще дозревает, поэтому люди дома и вышли полюбоваться Аниным свадебным поездом. Иные машут платками. Одна женщина, Маняша видит, утирает слезу. Мальчишки с гиком и свистом сопровождают поезд далеко за околицу.

Алакаевские крестьяне не знают, что Аню забирали в тюрьму. После тюрьмы до сих пор, и впереди еще два года, состоит под надзором полиции, власти неусыпно за нею следят. Иногда самарский уездный исправник пожалует на Алакаевский хутор убедиться, на месте ли высланная под его наблюдение «политическая неблагонадежная» личность.

Чтобы оформить венчанием брак с Елизаровым, Аня должна была подать прошение властям, добиться их разрешения.

— У-у, подлые полицейские! У, подлый царь.

А ну их! Не хочу думать о них,— гневается Маняша.

Но думалось. «Аня, Марк, Володя чистые, честные, славить бы их, учиться их святым идеалам, а за ними следят, каждый шаг проверяют. Даже когда люди хотят обвенчаться, унижают, просите у начальства разрешение».

Маняше нравится чинность и торжественность свадебного поезда. Лошади идут невскачь, шествие тарантасов движется медленно. Важно вышагивает передняя Буланка, мотая головой и отхлестываясь хвостом от слепней. Тихи поля. Безветренно. Степь не пылит. Скоро и село Тростянки Самарского уезда, где в церкви уже готов совершать обряд священник, облаченный в парадную, расписанную золотыми узорами ризу.

Маняша впервые на венчании, церковные церемонии занимают ее. Как мила, мила Аня! Волнуется. Щеки порозовели, глаза потуплены, чуть подрагивает в руке свеча. Священник раскачивает кадило, куря ароматным дымом и запахом ладана. Громогласно басит дьякон. Священник ласковым тенорком нараспев произносит моления и ведет вокруг аналоя взявшихся за руки Марка и Аню, объявляет их мужем и женой.

Дома, после венчания, Маняша делится с Володей:

— Интересно, похоже на спектакль.

— Спектакль и есть,— улыбается Володя.

— А вы не грешите,— ворчит старая няня Варвара Григорьевна, прожившая смолоду свой век в семье Ульяновых.— Господь нашей Анечке счастье послал, радоваться надо.

— Мы радуемся,— весело соглашается Володя и тихо Маняше:

— Без этого спектакля Аня и Марк не могли бы жить вместе спокойно. Невенчанные не признаются мужем и женой, таков закон.

— Как услышишь слово «закон», так и знай: нехорошо от него людям.

— Чаще плохо,— отвечает Володя.— Однако пора к столу.

Стол каким-то образом удлиненный, видимо, подставили второй, накрыт в самой просторной комнате, застелен новехонькой скатертью с вышитой крестиком каймой. Перед маминым и молодоженов приборами цветы. Ваз в Алакаевке нет, цветы в глиняных, тоже новых, ярко раскрашенных крынках, и так славно это идет к бревенчатым стенам, на одной подвешена гирлянда из дубовых и кленовых ветвей.

За столом пир горой. Студень с хреном, маринованные и соленые грибы, пупырчатые огурчики прямо с грядки, кулебяка, уха, волжский осетр, едва ли не накануне выловленный, и на сладкое лесная малина.

— Где мы? Не у Собакевича ли в гостях! — хохочет Володя.

— Далеко до нас Собакевичу! Жалко, не каждый день у нас пир! — в тон ему веселится Оля.

Маняша видит, мамины глаза потеплели, слабая улыбка трогает губы. Володя неистощимо остер и шутлив. Оля играет на рояле в другой комнате, рядом. Дверь распахнута, Олю видно и слышно. Она исполняет бравурный и в то же время лиричный, ласкающий, нежащий «Свадебный марш» Мендельсона. Митя, в такт музыки притаптывая, подпевает: «Тара-та-ра-тара-ра. Туру-ру». Все подхватывают. Старая няня Варвара Григорьевна, в белой косынке, белой же по случаю свадьбы, по-старушечьи навыпуск кофточке, вконец растроганная, смеется, и всхлипывает, и любовно бормочет: «Без солнышка не пробыть, без милого не прожить».

Аня и Марк счастливы.

Лад, дружба, любовь на Алакаевском хуторе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— В малолетстве средненькие наши, Володя с Олей, баловники были, ох выдумщики! Друг перед дружкой будто выхвалялись, кто затейливей игру придумает: и в прятки, и в индейцев каких-то, а еще брыкаски у них были придуманы, вроде леших, что ли. Иной раз мамаша с папашей со двора куда-нибудь в гости, что тут в доме творится! Я так и так: уймитесь, разбойники, куда там!

Старенькая няня, сидя на сундуке, где хранится ее одежда и «смертное», приготовленное на кончину, рассуждает длинно, душевно, покачивая головой из стороны в сторону.

Постоянная ее слушательница Маняша неутомимо внимательна. И няне хочется без устали рисовать и описывать пытливой девочке дорогое минувшее. Чует старое сердце Варвары Григорьевны: недолог остается срок обихаживать издавна родную ей семью Ульяновых, лелеять милых деток.

Давно ли скакали и прыгали? Оленька, красотка, и нынче танцевать бы танцы, а она с утра дотемна над книгой лоб хмурит. Про Владимира и говорить не приходится. Рано вышли из детства родименькие, толкует старая няня. Вам бы еще погулять, а у вас одна думка — науки учить, ум точить. Папаша ваш, Илья Николаевич, большого ума был человек, видать, и вы за ним тянетесь.

Маняша была малышом, когда «средненькие», окончив уроки, шумно играли. Иногда и Маняше доставалось с ними поиграть, но не угонишься за Олей, которая, соорудив из огромного лопуха шляпу, нацепив на пояс рябиновую ветку, пылающую кроваво-красными ягодами, превращалась в индейца и скакала в погоне за каким-нибудь динозавром, не меньше. Теперь Оля с утра до ночи хмурит, как выражается няня, хорошенький лобик над книгами. Хотя и теперь временами нападет беспричинное веселье и она и споет, и попляшет, и за роялем посидит час-другой.

— Ольгуша, может, все же изберешь профессию музыкантши — ты так любишь и знаешь музыку,— советует мама.

Оля колеблется, сомнения терзают ее. Но в конце концов решение принято.

— Мамочка, музыка — мое счастье и опора в горестях, но кругом так много бедности, возьми хотя бы Алакаевку. Бедным и несчастным нужна музыка, но хочется приносить людям более существенную пользу.

— Кем же ты будешь?

Володя твердо:

— Ученой. У Оли отличные способности к математике, превосходно владеет языками: английским, немецким, французским, шведским. Нельзя допустить, чтобы все эти таланты и знания пропадали даром.

— И золотая медаль,— подхватывает Маняша, если разговор происходит при ней.

Оба ее брата и сестра Оля — золотые медалисты. «Если бы хоть каплю быть похожей на них,— мечтает Маняша.— Почему я уродилась такой обыкновенной? Никаких талантов. Никакого призвания.

— У тебя высокое призвание быть Человеком,— говорит Володя.

Маняша со вздохом молчит. Все всегда ее бодрят.

Оля мгновенно подбирает аккомпанемент к Володиной импровизации.

Она-то знает о себе, что заурядная. Однако не будем вешать голову. И заурядный человек может жить интересно и приносить пользу людям.

Между тем летят дни, недели, месяцы. Миновал год. Оля и Володя неотрывно готовятся к поступлению в высшие учебные заведения. Мало знаний, ума, таланта — надо преодолевать препятствия. Володю, состоящего под надзором полиции, не допускают ни в один институт. Ну, а Оля? Не поднадзорная. В тюрьму за решетку не запирали. Почему же ей так трудно поступить на Высшие женские курсы? Почему русской женщине почти невозможно стать математиком, физиком, медиком, будь ты хоть сто раз умна и способна? Снова ничего не объясняющий ответ: таковы наши российские законы. Впрочем, ответ объясняет: таковы наши законы.

Жизнь не устает преподносить Маняше уроки. Один, второй, третий, и Маняша растет.

Оказывается, Оля не может поступить на Высшие курсы без разрешения мамы. Отца нет, пусть мать подаст заявление о том, что не возражает против высшего образования дочери. «Так способна, так жаждет учиться, и ей уже 18 лет, неужели Оля не вправе сама выбрать себе дорогу?» — думает, спрашивает, недоумевает Маняша.

Анюте потребовалось разрешение на венчание. Оле на образование. Что за жизнь! Прав, прав Володя, надо изменять жизнь. Как?

В доме тревожно. Даже няня, которая не очень-то одобряет, когда дети рано покидают родительский кров, даже она пригорюнилась: «Оленьке неужто откажут?»

Маняша знает, гениальной математичке Софье Ковалевской пришлось вступить в фиктивный брак, то есть только для вида, чтобы освободиться от родительского деспотизма. А то Володя рассказывал об одной замечательной ученой, ее отец, важный генерал, заявил: пусть хоть в гроб ляжет дочь, в университет не пущу. Мамочка, а ты?

Мамочка направляет в канцелярию Высших женских курсов заявление: «Я, нижеподписавшаяся, удостоверяю, что не имею препятствий к поступлению дочери моей Ольги Ильиничны Ульяновой на Высшие женские курсы».

Ну, все. Формальности выполнены. Семафор открыт. Нет, не все. Семафор не открыт. Требуется второе заявление матери. «Я, нижеподписавшаяся, удостоверяю, что имею средства для содержания дочери моей Ольги Ульяновой в интернате при Высших женских курсах в продолжение четырех лет».

Ольга допущена к поступлению на Высшие женские курсы на физико-математическое отделение.

— Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит,— распевает Володя.— Импровизация, прошу публику отнестись снисходительно.

Публика — Оля, Аня, Марк, Митя, конечно, Маняша. Оля мгновенно подбирает аккомпанемент на рояле к Володиной импровизации, будь она хоть в одну фразу.

— Бежит, бежит...— С упоением подхватывает публика. Поются и другие песни. Ведутся разговоры, главным образом об Олином будущем.

— Ты мечтала о медицинском курсе, но разве для женщин это вероятно? — с горечью говорит Аня.

— Журнал «Гражданин» читали? Прочтите. Просветитесь,— иронично продолжает Володя.

Из обсуждения старших Маняша улавливает: в журнале «Гражданин» ведется яростная борьба против естественнонаучного и медицинского образования женщин. «Девушка, порезавши досыта лягушек, теряет способность полюбить мир таинственных прелестей матери и жены». Тщательное охранение женской стыдливости, вечной женственности проповедует журнал «Гражданин». Медицинское образование убьет в женщине материнство, чувство прекрасного,— проповедует журнал «Гражданин».

— Стоп! — останавливает Марк Тимофеевич, взглядом указывая на Маняшу.

— Поговорим о более оптимистическом,— соглашается Аня. — Ольгуша, музыку не бросишь?

— Никогда!

— Переводы?

— И переводить непременно буду! Надо хоть немного зарабатывать деньги в помощь маме.

— Да, гм... черт знает,— бормочет Марк Тимофеевич в темные густые усы.

— На черта не сваливай, есть вполне реальные люди и учреждения, что мешают тебе получить приличную работу.

— Ах, Аня...

После Сашиной казни полиция взяла под наблюдение Марка Тимофеевича. Вина — Елизаров в близких отношениях с опасной семьей Ульяновых. Ни в Петербурге, ни в Самаре Марк Тимофеевич не может найти подходящей работы. Полиция чинит препятствия. Губернатор одобряет полицейские

действия. Марк Тимофеевич терпит мытарства. При университетском образовании, способностях, страстном желании исполнять интересное дело он добивается должности только писца с грошовой оплатой. Переписывать казенные бумажки. Скучно, обидно. И стыдно: вон и Оля понимает, как необходимо помогать маме. И как мало может он!

Враждебность властей к хорошим людям не новость для Маняши. Все яснее она понимает: пропасть делит общество на два лагеря — угнетателей и угнетенных. Все чаще слышит негромко произносимое в доме слово «марксизм».

Близится Олин отъезд. Наступил день. Собрались в комнате, где рояль. Присесть надобно. Обычай — распоряжается няня Варвара Григорьевна.

Все сели. Помолчали.

— Эх, и жалко, Оленька, тебя отпускать. Семья вместе, и душа на месте,— пытается попричитать Варвара Григорьевна.

— Няня! — останавливает Володя.— Не успели, Оля, мы с тобой одолеть Фукидида. Приеду в Петербург экзамены держать, дочитаем.

— Милостивый боже! Они за Фукидида взялись,— в непритворном изумлении восклицает Марк Тимофеевич.— История Пелопоннесской войны. Судьбы Афинской державы. Проведал бы «Гражданин», досталось бы, Оленька, тебе на орехи!

Оля, смеясь, встряхивает темной головкой с пучком завязанных на затылке волос. Весела, рада, будущее манит ее.

— Опиши Петербург, все достопримечательности,— юношески ломким голосом наказывает Митя.

— Хватил! Все достопримечательности. Их обозреть года не хватит.

— А ты не год будешь в Питере.

— Лети, птенец, крепи крылья,— мечтательно произносит Аня.

— Ура! Зреет или уже созрел замысел нового поэтического произведения в честь покорительницы столицы, Ольги Ульяновой.

Мама берет Олю обеими руками за виски. Долго глядит в глаза:

— Будь счастлива, девочка! Наша милая умница, будь счастлива.

Все выходят из дома проводить Олю.

Лети, птенец!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Злодей! Ты задумал меня погубить! — восклицает Володя, когда вечером в его самарский или алакаевский зеленый кабинет преувеличенно осторожными шагами входит Марк. Под мышкой шахматная доска.

— Так или иначе пора отдохнуть. Или хотя бы сменить род занятий. Десять часов без передышки над философией. Как бы ум за разум не зашел, а, Володя? Сразимся?

Устоять от соблазна трудно, Володя отчаянный шахматист и только усилием воли заставляет себя иногда уклониться от шахматной партии с Марком. Необходимо готовиться и готовиться к университетским экзаменам. Чем дальше в лес, тем больше дров — чем глубже вникает Володя в науки, тем сильнее втягивается, тем больше и больше хочет узнавать.

— Однако сразимся.

Сразиться с Марком интересно и опасно. В доме Ульяновых все владеют шахматами, даже мама. Папа, тот был весьма серьезным игроком. Володя, будучи солидным партнером папы, все же порой ему уступал, иной раз партия кончалась вничью, а то и хуже. Что же касается Марка Тимофеевича Елизарова, он отменный шахматист, посильнее и Володи ,и папы. Увлеченный, азартный. Он родом из недалекой от Алакаевки деревни Бестужевка. Там изба и большая семья брата. Иногда нагрянут племянники. Обступят дядю.

— Сыграем, окажи милость, сыграем!

— Да что толку, ведь знаете, обыграю.

— А может, нет! Может, споткнешься. Мы во как тренировались, вовсю!

С племянниками Марк Тимофеевич из веселого любопытства играет вслепую несколько партий. Три-четыре противника, все равно, к общему восторгу Марк Тимофеевич выигрывает все партии, не глядя на доски.

Впоследствии он выиграет партии у знаменитого на весь мир немецкого шахматиста Ласкера, русского Чигорина. Победы над Ласкером и Чигориным еще впереди, но зрелый, интереснейший мастер угадывается в нем и сейчас.

Не зря Володя, скрепя сердце, отложил в сторону науку и так увлекся, что готов сражаться до поздней ночи, пока в ту или иную пользу не окончится многочасовая партия.

— Володя, Володенька, Марк! — слышен радостный зов. Со всех ног мчится Маняша.— Письмо!

Каждое Олино письмо для дома событие. Обычно мама получает его утром. Читает наедине, перечитывает, вдумывается в каждую фразу.

Оля немногословна, но подробное, деловое описание обстановки, быта, занятий, знакомства рисует картину жизни дочери на чужбине, и сердце матери бьется спокойней до следующего письма. Нет, никогда мамино сердце не бывает спокойно. Недостает в доме Оли, грустно недостает! Ее музыки, порой заливчатого смеха, страстных обсуждений с Володей прочитанных книг, строгих проверок гимназических заданий на дом Маняше, и всегда милой ласки ко всем. Нескладно поворачивается жизнь. Могли бы не отпускать девочку одну в Петербург, всей семьей переселиться туда. Как переселиться? Володя под полицейским надзором, Аня под надзором, Марк под надзором. Сидите в Самаре.

За вечерним чаем семья собирается вокруг стола. Аня вслух читает письмо. «Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой»,— цитирует Володя Грибоедова, сразу внося в беседу веселый тон.

Узнают из письма: Оля прилежно учится, живет замкнуто, в гости не ходит. «Вечера я обыкновенно сама дома и читаю или занимаюсь, книг здесь хороших много».

Почему-то мама вдруг запечалится. Володя тотчас понимает:

— Мамочка, ведь первые дни, всего несколько дней, не светская барышня наша Оля, чтобы сразу пуститься по гостям. Общительная, со временем друзья найдутся. Непременно найдутся.

Маняша подойдет к маме, положит голову ей на плечо.

Зато из следующего письма узнается: Оля очень занята, по-прежнему свободное время проводит дома за книгами, но все же удается послушать пение и музыку.

О музыке Оля не однажды пишет:

«Музыку я не бросаю, дорогая мамочка».

«После обеда иногда остаюсь на курсах играть».

«...играю иногда на курсах при публике».

Ого-го! При публике — не шутка!

Добрая, не просто добрая, деятельно любящая, щедро внимательная Оля думает не только о себе, заботится и помнит о Маняше. Вместе они исполняли в память папы Шопена — незабываемый день! Оля ищет для Маняши в магазинах ноты. «...Маня сейчас как раз играет так, что ей очень трудно найти хорошие вещи, от детских она уже выросла; классические вещи, как Бетховена и Моцарта, начинать ей трудно... Пусть она попробует разучить сонату Гайдна...»

Конечно, не только о музыке Олины письма. Как приятно, что ожидает ее, и, может быть, не так далеко, исполнение мечты. «Сообщаю тебе, мама, радостную для меня весть: кажется, уже теперь решено, что на будущий год осенью откроются медицинские курсы и тогда я могу перейти на них».

Мама, как дитя, радуется Олиной радости. Ее отец, Александр Дмитриевич Бланк — доктор, скольким людям сохранил жизнь, сколько разумных мыслей о воспитании и лечении оставил в наследство молодому поколению врачей.

Мама любит рассказывать о врачебной деятельности отца чаще Маняше. Маняша умеет слушать. Усядется на скамеечку возле маминого кресла, обхватит кольцом рук колени и не мигнет, вся внимание! Мама читает в глазах дочки благодарное любопытство, горячее участие. После Олиного письма о медицинских курсах Маняше хочется мчаться в деревню — помочь, напоить больного, перевязать рану, накапать в стакан лекарство.

— Наша Ольгуша будет великолепным врачом,— мечтает мама. — Будет не только лечить, а просвещать малограмотных людей. Все русские передовые врачи всегда просветители. Твой дед, Маняша, был известным на всю округу доктором, он и воспитатель. Учил, как воспитывать детей, закалять. Любя, не нежить излишне, не баловать, но будить в человеке душевную щедрость, чувство доброты и долга... Ты понимаешь, Маняша?

— Да, да, мамочка, да!

В нашей Оле наисильнейше развито чувство долга. Как бы ни была она занята, обойдет все магазины, ища Володе нужную книгу, обследует все редакции для Ани. Аня переводит с итальянского. Одно из ее произведений печатается в «Самарской газете». Оля обращается в редакции различных петербургских журналов, предлагая опубликовать ту или иную Анину работу. Всюду ее постигает неудача. Горько признать, но, не имея знакомств в редакциях, то есть протекции, трудно, почти невозможно пробиться, пишет Оля.

— Особенно такой скромнице, как она. Франтихе, кокетке, вообще светской даме легче добиться успехов. А Оля...

Мама читает: «Конечно, Мамурочка, я не скучаю на праздниках: для меня они не отличаются от будней почти ничем — только на лекции не ходишь».

— Ты слышишь, Маняша?

— Да.

«...Сдается, что вы не все мои письма получаете... Посылать же свои письма заказными я не могу: пишу я их все же... очень много... Этак придется совсем разориться на марки».

И еще и дальше: она бывает в редакциях, милая девочка! Уж очень хочется ей помочь Ане опубликоваться в солидном журнале, а у самой курсы, лекции, книги, занятия, и это не в Симбирске или Самаре — в столице: «Концы здесь огромные и приходится ходить пешком».

— На марки — экономия, на конку — экономия, ты слышишь, Маняша? А как обстоит дело с нарядами?

«Ношу черное платье, но неряшливо никогда не хожу, потому что всегда чищу его щеткой и делаю некоторые улучшения».

Скромная Оля, могла бы в праздники пофорсить. Нет: «Серое платье никогда не одеваю, потому что оно слишком парадно».

Мама складывает письма в шкатулку, сделанную и покрашенную для нее еще Сашей. Мало судьба посылает нам радостей: все занятия, учение, разлуки.

Ан, радость вскоре и подоспела. Правда, отчасти тоже связанная с разлукой — Володя уезжает в Петербург держать экстерном экзамены в университет. Володя здоров, бодр, полон сил, уверен в себе, ни тени сомнений. И домашние уверены: все будет у него хорошо. И как чудесно! Встретится с Олей, одинокой нашей былинкой. Побеседуют — они любят вести разговоры вдвоем, вместе приедут домой на каникулы, мечтает мама, расцветая от счастливых предчувствий. Оля соскучилась о доме, уже полгода назад в январском письме делилась: «Надеюсь в начале мая приехать в Самару».

Нынче апрель, до мая недалеко.

Маняша с мамой приводят Олину комнату в образцовый порядок. Маняша сшила легкие бледно-розового цвета занавески на окна, Оля будет просыпаться розовым утром. Впрочем, скоро они переедут на Алакаевский хутор. Ах, нет рядом с Самарой Алакаевского леса! Маняша собрала бы для Оли к ее приезду букет лесных цветов.

— Апрель — затейник,— говорит няня,— приглядеться: милее апрельского цвета ничего нет на земле. В лесу набредешь на кустарничек, «волчьим лыком» зовется — мало кто и слыхал про него, а он, чуть снег сойдет, распустит лиловые колокольчики, глаз не оторвешь. Кругом голо, а его колокольчики огоньками горят.

«Скорее бы, скорее приехала Оля, пойдем в лес»,— думает Маняша.

По-прежнему она слушает Олины письма.

Мама сначала читает про себя, потом вслух ей, напоследок всем.

— Смотрите-ка, дети, каждое Олино письмо — отчет о прибытии Володи в Петербург, Володином житье-бытье и здоровье.

«Комната, которую он снял, мне нравится, особенно хорошо для него, мне кажется, то, что в квартире его тихо, так что ему удобно будет заниматься». «Мне кажется, дорогая мамочка, что ты напрасно беспокоишься, что он надорвет здоровье. Володя олицетворенное благоразумие... Он уже сдал два предмета и из обоих получил по 5».

«...после обеда пришел ко мне и мы ходили с ним гулять по набережной Невы, смотрели ледоход»...

— Завидую,— вырвалось у Маняши.— Вот бы мне погулять на невской набережной с Олей и Володей! Есть же счастливцы.

Восьмого апреля 1891 года сообщила: «Ровно через месяц выезжаю домой».

— Через месяц, значит, 8 мая. Не очень долго, верно, мамочка. Выучу к Олиному приезду сонату Гайдна, что она посоветовала. Без единой запинки сыграю, она у нас строгий критик. Мамочка, мамочка, как хорошо.

А ровно через месяц, вызванная в Петербург телеграммой, Мария Александровна стояла у Олиного гроба. В белом, усыпанном цветами гробу в белом платье лежала ее дочь. Ее красивая, умная Оля.

Идет белый пароход.
Проплывают мимо волжские берега.

Они виделись постоянно с Володей после его приезда в Петербург для сдачи экзаменов. Чаще Оля прибегала к нему. Должна была прийти и в тот день. Не пришла. Обеспокоенный Володя, оставив занятия, поехал к сестре в общежитие. Оля металась в жару.

— Володенька, не волнуйся. Я встану. Пить, пить,— чуть слышно шевелились потрескавшиеся губы.

Все возможное, выше возможного делал Володя для спасения сестры. Приглашал лучших врачей. Не отходил от постели больной. Ничто не помогло.

Как тихо, величаво, спокойно ее лицо в гробу. Мама слышит плач подруг и Володи. И молчит.

Ножом по сердцу ударила мысль: «Восьмое мая. Четыре года назад,восьмого мая, погиб Саша. День в день». Мать больно стиснула пальцы у горла и молчит. Только когда в начале Расстанной улицы, ведущей к кладбищу, гроб сняли с похоронных дрог и понесли на руках, словно очнулась от забытья. «Расстанная улица. Расстаемся».

Вырос на Волковом кладбище свежий могильный холмик.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Долги черные дни, нет конца.

Маму ни на минуту не оставляют одну. Утро обычно проводит с ней Володя. Экзамены в Петербургском университете выдержаны, получен диплом 1-й степени. Володя, теперь Владимир Ильич, зачислен помощником присяжного поверенного Самарского суда. Пока ему необязательно бывать в суде каждый день. Любую свободную минутку он с мамой.

Семья переезжает на лето в Алакаевку. Неизменная собеседница, слушательница и сиделка при маме — Маняша.

Лета 1891 и 1892 годов страшны. Небывалая засуха, голод, холера обрушились на Поволжье. Самара будто вымерла. Умолк многолюдный базар, бойкие лавчонки закрыты. Улицы пусты. Пассажирские волжские пароходы прибывают к пристани с желтым флагом — знак зловещей беды, на пароходе холера. В деревнях и селах никакой медицинской помощи больным. Тысячи людей умирают.

Анюта шла в деревню Алакаевку с лекарствами, советами, шла сестрой милосердия. Люди низко кланялись ей.

Страшные тысяча восемьсот девяносто первый и девяносто второй годы!

Маняша говорит с мамой об алакаевских и всего Поволжья бедах, рассказывает о прочитанных книгах. Всеми способами отвлечь маму от губительных мыслей об Оле!

С мамой, Анютой и Марком они обсуждают дела Володи в Самарском суде. Адвокат может стать богачом, иметь роскошную обстановку, карету, держать лакея. Чтобы таким богатством владеть, необходимо завести выгодную клиентуру, купцов, помещиков, получать от них большие гонорары, войти в знакомства с «полезными» людьми и так далее. Ничего подобного у Володи нет и не будет.

Вот он направляется в суд защищать своего клиента, дело которого тщательно перед тем изучил. Кого сегодня будет он защищать? Крестьянин-«вольнодум», конечно, бедняк,— богачи вольно не мыслят, рассуждают, как угодно начальству, а этот сегодняшний Володин подзащитный, только послушайте, против кого он агитирует!

— Мамочка, мамочка! — дивится Маняша.— Он ругает бога, церковные службы, императора...

— Император приказал казнить нашего Сашу, бог не заступился,— тихо отвечает мама.

В детские годы Маняша засыпала мгновенно, лишь явит свой красный лик в окошке луна и дивно разольются соловьиные трели. Теперь долго, грустно не засыпается Маняше. Она знает, Володя еще в гимназические годы сорвал с груди крест, объявил себя богопротивником. Где ты, бог? Как допускаешь, чтобы люди гибли от голода, а другие в это время роскошествовали? Как допускаешь, чтобы казнили благородных людей? Тебя нет, бог! Тогда что же?

Володя знает Маняшины думы. «Пичужка!» — говорит он однажды... Он еще называет иногда ее так, хотя она значительно выросла не только ростом, а и умом и душой.

— Я рвусь в Питер, Маняша. Зачем? Там много заводов, силен рабочий класс. Изменить жизнь, перестроить общество может только рабочий класс. Крестьяне, бедняки пойдут в союзе с рабочими...

— Куда?

— К новой жизни, Маняша, новому обществу.

Маняша размышляет над Володиными словами, делится с мамой.

— Мамочка, Володе очень, очень нужно уехать в Петербург.

— Догадываюсь, Маняша. Знаю, задерживается он в Самаре из-за меня, жалеет меня. Печаль моя навечно. Надо вам, дети, идти, куда зовет совесть.

Тысяча восемьсот девяносто третий год приносит в семью Ульяновых большие изменения. Кончились сроки негласных и гласных полицейских надзоров за Володей, Аней и Марком. Полиция, понятно, не упускает их из-под наблюдения, но теперь они вправе оставить Самару, выбрать угодное им местожительство.

Кстати, Митя оканчивает Самарскую гимназию, предстоит поступать в университет. Митин выбор решен — медицинский факультет. Призвание определено: Митя будет доктором. Впечатление холерной эпидемии, гибель сотен и тысяч людей, человеческие страдания, беспомощность и подлое равнодушие властей к мучениям и вымиранию народа жестоким грузом легло на Митину душу. Нельзя забыть, нельзя простить. Юноша твердо выбрал свой путь и навсегда посвятит себя труду врачевания. Немало способствуют Митиным планам воспоминания мамы о деде—докторе. Дед был талантливым доктором, человеком страстной натуры, ничего не делал вполовину. Когда надо кому-то помочь, отдавал свои опыт и знания целиком, даже в старости не щадя сил, не ища покоя.

Слушая мамины рассказы, Маняша думает: «Может, и мне быть доктором? Кем быть? Когда-то Володя сказал: будь Человеком. Да, но у человека должно быть дело. Какое дело буду делать я? Все мои братья и сестры одарены, у всех свой путь. А я? Подскажите, кем мне быть?!»

Отныне вечера протекают в обсуждениях будущего. На семейном совете решено, вернее, семейный совет соглашается: Володя едет в Петербург. Там его ожидает обширная адвокатская практика. Но все, кто больше, кто меньше, понимают: иной, большой и опасный труд зовет его в столицу. К выполнению его надо приступить немедленно, завтра же. Володя — весь в завтрашнем дне.

Мария Александровна, Аня, Марк, Митя, Маняша переселятся в Москву.

Август. Лето еще горячо. Наливаются соками и красками фрукты в садах, на базарах и в лавочках высятся горы спелых груш, яблок, овощей, но опавшие желтые листья у подножия кленов и берез говорят — осень близка: низко нависнут сизые тучи, завесят небо, посыплют дожди, а там и льды закуют Волгу в зимний плен.

Но пока еще август. Белый парадный пароход общества «Кавказ и Меркурий» причалил к пристани. Праздничны палубы, до блеска надраена обшивка, иллюминаторы и все, что можно надраить, важен капитан, матросы ловки и быстры.

Семья Ульяновых отбывает из Самары.

— Многое важное пережито и узнано здесь,— говорит Володя. Он покидает Самару убежденным революционером, исполненным сил и воли к борьбе. Все без чьей-либо помощи достигнуто своим неустанным трудом.

Маняша не знает, что ее брат гениален. «Умный, добрый, веселый, любимый»,— вот что знает Маняша.

Идет белый пароход. Проплывают мимо волжские берега. То пологие, окаймляя зелеными луговинами песчаные отмели. Лениво набегают на песок мерные волны. То крутой стеной прямо в воду падает красновато-глинистый обрыв, сплошь изрытый ласточкиными гнездами. То едва не к небу поднимается царственный сосновый бор, зовет и манит под тенистые своды. Вынырнет из леса зайчишка, последит за движением парохода и юркнет обратно в спасительный лесной сумрак. То длинной чередой протянется деревня, избы под соломенными крышами обращены окнами к реке, возле крылец вытянулись тонкоствольные рябины, багряно рдеют кисти зреющих ягод, рыбачьи лодки, привязанные к колышкам, уткнулись носами в песчаный берег. Или сверкнет позолоченной главой церковка на высоком холме, обнесенная пышной изгородью бледно-лиловых сиреней...

Волга, Волга! Милы твои вольные, глубинные тихие воды! Твои плавные медлительные плоты, нарядные пассажирские пароходы, рабочие суденышки, снующие вдоль и поперек рыбачьи лодчонки — все любимо.

С Самарой простились. Впереди новая жизнь в незнакомой Маняше Москве.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Идет пароход. Второй день путешествия близится к концу.

Мама почти не покидает палубу. Невыразимая печаль и нежность в маминых глазах.

Низкий бархатный гудок парохода извещает прибытие — Симбирск, Казань, скоро Нижний. Родные города! В памяти встает пережитое: любовь, семья, дети, счастье, горе...

Маняша жадно ловит скупые мамины слова, каждое больно отзывается в сердце. Порою не стерпев жалости, убежит ненадолго в каюту, упадет в подушку лицом и горько плачет.

Наконец долгий, густой гудок: прибываем в Нижний. Живописна нижегородская набережная, ярко-зеленый откос круто падает вниз, поодаль видны тяжелые стены кремля, уступами идущие с горы на гору.

— Володя! — в тревоге тянется к брату Маняша.

— Не хнычь, пичужка, задержусь ненадолго в Нижнем, а там скоро увидимся. Перед Питером явлюсь к вам в Москву.

«Зачем ему Нижний? Давно он не был так приподнят. Какое-то просветленное лицо, надежды, предчувствия, нетерпеливые ожидания... Неужели будущая служебная должность в Санкт-Петербурге так его вдохновляет? Что ты! Или забыла?» — стыдит себя Маняша.

Нет. Крепко помнится одно алакаевское утро.

Оля подбирает на рояле незнакомый мотив, Володя сначала напевает без слов, потом вместе с Олей они поют по-французски слова гимна, изданного нелегально во французском городе Лилле, на русском языке этих необыкновенных слов еще нет.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...

Маняша понимает смысл гимна. Из переговоров старших узнает — это Интернационал, призыв рабочих к революционной борьбе.

Вот зачем ее брат остается в Нижнем. Чтобы тайно от полиции и чиновников встретиться с товарищами, как встречался в Самаре, вот зачем едет в Петербург, там много заводов и фабрик, могучий рабочий класс.

Мы наш, мы новый мир построим...

Наступает день и час, когда поезд отправится из Нижнего в Москву. Первый звонок, второй. Отъезжающие теснятся у окон вагона, машут провожающим платками, шлют поцелуи.

— Владимир Ильич! — кричит Митя на платформу в опущенное окно вагона.— Господин чиновник Владимир Ильич, желаем успеха на поприще... До свидания!

Митя и Маняша брели домой после прогулки по Москве усталые, но в упоении увиденным.

— До свидания, дорогие, будьте здоровы. Скоро увидимся.

Поезд медленно, как бы нехотя, трогается. «Владимир Ильич,— раздумывает Маняша,— наш Володя теперь только дома будет так зваться, для всех он Владимир Ильич».

Мама, поникнув, смотрит в окно, пока не миновали платформу.

Погромыхивая на стыках рельсов, поезд набирает скорость. По обе стороны рельсового пути лес, изредка полустанок помигает зеленым огоньком, паровоз шлет приветствие раскатистым басом. И мчит дальше. Оживленно в купе второго класса, где у мамы собралась семья Ульяновых-Елизаровых.

— Ребята! Не Москва ль пред нами? Умремте ж под Москвой! — актерски вскинув руку, декламирует Митя.

— У Лермонтова Москва за нами,— поправляет Аня,— но ты прав, Митя, для нас Москва перед нами. И умирать нам ни к чему.

— А мне позвольте народным языком выразить наши добрые чувства: «Москва — всем столицам голова».

— Марк пословицей кланяется Москве и я пословицей: «Кто в Москве не бывал, красоты не видал».

— Анюта, ты от няни эту пословицу взяла,— помнит Маняша.— Она и мне ее говорила, когда совсем заболела. Все мечтала, что с нами поедет.

На минуту в купе смолкают. Потом снова врывается Митя:

— Эх, братцы! Как я был доволен, когда церквей и колоколен, садов, чертогов полукруг передо мной открылся вдруг.

«Что такое! — мысленно досадует Маняша.— Я эти стихи готовилась сказать. Всегда кто-нибудь перегонит, всегда я последняя. Постойте, вспомнила! Жуковский».

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем! ...будь, что суждено!..
Паруса ее крылаты
И весло оживлено.

Марк встает, плечистый, высокий, затылком едва не упирается в потолок купе.

— Где вожатый? Вот! — И бережно целует руку матери.

— Умник, Марк, угадал? Именно это я хотела сказать,— ликует Маняша.

— Мамочка, мамочка! — растроганно вторит Аня,— как себя помню, ты наш вожатый.

— Ах, дети! — только и находит вымолвить мать.

«Ах, дети,— думает она,— мне нужно долго жить. Для вас».

В закрытую дверь слышится негромкий стук.

— Прибываем в Москву,— объявляет проводник вагона.— Прикажете носильщика?

Поезд замедляет ход. Шумно дышит, отдыхая, паровоз.

Прибыли.

Первый, второй, третий день суета, хлопоты, устройство в снятой Марком квартире. Здесь будет мамина комната, рядом Ани и Марка, Мите выделяется кабинет, тесненький, скажем прямо, не очень солидный, но отдельный, в чем и ценность: Митя студент, предстоит много работать.

— Где поселим Маняшу?

— Мамочка, я с тобой. Я буду неслышно спать, забьюсь в уголок. А уроки учить и играть в столовой.

Где бы ни приходилось Ульяновым жить, музыкальный инструмент — непременный спутник дома. Раньше был рояль. В Москве мама купила пианино. Как будто новый друг вошел в дом. Маняше кажется, она не одна в комнате, если к стене прислонилось их пианино с барельефом Моцарта. У Моцарта высокий, покатый лоб, устремленный вдаль взгляд. Маняше кажется, пианино знает их беды и радости. Иногда, прежде чем тронуть клавиши, тихонько с ним поговорит, как с живым, поделится мыслями.

В доме еще не вполне закончено устройство. Повесить занавески на окна, приколотить к стене две-три картины и непременно большую географическую карту, как велось, когда дети росли, и прочее и прочее — хозяйственными делами под руководством мамы занимаются Аня и Марк. А Маняша и Митя отпущены исследовать «святые места» Москвы.

— В Москве много святых мест, исследуйте! — наказал на прощание Володя.

Москва белокаменная! Нет дивнее в мире столицы. Ни в одном городе мира нет стен, храмов, зданий, сложенных из белого камня. Только в Москве! Разны и милы ее улицы, уютные кривые переулки, тенистые сады и бульвары, величественны башни. Многолики дома: одноэтажный особнячок, с затейливыми наличниками над невысокими окнами, а в нескольких шагах вельможный дворец, с флигелями по бокам для гостей и прислуги. Литой из чугуна, узорчатой решеткой обнесен широкий двор-сад, с газонами и парадной въездной дорогой, вымощенной торцовыми шашками.

Поближе к окраинам домишки ремесленников, мещан, мелких чиновников. В палисадниках цветут мальвы и золотые шары, на задворках квохчут куры, голосит петух. А совсем уж на окраинах угрюмятся невзрачные рабочие хибары, казармы.

Вся история России, все испытания России, все победы России связаны с Москвой — сердцем страны.

Святые места Москвы! Их много. Понятно, в первую очередь Митя привел Маняшу к Московскому государственному университету. Могучий купол венчает монументальное трехэтажное здание с колоннами, барельефом, львиными лепными масками, полукружием строгого без росписей входа, ведущего в храм науки.

— Торжественно, даже немножко боязно,— шепчет Маняша.

— Представь, Маняша, далекий Север, Белое и Баренцево моря, Ледовитый океан, Заполярье. Коротко здесь лето, редко солнце. Бесконечна зима. Жгучие морозы режут лицо. Или ветер нанесет тяжелые туманы с морей, в белесой мгле незрячи глаза: не видно неба, утонули очертания домов, не найдешь родного крыльца. Там, в деревне Денисовке Архангельской губернии, под свист ноябрьских метелей в семье крестьянина-помора Ломоносова родился сын Михаил. Рос пытливый, смышленый мальчишка. С отцом ходил в море на рыбный и зверобойный промыслы. С малолетства хотел все на свете понять. Отчего зимой полыхает Северное сияние, а летом грохочет гроза? Отчего там на сотни верст болотистая непроходимая тундра с полчищами комаров, а там множество разного зверья обитает в нехоженой тайге? Как, когда, почему образовалась Земля? Отчего звезды на небе?

Знать, знать, знать!

Каждую зиму из селений Поморья шли обозы с мороженой рыбой в Москву. Сквозь вьюги, морозы сутки за сутками движутся, достигая столицы. С

одним таким обозом прибыл в Москву девятнадцатилетний Михаил Ломоносов. Высшее учебное заведение в Москве называлось тогда Академией. Принимали только дворянских сынов. Ломоносов сказался дворянским сыном. Не стыдился, что ложь: будь ты стократно умен и талантлив, нет тебе хода, если из низшего класса, такие в матушке России законы. Ломоносов поборол препятствия, стал известным всему миру ученым — физиком, химиком, естествоиспытателем — нет науки, в которой не был бы Ломоносов велик.

— Митя, значит, чтобы победить, надо очень, очень хотеть?

— Важно знать, чего хочешь. Ты знаешь?

Маняша молчит.

— Неполных полтораста лет назад по проекту Ломоносова был создан Московский университет. При нем публичная библиотека, типография, издававшая первую газету России «Московские ведомости», книжные лавки, научные лаборатории, музеи. Заграница подивилась: считали Россию темной, вдруг такой ошеломительный взлет! Выдающиеся ученые вышли из стен Московского университета — химики, физики, биологи, медики, философы, литераторы — Радищев, Фонвизин, Жуковский, Грибоедов, Лермонтов, Герцен, Огарев, Чехов.

— И... ты будешь учиться здесь! — в изумлении восклицает Маняша.— Воображаю: ты, наш Митя, входишь в аудиторию, в которую, может быть, входил Чехов.

— Ну, писатель-то из меня не получится.

— А доктор? Ты счастливый, Митя, у тебя цель.

— Теперь Кремль,— объявляет Митя.— Вот он, рядом. В давние времена Кремль был крепостью. Мощные дубовые стены опоясывали крепость. Позднее Дмитрий Донской впервые в России сменил дубовые стены каменными. Потом на их месте воздвигнуты новые, такие необыкновенные, что народ назвал их «Стенным видением». Башни на стенах разные, ни одна не повторяет другую, у каждой своя форма, свое украшение. «Дивным узорочьем» назвал народ украшение башен.

— Митя! Мы будто в сказке. И слова-то какие:«узорочье дивное»! Не слышала таких чарующих слов.

— Да, Маняша. В Кремле так много чудес, за один день всего не ухватишь, а запомни особо вон тот белоснежный столп в центре. Колокольня Ивана Великого. Заграничные архитекторы восхищаются.

— Чудо! Строгая простота и величие,— говорят архитекторы всего мира, как приедут, посмотрят.

Когда-то это самое высокое здание в России было сторожевой сигнальной башней. С нее на тридцать — сорок верст обозревались окрестности. На колокольне двадцать один колокол. Сторожевые люди дежурят день и ночь. Завидели неприятеля, бьют в кремлевские всполошные колокола. Темная ночь, мирно спит Москва, вдруг тишину ночи обрывает грозный, властный зов колокола: «Вставай, поднимайся, народ, защищать родную землю!»

— Митя! Откуда ты это все знаешь?

— Еще бы мне не знать! — удивляется Митя.— Готовился стать московским студентом. Как выпадет свободный от занятий час, читал о Москве. Что можно в Самаре достать, прочитал.

— Ты очень образованный, Митя. Я даже не подозревала, я даже стыжусь за себя.

— Э, Маняша! Володя, вот кто образованный! И Оля была... Далеко мне до них. Но пошагаем дальше.

Через торжественные въездные ворота Спасской башни они выходят на Красную площадь. Красная — по-славянски значит красивая. Верно, красива!

Зубчатая Кремлевская стена вдоль площади с одной стороны, с другой — длинное здание Торговых рядов со шпилями, кокошниками узорчатых арок не теснят простора Красной площади. Пара кляч тащит по рельсам бренчащую звоночками конку, рысак лихо мчит лакированную коляску с дамой в широченной, как зонт, шляпе. Не спеша везет телегу с грузом коренастый битюг, несколько прохожих нерабочего вида пересекают вдоль и поперек площадь.

— Митя, это что? А то что?

— Погоди, не стрекочи, Маняша, не будем разбрасываться, оставим до другого раза. Сегодня... да, узнаю... да, точь-в-точь видел в книге, но как поражает в натуре! Смотри, Маняша, жемчужина Красной площади, так называют храм Василия Блаженного. Построен во славу русского оружия, отражавшего в разные времена нашествия врагов. Смотри, церкви и церковки, а вместе храм-памятник. Как хорош! У каждой церкви свое значение. Разные формы, какое богатство фантазии, как ярки краски, смотри, смотри, Маняша! А ведь строили не ученые архитекторы, а народные умельцы, мастера каменных дел. Талантлив народ, а, Маняша? Но ты устала...

Они прибрели домой, в полном смысле слова еле волоча ноги. Но в упоении увиденным, растроганные, побогатевшие.

— Москва, как много в этом звуке! — восклицает Митя.

«Довольны, мои дорогие. И, слава богу, сдружились еще больше, чем раньше»,— думает мать, любуясь детьми, молодым румянцем щек, радостным сиянием глаз.

День за днем жизнь входит в свою колею. Марк добился получить довольно хорошую службу счетовода в управлении железной дороги. Аня занимается переводами, но не всегда удается напечатать, а если да, денег перепадает немного. Средства на жизнь дают порядочная доля жалованья Марка и целиком мамина пенсия.

— Отец и теперь нас кормит,— делится мама с детьми.— Если бы была загробная жизнь, он любил бы нас оттуда, знал каждый наш день. Но загробной жизни нет, и отец живет лишь в нашей памяти и памяти народной. Он много сделал для народа. Много за это терпел. Начальство опасалось его влияния на людей, авторитета, передовых педагогических взглядов. И за то преследовало, мешало святому — да, святому! — труду твоего отца, Маняша.— Глаза матери сияют тихим светом.

Чувства бурной любви, нежности закипают в сердце Маняши. Она гордится отцом, своей семьей.

Отец и мама шаг за шагом готовили к жизни разумной, будили стремления благородные. «Спасибо вам! Чем отблагодарить мне вас?»

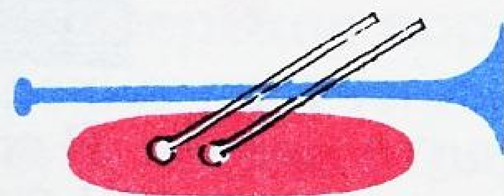
Маняша учится в гимназии. Учителя хвалят ее, ставят хорошие отметки. Есть в классе подруги. Все вроде бы есть. А чего-то не хватает. Хочется чего-то большого, что до краев полнило бы душу, возвышало, счастливило.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

РВС

Размышляем, Вникаем, Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

8 февраля — *День юного героя-антифашиста.*

9 февраля — *100 лет со дня рождения В. И. Чапаева (1887—1919), легендарного героя гражданской войны.*

«— Я, товарищи, не старый генерал... Этот генерал, бывало, за триста верст дает приказ взять во что бы то ни стало такую-то сопку... Я с вами сам и всегда впереди, а если грозит опасность, так первому она попадет мне самому... Первая-то пуля мне летит... А душа ведь жизни просит, умирать-то кому же охота?.. Я поэтому и выберу место, штобы все вы были целы и самому не погибнуть напрасно... Вот мы как воюем, товарищи...»

Д. Фурманов «Чапаев».

23 февраля — *День Советской Армии и Военно-Морского Флота.*

...Гвардейское знамя
в десятках атак
Геройски прославил
сапер и моряк,
И конник, и летчик,
и снайпер, радист,
Отважный наводчик
и храбрый танкист.
Кто держит оружье
в умелых руках,
Тому честь и место
в гвардейских полках.
Гвардейцы не дрогнут
в суровые дни,
К победе и славе
готовы они!

В. Лебедев-Кумач «Гвардейский марш».

26 февраля — *день рождения Н. К. Крупской (1869—1939).*

«Четвертый год Надя дает уроки в интернате гимназии Оболенской. Завоевала себе славу педагога, способного самую отсталую ученицу вывести в успевающие. Желающих попасть в группу Крупской много, а должно быть всего десять учениц. И на педагогическом совете Крупской дают самых трудных. Прежде, чем приступить к занятиям, Надя подолгу беседует с каждой девочкой, стараясь постигнуть ее внутренний мир, распознать круг интересов, добраться до тайников души».

З. Воскресенская «Пароль — Надежда».

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

Юнкор журнала «Пионер» Юля КОРОЛЕВА, которая учится в восьмом классе «А» школы № 19 города Армавира, написала нам: *«Многие ребята, становясь старше, стыдятся галстука. Они прячут его то в сумки, то под ворот рубашки так, чтобы галстука не было видно. Как убедить таких ребят, что они неправильно поступают?»*

Юлино письмо комментирует **старшая вожатая школы № 259 Кировского района города Москвы, председатель совета вожатых района, вожатый-методист Галина ЮГАНОВА.**

— Пионеры, которые прячут галстуки, не чувствуют себя членами организации, у них нет постоянного поручения, которое было бы им интересно выполнять и которым они могли бы гордиться.

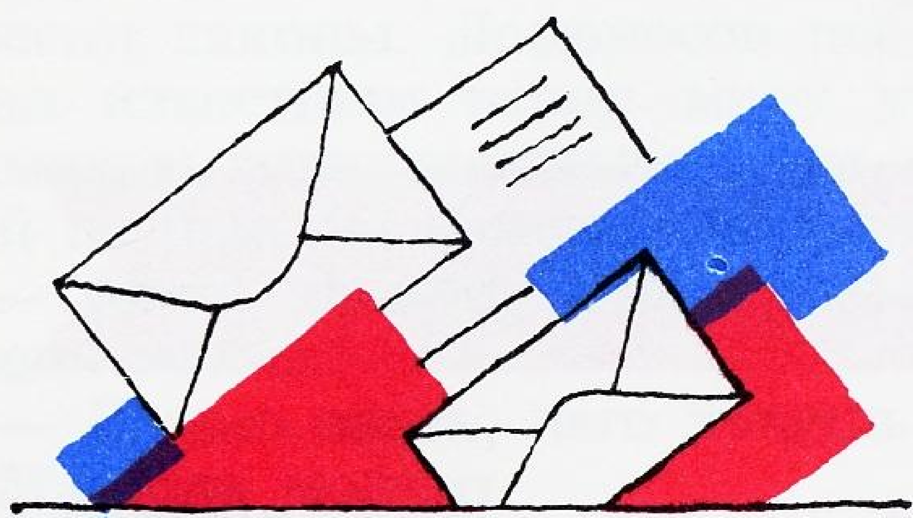
Значит, не ругать надо таких ребят, не убеждать носить галстук, а пересмотреть работу дружины: всем старшим пионерам поручить какое-то интересное и сложное дело.

Например, в нашей правофланговой дружине имени Ф. Э. Дзержинского пионеров, прячущих галстуки, нет. Когда ребята взрослеют, переходят в 7—8-е классы, совет дружины просит их поделиться опытом пионерской работы с учениками 3—4-х классов. Из семиклассников и восьмиклассников создан вожатский отряд. Это и есть то дело, за которое старшим пионерам интересно отвечать.

Я хочу посоветовать тем, кого волнует этот вопрос: ищите причины прежде всего в работе своей дружины.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Мы в отряде политинформаторы. Школа наша расположена в небольшом поселке, молодежи мало, и поэтому нам не у кого попросить совета, как организовать работу политинформаторов лучше и интереснее. Ребята, если у вас есть опыт, которым вы можете поделиться, пожалуйста, напишите по адресу: 678971, ЯАССР, Алданский район, п. Чагда, пер. Подгорный, д. 5, Раисе Селивановой и Татьяне Охотниковой.

* * *

Наш отряд носит имя партизанки Лары Михеенко. Мы гордимся этим именем. Ходим в библиотеки, читаем книги о юной героине. Но нам хотелось бы узнать о Ларе Михеенко больше. Просим всех, кто может помочь нам в сборе материалов, написать по адресу: 427410, Удмуртская АССР, г. Воткинск, школа № 2, отряду имени Лары Михеенко 6-го класса.

СПОР-ПЛОЩАДКА

В сотнях юнкоровских писем встречается одна и та же тема — ПОЧЕМУ ПИОНЕРЫ В ОТРЯДЕ ДЕЛЯТСЯ НА АКТИВИСТОВ И РАВНОДУШНЫХ? КАК ПАССИВНЫХ РЕБЯТ ПРИВЛЕЧЬ К ОТРЯДНОЙ РАБОТЕ?

Сегодня об этом размышляют Юля Ершова из Уфы, Наташа Немелкова из Волгограда и Лобар Исламова из поселка Кызылтепа Узбекской ССР.

Мы разучились думать

В нашем отряде потеряна самостоятельность. Мы всегда помним, что у нас есть классный руководитель, что он все решит. Взрослые нам не доверяют — от этого наша лень. Мы разучились высказываться, предлагать, думать. Зачем тратить время на обдумывание: проголосуем, и ладно... Конечно, нельзя все валить на учителей, и я не против того, чтобы они присутствовали на пионерских сборах. Но надо научиться самим быть активными, не становиться нахлебником в каждом, даже самом маленьком, легком деле. Мне бы очень хотелось узнать, КТО В ДРУГИХ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДАХ ВНОСИТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — ПИОНЕРЫ ИЛИ УЧИТЕЛЯ?

Юля ЕРШОВА,
7-й класс, восьмилетняя школа № 4, г. Уфа.

Все активист да активист...

У нас в отряде и дружине остро стоит вопрос о пассивных ребятах. На страницах юнкоровского поста «РВС» я хотела бы спросить у тех, кто не хочет участвовать ни в одном деле: «Почему в отряде, дружине, школе все должен делать активист?» А второй мой вопрос — активистам: «Как вы боретесь с лентяями?»

Наташа НЕМЕЛКОВА,
7-й класс, школа № 20, г. Волгоград.

«Не нравлюсь, переизберите!»

Каждый год мы выбираем актив отряда. Но никакой пользы от этих выборов нет: никто не работает. Как поступить, чтобы все выполняли свои поручения?

Если я спрашиваю у кого-нибудь из выбранных активистов: «Почему ты не выполняешь свои обязанности?», он мне отвечает: «Не нравлюсь, переизберите». У нас недружный отряд, иногда мне кажется, что мы не уважаем друг друга. Неужели и в других отрядах тоже так?

Лобар ИСЛАМОВА,
8-й класс, школа № 5, пос. Кызылтепа, Узбекская ССР.

ОТ РЕДАКЦИИ: Итак, три разных письма. В одном юнкор утверждает: пионеры привыкли, что за них все решают взрослые, поэтому разучились думать и вносить интересные предложения. При этом автор письма хотел бы научиться самостоятельности. Так в чем же дело? Неужели одна помеха — взрослые?

Второй юнкор задает пассивным ребятам вопрос: почему все в отряде, дружине должны делать активисты? А третий юнкор в недоумении от того, что актив ее отряда на самом деле не актив вовсе, а пассив, ничего не делает и делать не желает.

Может, кто-то все же знает, КАК ПРИВЛЕЧЬ РАВНОДУШНЫХ, ПАССИВНЫХ РЕБЯТ К ПИОНЕРСКОЙ РАБОТЕ?

КОГО МЫ ВЫБИРАЕМ В АКТИВ? КАКИМИ ЧЕРТАМИ ХАРАКТЕРА ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ ПИОНЕРСКИЙ КОМАНДИР?

На конверте напишите: **«Пионерский активист».**

И еще вопрос — к тем, кто стоит в стороне от отрядных дел.

Ребята, может быть, вам ЧТО-ТО НЕ НРАВИТСЯ В ЖИЗНИ ВАШЕГО ОТРЯДА, ДРУЖИНЫ, ПОЭТОМУ ВЫ НЕ ХОТИТЕ ЗАНИМАТЬСЯ ПИОНЕРСКОЙ РАБОТОЙ? Напишите честно, изложите свою позицию. На конверте поставьте девиз: **«Разговор начистоту».** Ждем писем!

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

В №12 за 1986 год юнкоры обсуждали вопрос — КАК ДОЛЖЕН ПРОХОДИТЬ СБОР ОТРЯДА ИЛИ ДРУЖИНЫ? В письмах ребята называли темы тех сборов, которые им запомнились больше всего. Читая эти письма, мы с удивлением обнаружили: **почти все юнкоры** путают темы пионерских сборов и темы бесед, праздников.

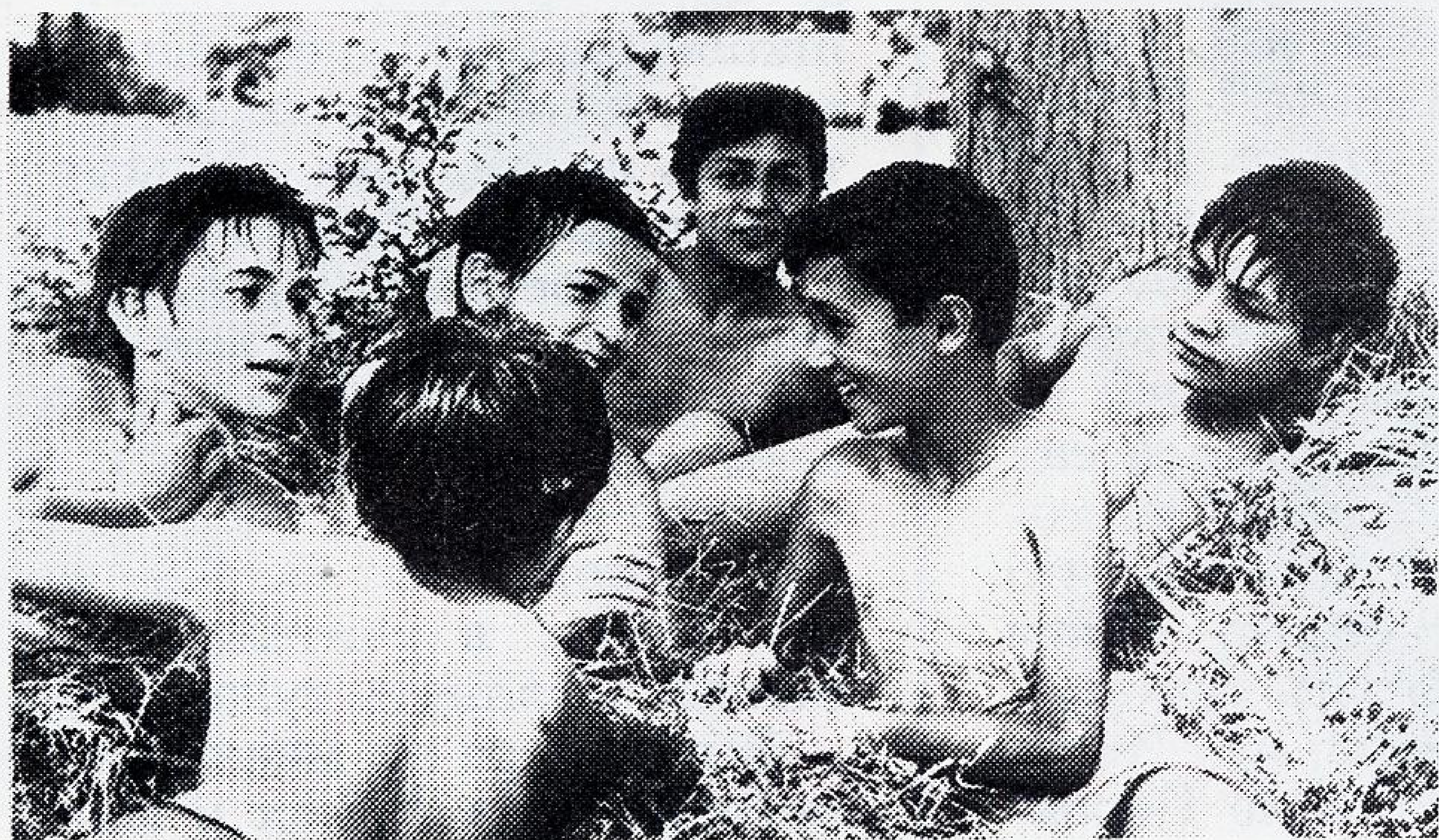
Например, **не могут быть** темами сборов:
Как создавался ВЛКСМ.
Они награждены орденом Ленина.
Семья Ульяновых.
Имя Ленина на карте мира.
Школьная реформа — тебе.
Твоя будущая профессия.
О культуре поведения в школе, на улице, в транспорте.

Это темы БЕСЕД.

А вот темы ПИОНЕРСКИХ СБОРОВ:
Как каждый из членов нашего отряда выполняет свое пионерское поручение? (А не: «Какие бывают пионерские поручения?»)
Почему в нашем отряде многие безразлично относятся к пионерскому галстуку? (А не: «Пионерские символы и ритуалы»)
Как мы воспитываем у членов нашего отряда бережное отношение к хлебу? (А не: «Хлеб — всему голова»)
Учеба — личное ли это дело в нашем отряде? (А не: «Ученье — твой главный труд»)
Что наш отряд может сделать для охраны птиц, очистки пруда или реки? (А не: «Знаешь ли ты птиц и зверей нашего края?»)

Ребята, обратите внимание: в каждой теме сбора звучит ОБРАЩЕНИЕ к отряду. И раскрывая эти темы, НЕОБХОДИМО РАССКАЗАТЬ О РОЛИ ОТРЯДА, ЧЛЕНОВ ОТРЯДА В ТОМ ИЛИ ИНОМ ДЕЛЕ.

Если у вас в планах темы пионерских сборов названы неправильно, УТОЧНИТЕ СВОИ ПЛАНЫ.

Фотографии Доврана БЕРДНЕВА, члена фотокружка Дворца пионеров города Ашхабада, и Паши ТРУБНИКОВА, восьмиклассника из школы № 248 города Москвы.

Из чего только сделаны
мальчики?
Из чего только сделаны
мальчики?
Из колючек, ракушек
и зеленых лягушек —
Вот из этого сделаны
мальчики.

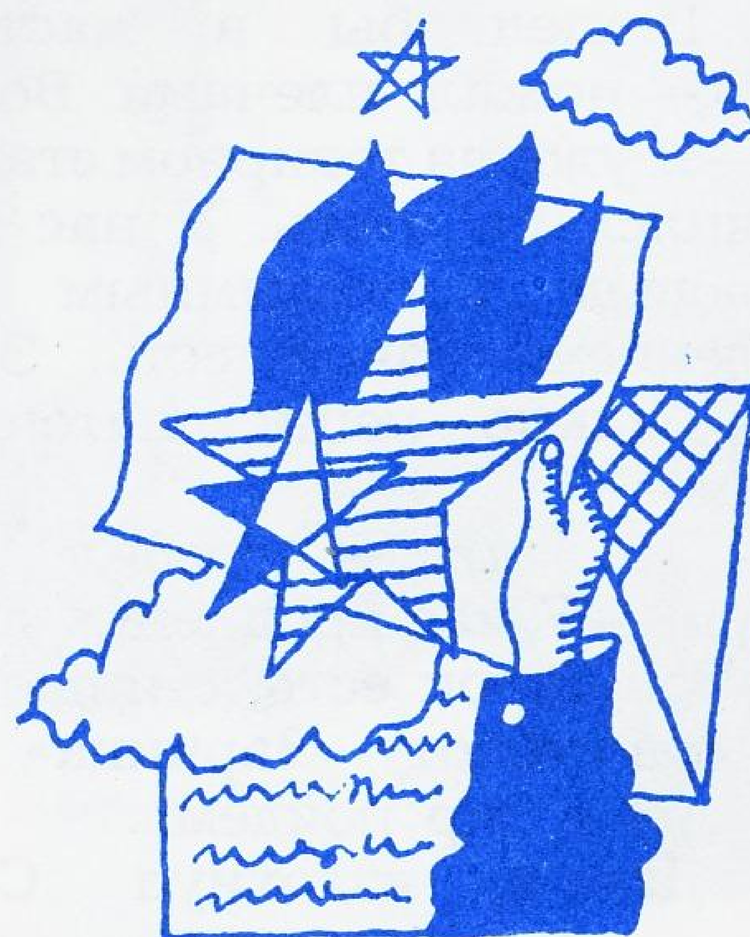
С. Маршак
«Мальчики и девочки».

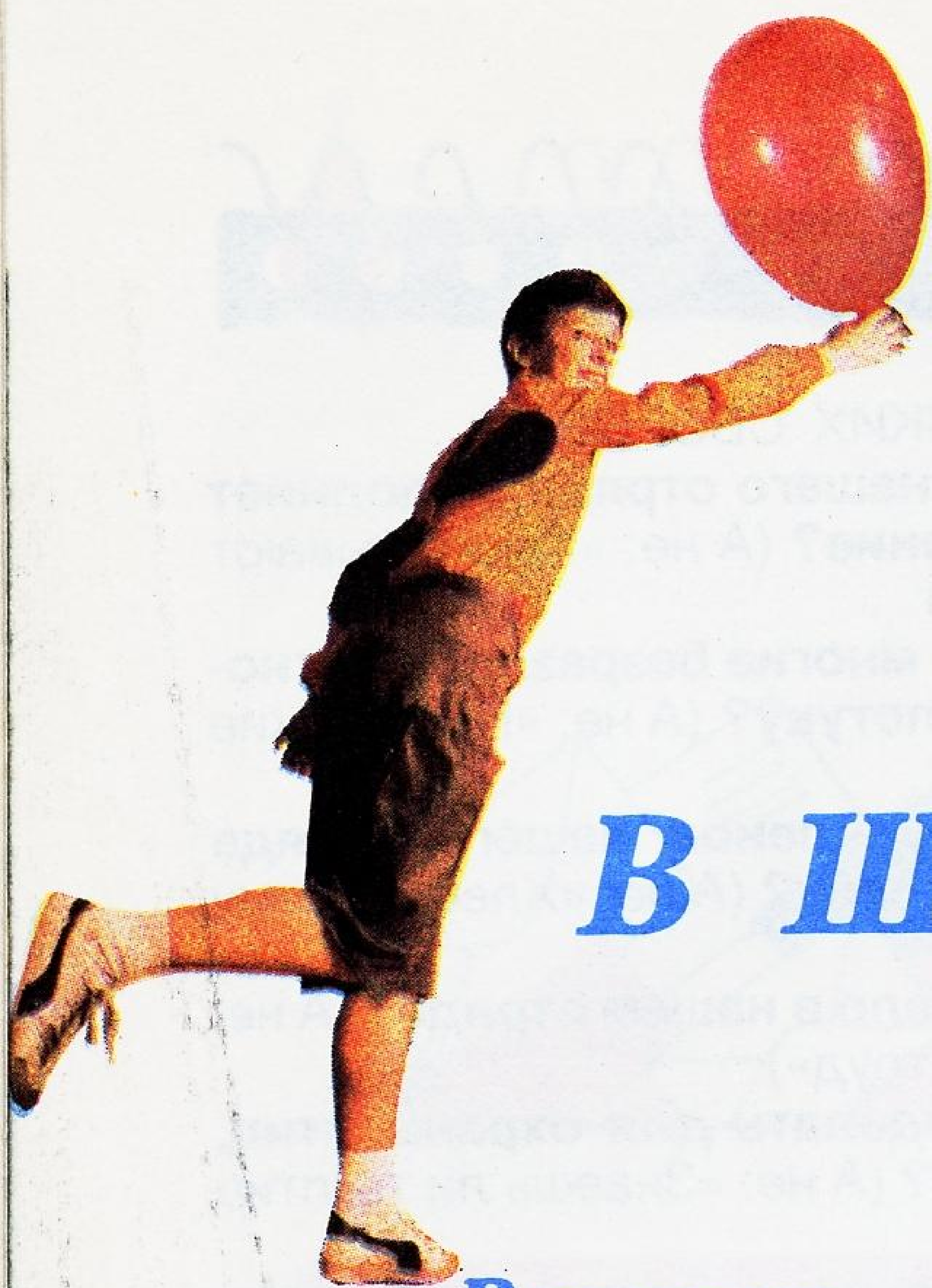
ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Юнкоровский пост «РВС» дает вам **заключительное** ЗАДАНИЕ этого учебного года. Ребята, помните, что мы ждем от вас ПОДРОБНЫЕ ответы. И присылать их нужно до КОНЦА МАЯ.

1. Как в вашем отряде лучшим пионерам присваивается звание «АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК МАРША»? Расскажите о тех пионерах вашего отряда, которым присвоено это звание.
2. Сколько раз в году и перед кем отчитываются члены вашего отряда, выбранные в актив? Как, на ваш взгляд, ДОЛЖЕН ПРОХОДИТЬ ТАКОЙ ОТЧЕТ?
3. Есть ли в вашем отряде пионеры, КОТОРЫХ ВЫ НАКАЗЫВАЛИ за какой-то проступок? (Разговор об этом мы начали в №11 журнала «Пионер» за прошлый год.) За какие проступки были наказаны ребята и как? Исправились ли они?

На конверте укажите девиз: **«Заключительное задание года».**

В. ВЯЛИКОВ

СВЕТ В ШКОЛЬНЫХ ОКНАХ

Разговор, подслушанный случайно

Есть у нас с Тимкой — моим спаниелем — любимое место: лавочка в школьном дворе. Каждый вечер мы приходим сюда в пять часов, и всегда во дворе пусто. Я не могу понять, почему ребята разбегаются по домам сразу после уроков, отчего вечерами в школе так тихо? Ведь были в ней и мастерские, и большой актовый зал с музыкальными инструментами. Я это знаю, десять лет назад сам учился в этой школе. Тогда школьный двор не пустовал. А сейчас даже в футбол никто не играет.

В тот вечер на лавочке сидели трое мальчишек. Один, Сергей, мне был знаком, он живет в соседней квартире и заходит ко мне за книгами. Из разговора я понял, что двое других — Володя и Игорь — раньше учились вместе с ним, потом переехали в другие районы, но навещают друга.

Итак, трое мальчишек сидели на лавочке и вели такой разговор.

— Ску-у-учно! — ныл Сергей. — Втроем веселее было, придумывали что-нибудь. На продленке теперь тоска! Поешь, уроки сделаешь и домой.

— Пошел бы в мастерскую,— пожал плечами Володя. — Я уже на токарном станке научился работать. У нас и с числовым программным управлением станок есть. Знаешь, какие вещи выточить можно!

— Это что! — перебил его Игорь. — У нас продленка лучше. Зооуголок есть, с индюками! А в субботу «Зарница» будет, мы в тир пойдем...

— Да-а-а,— вздохнул Сергей. — Вам хорошо! Вам, наверное, пионервожатая придумывает развлечения. А наша... «Ребята, давайте соберемся, план составим...» Будто сама не может!

Я задумался. Вот сидят трое ребят. Одному в группе продленного дня скучно, другим нет. Одному заняться нечем, у других масса дел. Почему? Может быть, Володя и Игорь учатся в сверхсовременных школах, оборудованных по последнему слову техники, где хитроумные роботы развлекают ребят, не давая им скучать, а в классах так красиво, что домой не хочется уходить? А впрочем, что гадать, надо съездить в эти школы и посмотреть самому.

У Сергея я узнал, что Игорь учится в 402-й школе Перовского района, а Володя в 82-й — Краснопресненского. В эти школы я и отправился.

О самых разных кружках и самостоятельных старшеклассниках

Восемьдесят вторая школа размещалась в обычном кирпичном здании.

Из-за двери в конце коридора слышался шум. Там хлопали в ладоши, кричали: «Ура!», «Шай-бу!», в спортзале мальчишки играли в футбол. Болельщики не жалели ладоней. Рядом сидел дежурный — строгий веснушчатый восьмиклассник, следивший за порядком. Он объяснил мне, что играют команды второго и третьего «А», что счет ничейный, что яркие короткие накидки, чтобы различать игроков разных команд, сшили девочки из кружка «Домоводство».

Еще я узнал, что в восемьдесят второй школе много внимания уделяют спорту: волейболу и хоккею, легкой атлетике и баскетболу. Старшеклассники занимаются в секциях на стадионе «Красная Пресня», а Дима Макеев играет в хоккей за детскую команду ЦСКА. В школе сильная футбольная команда, которая однажды встретилась на стадионе «Динамо» с пионерами из Чехословакии.

Наверное, подумал я, в этой группе продленного дня ребят объединяет спорт, а руководят всем тренеры-специалисты. Но странно — вокруг ни одного взрослого, может быть, тренеры сейчас в учительской? Я решил заглянуть туда...

В коридоре на меня налетел октябренок в трусах и майке.

— Привет! — сказал я. — Тебя как зовут? — И тут же узнал, что зовут октябренка Эльданис Багиров, а учится он в третьем классе. На продленке ему нравится. Пионеры для октябрят турнир по мини-футболу устроили. Старшеклассники выступают в роли судей. Пионеры и уроки помогают делать, если что-то не получается. Сам Эльданис, когда вырастет, писателем станет. Он стихи любит сочинять. О солдатах, о школе, о грибах. А сейчас ему некогда, их команда с третьим «Б» играет...

Разговор с Эльданисом заставил меня не спешить с выводами. Вы заметили, что соревнования организовали старшеклассники, а не тренеры? Позже я узнал, что и в секциях группы продленного дня занятия помогают вести старшеклассники. И нет никаких тренеров-специалистов, есть обыкновенный учитель физкультуры. Значит, не в спорте здесь дело...

Есть в школе театральная студия, ребята из которой игра-

ют в спектаклях «Женитьба» и «Золушка» взрослого театра на Малой Бронной. Театральная студия — это то, что может заинтересовать любого. Если не каждый человек из группы продленного дня в ней занимается, то репетиции и спектакли наверняка смотрят все. Увидеть своего товарища на сцене или даже самому попробовать силы в одном из представлений — разве это не интересно?

Я отправился на поиски юных артистов. Но то и дело что-нибудь отвлекало меня.

Вот в одном классе поют. Заглянул — оказалось, репетирует хоровая студия «Веснянка». В соседнем классе собирали сложную конструкцию ребята из кружка юных физиков. В переплетении проводов прятались похожие на паучков микросхемы, щелкали реле.

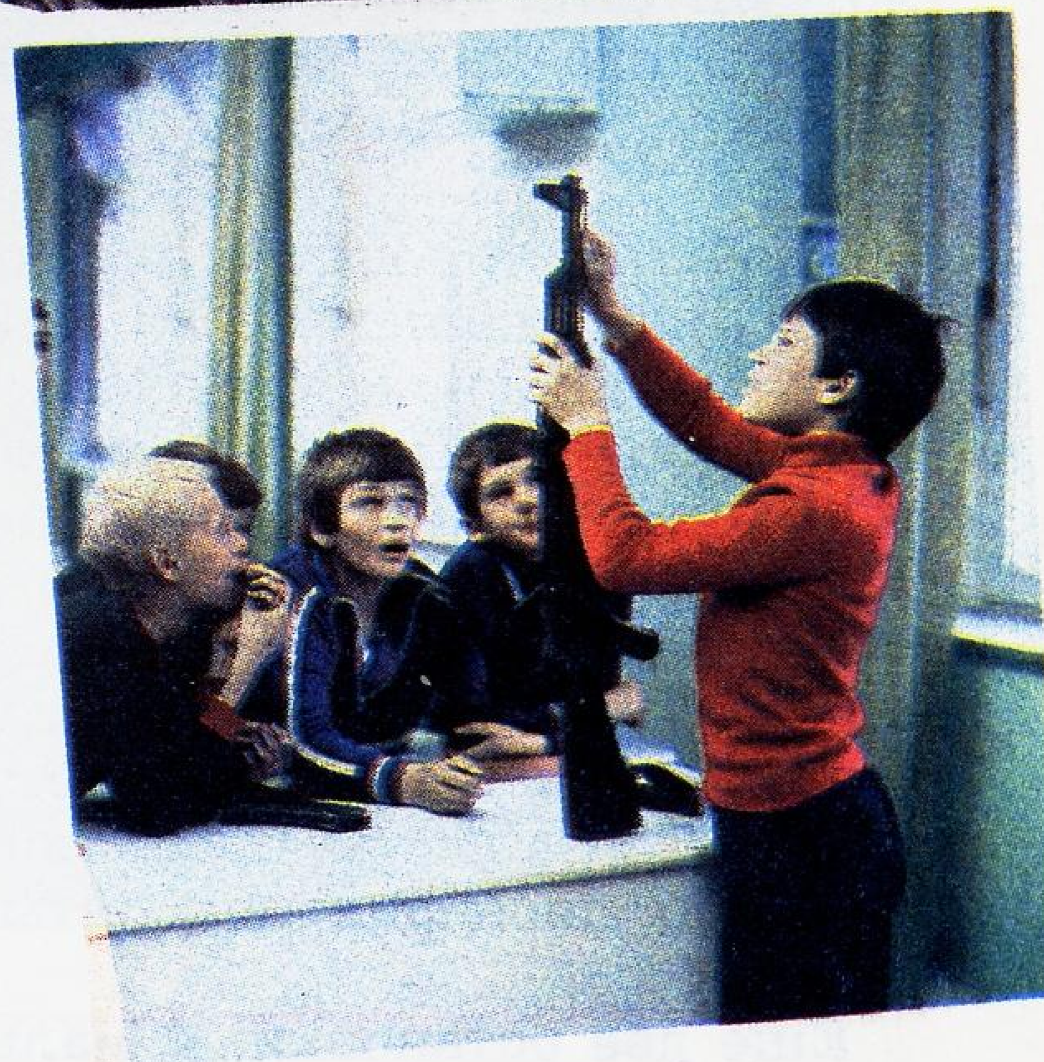
А вот библиотека. Книг немного, зато все ухоженные, аккуратные. Ребята сами книги подклеивают. Есть в группе продленного дня такой кружок — «Живи, книга».

В коридорах было людно и шумно, словно во время перемены. Может быть, зачинщик всех дел и главный выдумщик — пионервожатая? Я вспомнил фразу Сергея из разговора на лавочке: «Вам, наверное, пионервожатая развлечения придумывает...»

Когда я с пионервожатой Наташей Файнштейн встретился и спросил у нее, правда ли, что все дела для ребят из группы продленного дня организовали взрослые, она удивилась. Ничего подобного! У мальчишек своих идей хватает. Она только подсказывает, помогает. Например, сейчас ребята готовят концерт к празднику, надо сходить, посмотреть, что у них получается, может быть, что-то посоветовать.

Конечно, без взрослых не обойтись. Но детям нужны такие взрослые, которые не окружают ребят приказами и запретами, не навязывают им свои идеи. Гораздо лучше поддержать инициативу пионеров, помочь им осуществить то, что они придумали сами. Например, была у ребят мечта —

съездить летом в Новороссийск, на Малую землю. Но где взять деньги на поездку? Вместе подумали и решили обратиться к шефам. Шефы попросили: устройте субботник в нашем пионерском лагере «Чайка». И ребята устроили! Девятьсот корзин мусора вывезли. Теперь деньги на поездку есть.

Если взрослый доверяет ребятам, мальчишки и девчонки это чувствуют и никогда его не подведут.

Рассказ о тех, кто не боится фантазировать

Четыреста вторая напоминала школу из фильма «Приключения Электроника». Два голубых здания, соединенные переходом, вымощенный цветной плиткой дворик, газон, по которому прогуливались невозмутимые индюки...

Пионервожатую Геллу Рехлицкую я нашел на сборе отряда четвертого «Б». Вошел в класс и... оказался в машине времени! Как и в любой приличной машине времени, здесь был свой пилот, бортмеханик и кондуктор, проверяющий билеты. Билетом служило знание истории пионерской организации. В кабине сверкал индикаторами пульт управления. От него лучами расходились ряды кресел с ремнями безопасности. Вместо окон были круглые, овальные, многоугольные иллюминаторы.

Фантастические предположения замелькали в моей голове. А что, если пришельцы из будущего — частые гости в этой школе? Может быть, это они не дают ребятам скучать? Однако додумать эту мысль я не успел. Пассажиры заняли места, пилот запустил двигатели. Свист, грохот, странная космическая музыка... Путешествие началось...

Делаем остановку в двадцатых годах нашего века. Нас встречают первые пионеры. А вот подошел беспризорник весь в обносках. Шум, удивление, расспросы... «Как вы живете?», «Что там будет к концу века?», «А вы какие люди?» Но надо спешить. На прощание ребята дарят друзьям из прошлого песню о пионерах двадцатых годов.

Еще две остановки: у мальчишек военных лет и у наших современников.

Ребята выходят из машины времени сосредоточенные, задумчивые и... оказываются в своем классе. Да они из него не улетали. Пока мы путешествовали, я успел во всем разобраться. Осмотрел пульт управления, сделанный из старенького радиоконструктора, иллюминаторы, прорезанные в листах ватмана...

Оказывается, путешествие в машине времени было сбором пионерского отряда четвертого «Б». Вернее, той частью сбора, которая предшествовала серьезному разговору о том, что полезного ты сделал для других людей, как оцениваешь себя сам и каким тебя видят окружающие...

Здесь не терпят скучных сборов, когда один уныло рассказывает, а остальные сонно слушают. Или не слушают. На задних партах режутся в «морской бой», на первых читают фантастику. Фантастика и подсказала провести очередной сбор в необычной форме. Здесь каждый — артист и зритель, участник и слушатель. Захочешь — не заскучаешь. Никто не знал, какой сюрприз преподнесет другое звено. Одни оформляли класс, другие перечитывали книги о первых пионерах, одевались, как они, готовились отвечать на каверзные вопросы. А помогла распределить работу по звеньям пионервожатая Гелла.

Так ярко, необычно, весело учит их Гелла проводить все конкурсы, сборы и праздники. Так и ярмарку они готовили...

Февральскую «Ярмарку солидарности» в четыреста второй школе до сих пор вспоминают. Готовились к ней по вечерам, тут же, на продленке. Каждый отряд должен был передать в фонд ярмарки десять поделок. И вот на стол жюри посыпались разделочные доски с резными узорами, изящная соломка, воздушное макраме. Оценочной комиссии, состоящей из учителей, членов совета дружины и комитета комсомола, пришлось потрудиться, глаза разбегались, так хороши были все экспонаты.

Потом покупатели удивлялись: «Разве можно так торговать? Такие красивые вещи и почти задаром!» Ничего, никто не проторговался, все остались довольны.

В толпе сновали зазывалы, чинно выступали коробейники. Из проигрывателя доносились частушки, а потом заиграли плясовую. Бабушки не выдержали и заплясали...

Всем запомнилась ярмарка. Деньги, вырученные от нее, пошли в Фонд мира. Теперь ребята думают провести ярмарку в праздник Русской зимы. Хотят в колхозе взять на денек русскую тройку...

Что я скажу Сергею

В чем же успех «продленок» этих двух школ?

Может быть, в хитроумных роботах? Или инопланетянах, прилетевших развлечь ребят? Или в команде тренеров, руководящих спортивными играми и соревнованиями? Нет, не ими сильна продленка, а... ребятами, самостоятельными и активными.

В тех школах, где я был, ребята не ждут, пока придет добрый дядя и развлечет их, потому что знают: ни одно дело не может увлечь так, как то, которое ты придумал для себя сам. Кое у кого мечты заканчиваются тяжким вздохом и унылым «А хорошо бы...». А наши герои стараются воплотить свои мечты в жизнь. Главное — не бояться пробовать, не бояться ошибок. Всегда можно посоветоваться с вожатым, никто из взрослых в совете не откажет.

«Ну да! — усомнится скептик. — Взрослые все запрещают, проверяют...»

А вот на это отвечу: «Взрослые доверяют тем, кто не подводит, на кого можно положиться. А уж можно на тебя положиться или нет — спроси себя сам.

И еще: дело, придуманное тобой, может быть хорошим или плохим, добрым или злым. Можно самостоятельно посадить дерево, а можно разбить стекло, помочь первокласснику или обидеть слабого, устроить «Ярмарку солидарности» или разрисовать фломастером стены лифта. Важно, чтобы твоя выдумка приносила не огорчение, а радость людям».

Так я и скажу Сергею, когда он в очередной раз затянет свое «Ску-у-учно!». Кто, как не он и его одноклассники, могут изменить жизнь в своей группе продленного дня?! И тогда снова до вечера будет гореть свет в школьных окнах.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Алина СУЛЕЙМАНОВА живет в Уфе, учится в 4-м классе школы №44, а еще — в музыкальной школе при Дворце пионеров. Алина любит сочинять стихи о природе. «Кораблик» печатает два ее стихотворения о зиме.

Снежный дом

За́ ночь Дед снежный
Укрыл серебром
Землю, покрытую жухлой листвой,
И намел он сугроб большой,
Так похожий на светлую избу.

Как мне хочется,
Дверь отворив,
В эту прихоть природы войти.
Посидеть, отдохнуть и подумать
О самом приятном.
Сбросить тяжесть с души
В этом доме опрятном.

Метель

Надо мною страх все вьется,
Что-то мне сейчас неймется.
Может, буря за окном,
Может, ветер бьется?

Вышла я и вижу:
Метель снежная метет,
На покой людей зовет.

Анатолий СОКОЛ — семиклассник из Волгограда.

Я учусь в седьмом «А» классе,
Но живу я на Парнасе.
И меня уже не раз
На себе катал Пегас.

Наташе.

Ребята мне кричат: «Жених!»
Тебе кричат: «Невеста!»
Прошу тебя, не злись на них:
Для зла в любви нет места.

Горниста нарисовала Гаянэ КАРИБЯН, 12 лет.

Виктор РЫБИН

ВЕЛИКИЙ МАЛЫШ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Юным антифашистам, борцам за мир и демократию посвящается

Луис Альфонсо Веласкес... Это имя стало легендой, навсегда вошло в историю героической борьбы никарагуанского народа против диктатуры Сомосы.

Мало осталось документов, свидетельствующих о подвигах Луиса, не сохранились личные вещи героя. Но живы люди, которые знали его и вместе с которыми он боролся за свободу своей родины. Он навсегда останется в их памяти. Как сын. Как брат. Как единомышленник. А для нынешних поколений Луис будет примером беззаветной отваги и верности революции.

Наша справка: 16 сентября 1502 года парусники Христофора Колумба бросили якоря у атлантического побережья Никарагуа. В 1523 году, подавив сопротивление местного индейского населения, испанцы превратили территорию Никарагуа в свою колонию. Лишь в 1821 году никарагуанский народ освободился от испанского владычества и... попал вскоре в кабалу США.

В 1927 году в Никарагуа развернулась национально-освободительная борьба, которую возглавил Аугусто Сесар Сандино. Борьба завершилась выводом оккупационных войск США из Никарагуа. Однако в феврале 1934 года генерал А. Сомоса в сговоре с американскими капиталистами организовал вероломное убийство Сандино. Впоследствии он захватил власть в стране и установил военно-полицейскую диктатуру. Так было вплоть до 1979 года.

За время своего правления семейство Сомосы разорило страну. Последний диктатор из сомосовского клана — Анастасио Сомоса Дебайле сколотил сказочное состояние. Ему принадлежали третья часть национального богатства Никарагуа, промышленные предприятия, торговый флот, банки, тысячи гектаров земельных угодий... А простые никарагуанцы жили в ужасающей нищете. Накануне сандинистской революции 1979 года в стране было 250 тысяч безработных, три четверти населения не умели ни читать, ни писать, каждый второй новорожденный умирал от голода и болезней...

Бунт

Доведенные до отчаяния бедственным положением крестьяне департамента Матагальпа уходят в партизаны СФНО[1]...

В пригороде Чинандеги в засаду партизан попал армейский патруль. Убит офицер и три солдата...

Из сообщений газеты «Баррикада»[2] за ноябрь 1977 года.

Луис Альфонсо Веласкес

Дата рождения: 31 июля 1969 года
Место рождения: Манагуа
Место постоянного жительства: Манагуа, район Максимо Херес
Гражданство: Никарагуа
Образование: три класса начальной школы
Приметы: глаза карие, волосы черные, общителен, подвижен
Отец: Даниэль Педро Веласкес
Мать: Валентина Флорес де Веласкес...

Из полицейского досье.

---

[1] Сандинистский фронт национального освобождения — так называлась массовая организация, объединяющая противников диктатора Сомосы.
[2] Газета сандинистов, издавалась подпольно.

Плавно скользят ученические ручки по бумаге. Тишина в классе такая, что слышно, как в углу бьется муха в сетях паука.

Луис низко склонился над тетрадкой, рассеянно оглядывая рядки цифр. Странное чувство одолевает. Контрольная по математике, скорее бы надо решать задачки, а он не спешит. Не спешит, потому что этот урок последний в его школьной жизни. Так он решил.

Не раз уже подумывал Луис бросить школу. Да все откладывал. Надеялся, как-нибудь одолеют Веласкесы нужду.

Не одолели. Вчера отец принес домой пятьсот кордоб[1]. Заработок за полмесяца изнурительной работы. Как на такие деньги прокормить семью! Три сестры и два брата у Луиса. А работает только отец. Тех грошей, что он зарабатывает плотницким ремеслом, хватает, чтобы не умереть с голоду. Куда уж тут выкроить сотню кордоб на школьную форму, на учебники, на тетради, на школьный завтрак для единственного ученика в семье — Луиса!.. А отец так хотел, чтобы он окончил школу.

Луис вздыхает. Хорошо бы найти работу... Только попробуй найди, когда столько безработных взрослых! Уж если старшие братья Энрике и Роберто не устроились, то на что надеяться ему, восьмилетнему мальчишке? Проклятая жизнь... Скорее бы покончили с Коротышкой![2] Скорее бы революция вышвырнула из Манагуа богатеев!

Испугавшись своих мыслей, Луис косится на учителя, тощего и горбатого сеньора Переса. Ученики прозвали его Кочергой.

В руках у Кочерги длинная деревянная линейка. Мальчишки остерегаются этой линейки, испробовали ее на своих спинах.

У Луиса больше других было стычек с Кочергой. И, пожалуй, больше других Кочерга недолюбливает Луиса. Да что там недолюбливает — ненавидит! Впрочем, кого же он любит? Разве только сынков господ, что разъезжают в шикарных лимузинах. Помнит Луис, как любезничал однажды Кочерга с одним из таких задавак, подкатившим к школе на отцовском «мерседесе». А вчера, рассматривая в газете снимок молодого парня, убитого бандитами из «Мано бланка»[3], удовлетворенно хмыкнул: «Поделом этим «красным»! Порядочным людям жить спокойно не дают...» Это Кочерга — порядочный человек?! Или тот юнец в «мерседесе»?!

Луис разволновался. Неделю назад он попал в полицейскую облаву у отеля «Интерконтиненталь» и видел, как полицейские били девушку-студентку. У девушки не оказалось удостоверения личности.

Луис приметил, как из окон отеля спокойно, даже с улыбками, следили за избиением какие-то важные господа. По виду янки[4]. И это в понимании Кочерги добропорядочные граждане?

Его тогда отпустили, наградив приличным подзатыльником. Но куда больнее было видеть ту девушку. И осознавать, что завтра ты можешь запросто оказаться на ее месте...

Скользят ученические ручки по бумаге, убыстряя свой бег. Приближается конец урока.

Вдруг резкий крик вспугнул класс. Вопил Хуан Четага, друг Луиса. Вопил, тщетно пытаясь увернуться от учительской линейки.

— Свинья! — ругался сеньор Перес, осыпая ударами спину и плечи Хуана. — Я тебе покажу, как спать на уроках! Ты меня запомнишь, на всю жизнь запомнишь!..

Все в классе знали, что у Хуана заболел отец. Боясь потерять место на табачной фабрике, отец договорился с мастером посылать пока вместо себя Хуана.

Это бы ничего, да работать приходилось в ночную смену. А после фабрики уроки в школе...

— Вы не имеете права его наказывать! — Голос Луиса перекрыл причитания Хуана. — Четага всю ночь не спал. Он по ночам на табачной фабрике работает...

На какое-то мгновение сеньор Перес замер, будто налетел на невидимую стену. Потом брезгливо скривил губы и не спеша пошел к своему столу.

— Зачем только правительство учит вас! — Сеньор Перес с нескрываемым презрением глядел на мальчишек. Приступ гнева у него прошел, и только глаза смотрели остро и зло. — Вам всем один путь — на табачную фабрику. Зачем же вам грамота?! — задержав взгляд на Веласкесе, процедил: — А ты, гаденыш, еще вспомнишь этот день! Вспомнишь! Ты у меня еще наплачешься! Я тебе обломаю бока!

— Не успеете! — Луис дерзко смотрел в глаза сеньору Пересу. Куда только подевалась робость — Луис готов был врукопашную схватиться с Кочергой! — Я ухожу из школы. Только не подумайте, что я испугался вас. Революция скоро вышвырнет с нашей земли вас и таких, как вы. И тогда я вернусь.

— Что-о?! — взревел сеньор Перес и бросился с кулаками на Луиса.

Но Луис увернулся и вскочил на стол.

— Долой реакционеров! — закричал что есть сил. — Долой Переса!

Луис не ожидал, но его голос подхватили сорок мальчишеских глоток. Наверно, у мальчишек тоже накопилось достаточно ненависти к Кочерге и ему подобным «добропорядочным» гражданам, что носить ее в себе они уже не могли. Сорок пар мальчишеских башмаков отчаянно забарабанили по полу. Громовое эхо покатилось по коридорам:

— Долой реакционеров! Долой Переса! Долой реакционеров! Долой Переса!

«ДУНК» и «дункари»

Давно опустела школа, лишь сторож гремел ключами, шаркая из класса в класс.

В дальнем углу школьного дворика в тени акации притаились мальчишки — друзья Веласкеса. Обсуждали бунт.

Настроение было подавленное. И только Луис не унывал. Во всяком случае, так всем казалось. Хотя ему, конечно, было горше других: не простое это решение — бросить школу. Особенно для ученика способного, успевающего по всем предметам.

— Это все из-за меня... — сокрушался Четага. На его скуластом, дочерна загорелом лице было такое раскаяние, что в пору плакать.

Он, наверно бы, и заплакал, да друзей стыдился.

— Ты здесь ни при чем,— отозвался Луис. — С каждым из нас могло такое случиться. Кочер-

---

[1] Кордоба — денежная единица в Никарагуа.
[2] Так в народе презрительно называли диктатора Сомосу.
[3] Бандитские формирования «Мано бланка», «Никарагуанская бригада смерти» и другие состояли из уголовников и сынков богатеев. С ведома Сомосы они расправлялись с политическими противниками диктаторского режима.
[4] Граждане США.

га на кого угодно нападет. И всегда найдет причину...

Мальчишки зашумели.

— Проклятый Кочерга! Чтоб его лихорадка съела! — негодующе выдохнул кто-то. Другой голос запальчиво оборвал: — Да если бы только один такой Кочерга был в школе!

— Вот именно, Перес не единственный сомосовец! — подхватил Луис. — И директор, и его заместитель, и толстяк-бухгалтер... Они ненавидят нас, потому что боятся! Мы дети бедняков. А бедняки поднялись на борьбу с Коротышкой.

Луис обвел мальчишек пристальным взглядом, будто собрался открыть какую-то тайну.

— Мы можем тоже бороться с Коротышкой и сомосовцами,— проговорил тихо, но отчетливо. — С такими, как Перес...

— Тебе легко говорить, ты уже не учишься в школе,— пробормотал Четага. — А нас за такой бунт, как сегодня, могут запросто из школы выгнать, а в другую не принять!

— Если боишься, то прикуси язык и помалкивай, когда в следующий раз тебя будет лупить Кочерга... — Луис в упор взглянул на Четагу.

— Да что ты предлагаешь? — подал голос не многословный, но рассудительный Хосе Веалес. Хосе носил очки и ужасно стыдился своей близорукости. Мальчишки уважительно называли его Профессором.

— Я предлагаю всем, кто хочет бороться с сомосовцами, объединиться! — Голос Луиса звучал теперь с какой-то неоспоримой уверенностью. Будто для него самого это дело было давно решенным.

— Объединиться?! — боязливо прошептал Четага.

— А что, это идея! — Хосе поправил очки на носу. — Объединиться и создать свою организацию.

— А как мы ее назовем? — спросил Хуан.

— Предлагаю: «Движение учеников начальных классов», — объявил Луис. — Сокращенно: «ДУНК». — Предугадывая вопросы и сомнения, пояснил: — Есть «Движение» у студентов. У старшеклассников есть. Пусть будет и у нас «Движение». А членов нашей организации будем называть «дункарями».

— Молодец, Луис! Здорово придумал! — обрадовались мальчишки. А воспрянувший духом Четага тут же предложил: — Хотя Веласкес и ушел из школы, но руководить «ДУНКом» должен он!

— Луис! Луис!.. — закричали мальчишки. И долго бы ликовали, не покажись на пороге школы сторож.

Луис, наделенный полномочиями вожака «ДУНКа», пошел не домой, а к развалинам пекарни, разрушенной в 1972 году[1] да так и не восстановленной. Место это мальчишки обычно обходили стороной, развалины густо обложили трава и кустарник, а в таких дебрях немудрено и на змею наступить.

На развалинах Луис проделал странную процедуру. Он вытащил из потрепанного школьного ранца блокнот, красивую, в голубой клеенчатой обложке книжицу, подарок старшего брата Энрике, что-то записал и, внимательно оглядевшись по сторонам, сунул блокнот под кусок обвалившейся стены. Убедившись, что никто его не заметил, Луис зашагал домой.

Хулиганы!..

От рук террористов «Мано бланка» в Леоне погибли два студенческих активиста...

Вооруженные столкновения между партизанами и карателями произошли близ города Эстели. На партизанской мине подорвался танк «шерман» американского производства...

Из сообщений газеты «Баррикада» за январь 1978 года.

Луис Альфонсо Веласкес.
Антигосударственная деятельность:

Январь 1978 г. В начальных школах районов Мирафлорес и Максимо Херес агитировал учени-

[1] В 1972 году сильное землетрясение почти полностью разрушило Манагуа.

ков за вступление в «ДУНК», неоднократно призывал к свержению законного правительства и к оказанию помощи террористам[1]... Подозревается в преднамеренных действиях с целью нанесения материального ущерба гражданам...

Из полицейского досье.

Высокий стройный офицер вышел из кафе «Валькирия» и вразвалочку пошагал к своему джипу, на ходу раскуривая сигару. На офицере была новенькая форма, новенькая портупея, новенькие поскрипывающие ботинки. На лице застыла та небрежная улыбка, какая выдает человека богатого, сильного, властного. Хозяина!

Под стать ему был и джип, новенький американский джип.

Офицер приехал в Никарагуа из Соединенных Штатов. Когда-то его дед, а потом отец, коммерсанты, удачно вложили свои деньги в табачные предприятия и нажили капитал. Впрочем, только ли они? Вывески с названиями американских фирм и компаний встретишь здесь чаще, чем национальный флаг в День республики. Но какие-то люди хотят выпроводить из страны американцев. А потому настал черед поработать сыну, офицеру американской армии, инструктору по борьбе с партизанами в войсках Сомосы.

Не доходя шагов трех до джипа, офицер остановился, полез в карман за ключами... Но что это?! На его лице недоумение — колесо ослабло... «Чер-рт!» — рычит офицер. Недоумение сменяется гневом: другое колесо тоже ослабло! И третье! И четвертое!.. Нет сомнений, здесь дело рук злоумышленников! Кто-то проколол колеса — не могут же они сами по себе одновременно ослабнуть...

Офицер достает из багажника домкрат, инструмент.

— Эй ты,— окликает какого-то босоногого парня.— Сними колеса и отнеси к бензоколонке![1]

Парень лишь ухмыльнулся в ответ.

Никто из прохожих не вызвался помочь. Никто не захотел заработать десять — двадцать кордоб. Однако не самому же откручивать и волочить колеса!

Офицер швыряет домкрат в багажник. «Прокля-

---

[1] Так сомосовцы называли патриотов, боровшихся против диктаторского режима.

[1] Мелкий ремонт автомобилей делают в Никарагуа не только в автомастерских, но и на бензоколонках.

— Вы не имеете права его наказывать! — Голос Луиса перекрыл причитания Хуана.— Четага всю ночь не спал. Он по ночам на табачной фабрике работает...

тая страна! — ругается он. — Проклятый народ!»

А вот другой человек, который будет недобрым словом поминать «злоумышленников». Это хозяин мясного магазина на авеню Рузвельта. Кто-то швырнул булыжником в витрину, когда хозяин раскланивался с очередным своим покупателем. Звон разбитого стекла слился с истеричным женским визгом: «Хулиганы-ы!..», переполошил и покупателей, и продавцов.

Опомнившись, мясник отправился в полицейский участок искать защиты. Недавно он пожертвовал пять тысяч кордоб в фонд борьбы с революционерами. И вот — булыжник в витрину.

Страх подгонял мясника поскорее добраться до полицейского участка. Каково же было его удивление, когда он встретил там целую дюжину дам и господ. Они тоже пришли просить защиты...

Дежурный по участку, записывая чью-то жалобу, бросил в сердцах:

— Наказать, наказать!.. Да сейчас каждого второго надо наказывать! Каждый второй или партизан, или хулиган, как вы изволили выразиться, сеньора!

Счет «дункарей»

На развалинах пекарни Луис поджидал Четагу и Виалеса. Так получилось, что с ними он сблизился больше. Их тройка стала заводилой всех дел «дункарей».

Когда Хосе и Хуан пришли, Луис огляделся, шагнул к обломку стены. Повозившись там, вытащил блокнот, положил его перед насторожившимися мальчишками.

— Это дневник нашей организации...

— Дневник? — удивленно прошептал Хосе.

— Мы будем записывать сюда все операции «ДУНКа». Когда партизаны войдут в Манагуа, мы покажем им этот блокнот...

— А если полицейские найдут... — пробормотал Хосе. Он глядел на блокнот испуганно, как глядят мальчишки на классный журнал после контрольной.

Луис успокоил:

— Полицейские не найдут, если мы сами не наведем их на тайник... Я бы мог и не показывать его вам. Но сегодня, когда мы чуть было не нарвались на патруль, подумал: а вдруг меня убьют... Так вот, если убьют, вы будете записывать. Дневник обязательно должен попасть к сандинистам.

Помусолив огрызок карандаша, Луис склонился над блокнотом. Четага и Виалес присели рядом, затаили дыхание.

— Та-ак, есть... — проговорил Луис. — Витрина, джип... А до этого разбили стекло у армейского грузовика, замазали грязью портрет Сомосы на авениде Независимости...

— Дежурный! Здесь ноль шестой. Срочно вышлите наряд к «Дубам». Задержать двух мальчишек!

— Телефонный провод...— напомнил Четага.

— Беноварес порвал телефонный провод, что идет от полицейского участка,— вспомнил Луис.— Винсенте и Лаветино сломали «форд» какого-то янки...

Спрятав блокнот обратно в тайник, Луис сказал:

— Сегодня все сошло удачно. Но в следующий раз надо маскироваться.

— Как маскироваться?! — удивился Четага.

— Придумай, как! — сказал Луис.— Тот мясник, может, увидел тебя. Или из прислуги кто-то заметил... Значит, надо надеть другую рубашку — эта у тебя слишком приметная. А Хосе надо снимать очки. Очкарик — это примета!

Где-то неподалеку завыла полицейская сирена. Мальчишки насторожились.

— И вот еще что.— Луис достал из кармана вчетверо сложенный лист бумаги, расправил его на камне.— Нацепи-ка этот портретик, Хуан, на школьную доску объявлений.

Четага засмеялся, сотрясаясь всем телом.

— Опять Кочерга?.. Похож! Ну и здорово у тебя получается, Луис! Ты бы видел, как бушевал Кочерга прошлый раз, когда я твой рисунок на дверь учительской наклеил...

Виалес предостерег Луиса, кивая на рисунок:

— Берегись Кочерги. Попадешься — плохо будет! Он догадывается, что это твои проделки. Остерегайся в школе появляться.

Луис промолчал, взглянул еще раз на рисунок, на котором изобразил кочергу с головой сеньора Переса, взял огрызок карандаша и написал: «Движение учеников начальных классов требует: долой из школы реакционера Переса!» Подавая рисунок Четаге, пояснил:

— Пусть Кочерга не думает, что это дело рук какого-нибудь одиночки. Ему мстит организация!

Горе

Раскаленные солнцем обломки пекарни обжигали лицо и руки.

Луис лежал в потайном своем месте и рыдал, нисколько не заботясь о том, что его могут услышать. Никогда прежде он так не плакал, хотя поводов для слез было немало.

Полчаса назад Луис беззаботно шагал домой, предвкушая, как выложит на стол перед матерью две монеты по кордобе каждая. На вопрос, откуда деньги, расскажет, как его попросил какой-то чиновник помыть машину. Помыть так помыть! Луис никогда не отказывался от работы... Мать обязательно кивнет, выслушав его рассказ: «В отца работящий, молодец! Мы хоть и бедные, но не лентяи. Для нас всякая работа в радость!» Она всегда так говорит, когда кому-нибудь из Веласкесов удается заработать хоть кордобу.

Но как же он ошибался, воображая этот разговор! У своего дома Луис увидел толпу мужчин и женщин. Из распахнутой двери рвался вопль матери и хриплый, нараспев, голос отца. Луис еще не успел сообразить, что к чему, как подскочивший Четага выпалил:

— Луис, брата твоего убили!.. Энрике... В канаве у бензоколонки нашли.

На мгновение Луису показалось, что земля качнулась под ногами. Он даже присел, чтобы не упасть, и зажмурился.

— Его застрелили, Луис. В голову и в спину стреляли. Но сначала били... Он весь в крови, Луис! Весь в крови, весь...

И тогда какая-то сила подхватила Луиса и понесла сюда, на развалины, подальше от людей, от сочувствующих взглядов, от жуткого крика матери.

Энрике... Он был старшим из детей в семье Веласкесов. Это он учил Луиса никогда не унывать и не давать себя в обиду. Хотя самому доставалось лиха. Луис знал, что Энрике связан с революционерами. Он и Роберто познакомил с сандинистами. Луис верил, что когда-нибудь старший брат познакомил бы с сандинистами и его.

Несколько дней назад агенты охранки убили журналиста Педро Чаморро[1]. На его похороны пришли сотни людей. Энрике на похоронах выступил с речью...

От бессилия и обреченности перед страшной и беспощадной силой, убившей Педро Чаморро, Энрике и многих других людей, Луису снова стало ужасно горько. Он опять приник к камням и судорожно всхлипнул.

Луис, наверно, долго бы так пролежал на развалинах, если бы не Четага. Четага растормошил его.

— Не плачь, Луис,— успокаивал Хуан.— Ты же сам учил никогда не показывать врагам слезы...

— Врагам я не покажу.— Луис утер лицо ладонью и сел на камень, стряхнул пыль с рубашки и шорт.— А ты мой друг...

— Я за твоего Энрике отомщу! — Хуан подскочил, будто змея его укусила. На смуглом скуластом лице сверкнули пронзительно черные глаза.— Я сомосовцам столько колес проткну!..

Луис ничего на это не ответил.

— Ты что, не веришь мне? — Хуан аж взвизгнул.

— Не в этом дело,— тихо сказал Луис.— Кайман[2] никогда не станет ящерицей, даже если будет жить только на суше... Можно сто колес проткнуть, сто витрин разбить, а сомосовцы не перестанут зверствовать...— И вдруг его прорвало. Он заговорил страстно, потрясая кулаками перед носом оторопевшего Четаги: — Их надо уничтожать! Надо всем подниматься на борьбу, всем, понимаешь! Поодиночке они с нами расправятся, как с Энрике... И бороться надо не только шилом и камнями, понимаешь?..

Неприятности Гомеса

Густаво Гомес — шпик со стажем. Не первый год служит в охранке. Много подпольщиков выследил! Много смутьянов учуял его нос! И хоть район у Гомеса неблагонадежный, а сумел-таки навести здесь порядок. За то ему честь и хвала, прибавка к жалованью и личная благодарность от шефа, капитана Диаса.

Район, где работает, вернее, шпионит Густаво Гомес, крайне опасный для правительства. Он так и докладывал начальству: крайне опасный! Живут здесь рабочие, мелкие лавочники да крестьяне, бежавшие из провинции в поисках заработка. Ненадежная публика. Смутьяны! Бунтари!.. Больших

[1] Педро Чаморро был директором газеты «Ла Пренса» и руководил Демократическим союзом освобождения, который объединял несколько политических партий и профсоюзов Никарагуа и добивался отставки правительства Сомосы.

[2] Крокодил.

трудов стоило Гомесу воцарить тут покой. Только надолго ли?

С некоторых пор почувствовал Гомес, что-то неладное творится вокруг него. Нет, с виду все благочинно. Ни демонстраций, ни налетов на полицейские патрули. Бойко торгуют базарчики и лавки. Прихожане аккуратно бывают в церкви. По утрам толпы рабочих в синих комбинезонах осаждают автобусы и автофургоны, которые везут их на фабрики. А вечером те же толпы безмолвно растекаются по улочкам и переулкам. Но только стал Гомес замечать, как дерзко смотрели люди на солдат и полицейских. Сколько в этих взглядах было ненависти! И еще, как казалось Гомесу, уверенности, что с диктаторскими порядками скоро будет покончено. Откуда эта дерзость? Откуда непокорность, которую Гомес так старательно искоренял?

Нашел! Он нашел, отчего осмелели люди. От листовок! Грязных, недостойных бумажек, порочащих власть.

Листовки клеветали на правительство, на всех, кто беспрекословно исполнял свой долг. Они звали на борьбу с честными и порядочными гражданами. Такими, как сеньор Гомес.

Листовки появлялись каждое утро на самых бойких местах. Гомес замечал, как люди жадно читали листовки, как светлели при этом их лица и сжимались кулаки. В такие минуты ему становилось жутко. О, дорого бы дал Гомес, чтобы узнать, кто мутит воду! Причем странное дело: листовки написаны детской рукой! Что это, уловка сандинистов? Или ученики местной школы их пишут? Во всяком случае, кто бы они ни были, злоумышленников надо найти. И поскорее! Так приказал сеньор капитан. А слово у капитана твердое. Лоб расшиби, а приказ исполни!

Занятый невеселыми думами, Гомес шагал домой, задумчиво приглаживая пальцем нафабренные усы.

День клонился к закату. Сырая дымка потянулась с озера[1]. Гудки автомобилей становились приглушенными, а голоса женщин да крики детей, напротив, громче.

Вдруг Гомес остановился, пораженный открывшейся картиной: на противоположной стороне улицы на матово-белой стене особняка сеньора Родригеса, владельца кафетерия «Дубы», нахально кричала черными метровыми буквами надпись: «Долой Сомосу! Да здравствует СФНО!» Гомес заметил, как вдали мелькнули и скрылись в кустах две мальчишечьи фигуры. Один из мальчишек нес в руках банку. Другой...

«Другой в шортах... — лихорадочно припоминал шпик второго злоумышленника, торопясь в кафетерий «Дубы» к телефону. — Шорты!»

— Алло, дежурный?! — сипел Гомес, прикрывая трубку ладонью. — Дежурный! Здесь ноль шестой. Срочно вышлите наряд к «Дубам». Задержать двух мальчишек!

— Приметы? — Голос дежурного неприятно проскрипел в трубке.

— Один с жестяной банкой. Другой... — Гомес смешался, пытаясь вспомнить цвет шорт. — Другой в шортах...

— С банкой и в шортах... — недовольно пробурчал голос в трубке. — По таким приметам сам черт их не отыщет! Ладно, ждите наряд.

Через несколько минут полицейский наряд уже обшаривал все закоулки, но злоумышленники как сквозь землю провалились.

И Гомесу становилось не по себе при мысли о предстоящей встрече с капитаном Диасом.

Митинг

Бойцы СФНО захватили в Манагуа радиостанцию «Радио Мундьяль» и призвали к вооруженному восстанию...

Каратели жестоко расправляются с мирным населением. По неполным данным, убито около 10 тысяч человек...

Партизаны перешли в наступление на обширной территории страны...

Из сообщений газеты «Баррикада» за сентябрь — ноябрь 1978 года.

Луис Альфонсо Веласкес. Антигосударственная деятельность:

Сентябрь — ноябрь 1978 года. Расклеивал антиправительственные листовки на автовокзале, в районах Мирафлорес и Метросентро... В Центральном парке «Рубен Дарио» распространял антиправительственную газету «Баррикада»...

Из полицейского досье.

В актовом зале университета царило непривычное оживление. Студенты, устроившись прямо на полу, писали плакаты и транспаранты. Затем развешивали их по стенам. На сцену выдвинули трибуну, украсили ее кумачом. Принесли микрофон и динамики.

Готовился митинг.

В полдень к университету начали стекаться люди, большей частью молодые рабочие и студенты. Они шли в актовый зал, не обращая внимания на наряды полиции, окружившие университетскую площадь.

Луис узнал о митинге от брата. Узнал случайно. Накануне к Роберто приходили его друзья, и Луис услышал, как, прощаясь, Роберто шепнул одному из них:

— Встретимся завтра на митинге в университете...

В тот же день Луис собрал своих друзей на развалинах пекарни.

— Что случилось? — едва переведя дух, спросил Четага. — Мы с Профессором бежали, будто за нами гналась бешеная собака. Отец говорил, ты дважды приходил. Обязательно, говорил, хотел меня увидеть. И Виалеса.

— Завтра митинг в университете...

— Отлично! — обрадовался Четага. — Значит, будет драка с полицейскими. Теперь что ни митинг, то драка!

— Нашел чему радоваться! — упрекнул его Хосе.

— А что, и мы можем... У меня, например, есть одна штука, ка-ак хрястну...

— Какая штука? — насторожился Луис.

Хуан понял, что сболтнул лишнего, но под строгим, чуточку насмешливым взглядом Луиса полез в карман.

— Граната! — обомлел Хосе, увидев в руках Четаги ребристую поверхность «лимонки».

[1] Озеро Манагуа, примыкает к северной части столицы Никарагуа.

— Товарищи! — Луис вскинул над головой кулак. — К оружию! Все на борьбу с Сомосой! Свободная родина или смерть!

— Корпус! Всего лишь корпус от ручной гранаты,— важно пояснил Четага, довольный, что поразил друзей своей вещицей. — Я выменял его на перочинный нож у нищего. — Мечтательно вздохнув, добавил: — Была бы целая граната...

Луис взял «лимонку» в руки.

— Тяжелая,— только и сказал.

— Дашь в лоб — и тю-тю! — присвистнул Четага.

— Смотри, как бы тебе не дали,— усмехнулся Хосе. — За эту штуку любой полицейский так наподдаст!.. А то и в тюрьму отправит...

Четага заспорил было с Виалесом, можно ли носить с собой такую «игрушку», но Луис прервал их:

— Не за тем я вас позвал, чтобы вы здесь ссорились. О завтрашнем митинге надо сообщить всем нашим в школе, пусть они придут. Скажите, что на митинге я буду выступать...

— Ты? — в один голос выдохнули Четага и Виалес.

— Да,— твердо сказал Луис. — «ДУНК» набирает силы. Пусть о нашей организации узнают все...

Хосе и Хуан переглянулись. Возразить что-либо не решился ни тот, ни другой. Выступить на митинге... Легко сказать! Захотят ли еще слушать какого-то девятилетнего мальчишку... И что же скажет Луис на митинге? А если растеряется...

— Как же все-таки с гранатой? — спохватился Четага.

Луис пожал плечами, что могло означать: прибереги, авось пригодится.

В вестибюле университета Луис столкнулся нос к носу с Роберто. Он хотел было от него увильнуть, но Роберто схватил брата за руку.

— Ты что здесь делаешь? — спросил строго.

— То же, что и ты,— ничуть не смутившись, ответил Луис.

— У меня срочное дело.

— И у меня дело,— в тон брату ответил Луис.

Не ожидавший такого отпора, Роберто растерялся, ослабил руку. Луис рванулся и бросился к толпе, надеясь в ней затеряться. Но едва он перевел дух, следовавший за ним по пятам Четага дернул Луиса за майку.

— Смотри! — зашептал возбужденно. — Вон туда смотри, у колонны, видишь? Человек с тараканьими усами.

— Шпик! — догадался Луис.

— Я видел его в нашем районе,— тараторил Четага, не спуская глаз с усатого шпика.— Он и возле вашего дома отирался. Наверно, про Роберто вынюхивал. Твой Роберто зовет его Кукарача [1]...

Шпик, внимательно оглядывавший торопящихся в зал людей, вдруг посмотрел в сторону мальчишек. Будто почувствовал, что за ним тоже следят. Луис и Хуан, ни слова не говоря, вклинились в толпу и, отчаянно работая локтями, стали пробираться к сцене. Нерасторопный Виалес отстал еще в вестибюле. В целях конспирации он снял очки, как советовал Луис, и тотчас потерял из виду друзей. Луис оглянулся, пытаясь отыскать Хосе, но напиравший следом Четага пропыхтел прямо в лицо:

— Не останавливайся, мне кажется, он двинул за нами...

Кто двинул — шпик или Виалес,— Хуан не пояснил.

Актовый зал был полон.

Когда Луис с Четагой пробирались к сцене, выступал какой-то студент. Длинные волнистые волосы у него были подвязаны красно-черной лентой [2]. И в зале, и в вестибюле Луис уже видел парней с такими лентами. И сейчас, глядя на студента, подумал вдруг, что еще год назад за красно-черную ленту или повязку сразу могли арестовать.

Теперь же времена не те. Хотя наверняка и теперь немало в зале агентов охранки.

Рядом с трибуной стоял молодой мужчина в белой футболке и с листком бумаги в руках — ведущий митинга. Лишь только студент кончил говорить, Луис ловко вскарабкался на сцену и подскочил к ведущему.

— Товарищ Лопес! Товарищ Лопес!

— Откуда ты меня знаешь, малыш? — удивился мужчина.

— Я слышал, так называл вас студент.

— Допустим...

— Товарищ Лопес, разрешите мне выступить! — выпалил Луис. Не то от волнения, не то от духоты в зале щеки его зарделись, а на лбу засеребрились капельки пота.

— Ты... хочешь выступить?

— Да,— нисколько не смутившись, ответил Луис.— Я из района Максимо Херес, хочу выступить от имени «Движения учеников начальных классов».

— И у тебя есть что сказать людям?

— Есть.

Лопес задумчиво смотрит то на Луиса, то на зал. Потом решительно подходит к микрофону.

— Товарищи! — говорит громким, чуть хрипловатым голосом.— Среди нас присутствует юный сандинист. Он просит слово...

— Да здравствует Сандино! — в едином порыве отзывается зал, и сотни крепко сжатых кулаков взмывают над головами.— Сандино с нами! Сандино с нами!

— Говори, малыш. Смелее! — Лопес улыбнулся, дружески похлопал Луиса по плечу.

— Товарищи! — Усилители разнесли голос Луиса по залу. Луис заметил, как в передних рядах люди заулыбались и подбадривающе замахали ему руками.— Я передаю вам революционный привет от юных сандинистов Манагуа — членов организации «Движение учеников начальных классов»...

Луис замялся. Мысли вдруг смешались.

Всю ночь накануне Луис обдумывал, стоит ли выступать на митинге и что сказать. Как-то закралось в душу сомнение после разговора с Четагой и Виалесом. Вообще-то на митингах он бывал не раз. Видел, как запросто выходили люди к трибуне прямо из толпы, как вдохновенно говорили они простые, но понятные всем слова о страшных порядках в стране, о нищете и разорении народа, о революции, что и Луису хотелось тоже выступить вслед за ними.

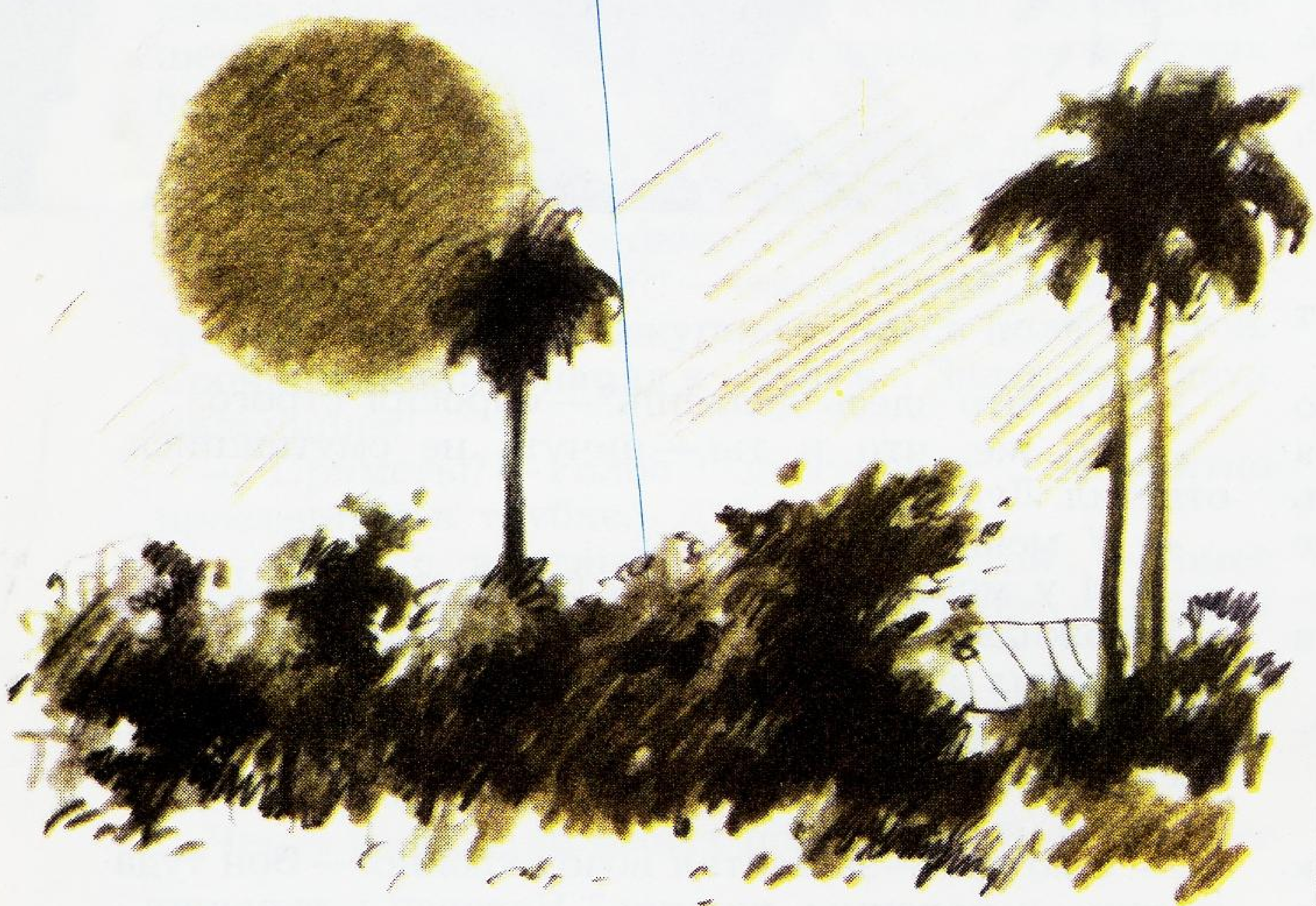
Вовсе не желание покрасоваться перед «дункарями» привело Луиса сегодня на трибуну. Хотя, может, кто-то из мальчишек и расценил этот поступок как прихоть. Те аплодисменты, те улыбки и дружеские взгляды людей из зала — это же какая поддержка мальчишкам! Особенно робким и сомневающимся. Пусть они почувствуют эту поддержку. Пусть убедятся, как нужны революции пока еще скромные их дела. И станут смелее.

Луис резко вскинул голову, будто отметая прочь всякие сомнения. И вновь полетел по залу его звонкий голос:

— Мы, юные сандинисты, призываем вас на борьбу. Нашу родину грабят янки и предатели народа во главе с Сомосой. Они строят себе виллы и дворцы, а простые люди живут в «касучас» [1]. Они набивают карманы деньгами, а дети гибнут от голода. Наши матери и отцы за гроши гнут спины на полях латифундистов. Наши братья и сестры в тюрьмах, потому что не хотят быть рабами...

Луис спешил. Ему о многом хотелось сказать. О старшем брате, предательски убитом сомосовцами. Об отце, всю жизнь пробавляющемся случайными заработками. О школе, которую он вынужден был оставить. О друзьях, таких же обездоленных, как и сам он, мальчишках и девчонках района Максимо Херес...

Завороженные речью маленького оратора, юноши и девушки смотрели на трибуну, за которой едва проглядывался Луис. И Виалес, затертый толпой в дальний угол, и Хуан, пробившийся в первый ряд, и

[1] Таракан *(исп.)*.

[2] Такие ленты, а также красно-черные нарукавные повязки обозначали принадлежность к сандинистам.

[1] Касучас — дома, построенные из ящиков, кусков толя и фанеры. Самые обездоленные никарагуанцы жили в таких домах.

остальные «дункари», рассредоточившиеся по залу, замерли, боясь пропустить хоть одно слово своего вожака.

Не скрывая изумления, смотрел на маленького оратора ведущий митинга Хулио Лопес, профессиональный революционер.

— Товарищи! — Луис вскинул над головой кулак. — К оружию! Все на борьбу с Сомосой! Свободная родина или смерть!

Хулио Лопес не успел и глазом моргнуть, как Луис шмыгнул со сцены в толпу. Лишь на мгновение мелькнула его желтая майка. Лопес растерянно стоял у трибуны, а собравшиеся на митинг люди скандировали многоголосым хором лозунг сандинистов: «Свободная родина или смерть!»

Из оцепенения его вывел голос Ренальдо. Ренальдо был тоже профессиональным революционером. Он руководил одной из подпольных групп в Манагуа.

— Где этот малыш, Хулио? Как его имя?

Лопес растерянно пожал плечами.

— Замечательный малыш! — восторгался Ренальдо. — Настоящий оратор. Его выступление надо непременно напечатать в газете. И не только в «Баррикаде», но и в «Пренсе» попытаться.

— Все речи мы записываем на магнитофон,— оживился Лопес, которому понравилась идея Ренальдо. — Я подготовлю статью для газеты вместе с выступлением этого малыша...

— Великого малыша! — улыбнулся Ренальдо. — Ты представляешь, какой переполох у сомосовцев наделает его выступление. Дети Никарагуа — ее будущее. И это будущее хочет быть свободным от диктатуры! И мало того, что хочет, но и борется!.. Страна накануне всеобщего вооруженного восстания. Такие малыши не задумываясь присоединятся к восставшим, я уверен! — Подумав, добавил: — Малыша надо разыскать и привлечь к нашей работе. А заодно разузнать, чем занимается их организация.

Луис, разумеется, не слышал этого разговора и всех тех лестных слов, что прозвучали в его адрес из уст двух опытных революционеров: вместе с Хуаном он стремился поскорее пробраться к выходу. Луис уже спускался в вестибюль, когда издалека наперерез ему двинулся мужчина с острыми усами. Шпик!

Их разъединила толпа вновь прибывших на митинг людей. Шпик, энергично разгребая руками людской поток, сумел из него выбраться. Луис, напротив, замешкался. Шпик догнал бы его, если бы... если бы не Четага!

Не зная, как отвести беду, Четага в первый миг растерялся. Как помочь Луису? Как остановить шпика? И Четага выбрал первый пришедший на ум способ, знакомый ему по уличным потасовкам. Он бросился рывком в толпу навстречу усатому, упал, как будто кто-то толкнул его, и обхватил шпика за ноги, отчаянно при этом заохав и стараясь обратить на себя внимание людей:

— Извините, сеньор! Я нечаянно, сеньор! Извините!..

Шпик со злостью оттолкнул от себя Четагу и, чертыхаясь и лихорадочно расталкивая толпу, закружил по вестибюлю.

Напрасно кружил! Мальчишка исчез. И другой, вероятно, его сообщник, улизнул. И что досадно — в суматохе их так и не удалось как следует разглядеть!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Дорогой друг!

Хочешь участвовать в НЕОБЫЧНОМ КОНКУРСЕ? Тогда — внимание!

У журнала «Пионер» скоро будет СВОЙ ЗНАЧОК. Хочется, чтобы он получился красивым, а герой, изображенный на нем, таким, каким его видишь ты,— сообразительным, ловким, задорным...

Кто должен быть нарисован на значке? Мальчик? Девочка? Девочка и мальчик вместе? Это решать тебе.

Итак, ждем эскизы значка журнала «Пионер». Они должны быть выполнены на плотной бумаге размером 10×10 см, рисунок цветной.

Победитель нашего конкурса ПЕРВЫМ ПОЛУЧИТ ЗНАЧОК ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»!

Эскизы присылать до 1 мая. На конверте напиши: «Значок».

Для примера публикуем эскиз значка, выполненный художником Г. Огородниковым.

Символ бесстрашия и героизма

Московского художника Юрия Ивановича Рогозина можно увидеть в самых разных уголках нашей страны: в Карелии, на Памире, на Дальнем Востоке, на полуострове Мангышлак... Этим летом художник побывал в Бресте.

Имя Брест отзывается в сердце каждого советского человека непреходящей болью и непреходящей гордостью. Фашистские орды, напавшие на нашу Родину в 1941 году, здесь получили первый отпор. Здесь впервые в полной мере проявились мужество и самоотверженность советских воинов. Брестская крепость вошла в историю Великой Отечественной войны как символ бесстрашия и героизма. Ю. И. Рогозин — участник войны. Он прошел огненными дорогами от Москвы до Берлина, участвовал в освобождении Литвы, Латвии, Белоруссии. Боевая часть, в которой он воевал, освобождала и Брест.

Через много лет художник вернулся в эти места, теперь уже с кистью и мольбертом. На этих страницах вы видите некоторые из рисунков, сделанных Ю. И. Рогозиным в Бресте.

Эти камни помнят 1941 год.

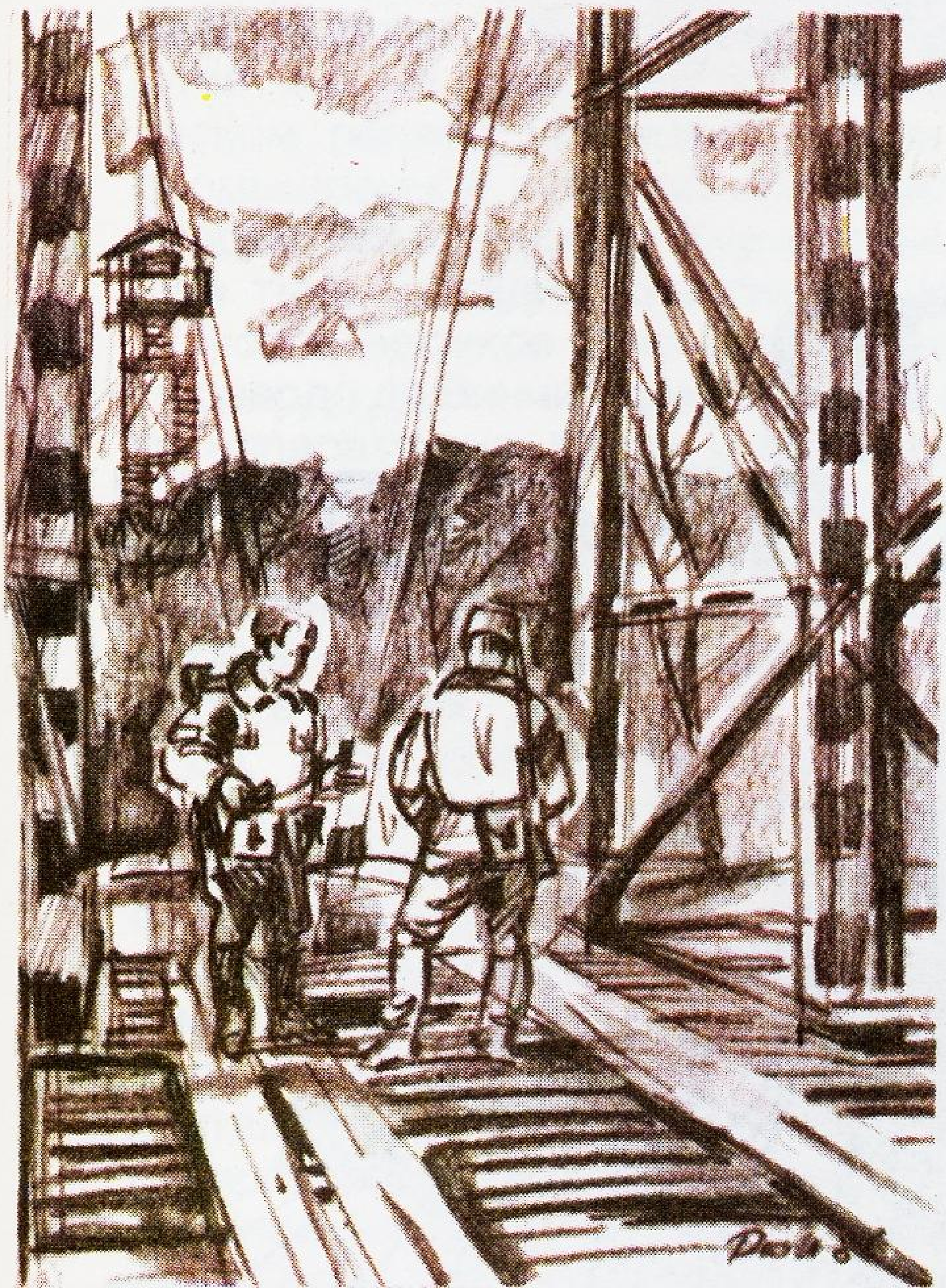
Вход в крепость сегодня

Руины Белого дворца

Мирная весна

Наряд пограничников на Буге

Тереспольские ворота

ЭТО БЫЛО НА ПРИПЯТИ

Михаил ОДИНЕЦ,
лауреат премии Союза журналистов СССР, собственный корреспондент газеты «Правда».

Урок для XXI века

Когда сегодня вы, ребята, включаете в своей комнате свет, знайте: его питает электрический ток, поступающий в энергосистему страны и от Чернобыльской атомной станции. Пять месяцев ее агрегаты бездействовали. Десятки, сотни тысяч людей были заняты ликвидацией последствий аварии, случившейся на четвертом блоке. А ведь каждый из четырех блоков имел мощность в один миллион киловатт. Это столько, сколько, скажем, дают энергии Киевская, Каневская, Кременчугская и Днепродзержинская гидростанции, вместе взятые. Но беда не только в том, что страна потеряла миллионы чернобыльских киловатт: на десятки километров вокруг оказалась зараженной территория, опустели города и села, пропал урожай...

Так что же, спросят некоторые из вас, быть может, не стоит впредь строить атомные электростанции? Нет, стоит, говорит наука. Атомная энергетика лежит на генеральном пути научно-технического прогресса.

Для тепловых электростанций требуется топливо — нефть, газ, уголь, торф. Их запасы, как известно, ограничены. К тому же дым и копоть от сгорания угля и нефти явно не оказывают благотворного влияния на природу.

Чтобы обыкновенная ГРЭС мощностью в один миллион киловатт работала бесперебойно в течение года, ей надо доставить 40 тысяч вагонов угля. Атомной станции такой же мощности потребуется лишь десять вагонов ядерного топлива — малонасыщенного урана. Кроме урана, может использоваться на АЭС и другой радиоактивный металл — торий. И запасы их, по подсчетам ученых, значительно превышают потребности развития ядерной энергетики.

Выигрывают атомные станции и при сравнении с гидроэлектрическими. Они не требуют больших площадей, для них не нужно перегораживать реки и затапливать земли...

В 1896 году французский физик Антуан Беккерель обнаружил явление радиоактивности — ядерного излучения. В небольших дозах такое излучение не приносит вреда человеческому организму и окружающей природе. Наоборот, явление радиоактивности помогает лечить некоторые болезни, ставить диагноз, проникать в глубины клетки, исследовать небесные тела и многое, многое другое. Но если излучение превышает допустимые размеры, радиоактивность становится врагом. Врагом невидимым, коварным, страшным...

Со времен Беккереля человечество научилось защищать себя от сверхнормативных потоков радиоактивности. Доказано, что за год работники наших атомных станций получают всего одну десятую той дозы облучения, которая считается допустимой. А это меньше, чем получает человек во время посещения рентгеновского кабинета. Другое дело, если ядерное излучение выходит из-под нашего контроля...

В год Великой Французской революции ученый Филипп Лебон изобрел двигатель внутреннего сгорания. Он говорил: «Граждане, вы увидите самодвижущуюся колесницу, и она будет источником человеческого благоденствия». Полтораста лет спустя фаши-

стские танки давили своими гусеницами правнуков Филиппа Лебона.

Когда Энрико Ферми построил первый в мире ядерный реактор и в декабре 1942 года осуществил в нем цепную реакцию, он знал, какую невероятную силу он дарит людям. И надеялся, что они воспользуются ею не для смерти — для жизни. Но между пуском первой установки Ферми и пуском первой промышленной атомной электростанции, созданной Игорем Васильевичем Курчатовым, пролегла зловещая тень трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Любое великое открытие делается во имя добра. Леонардо да Винчи сидел над чертежами летательного аппарата, не думая о фугасных бомбах. Филипп Лебон мечтал не о танках, Эйнштейн, Ферми, Курчатов первыми предостерегали человечество от использования ядерной энергии в военных целях... Но многие открытия могут обернуться и злом. Тут все дело в людях, которые их используют.

Да, атом обладает удивительной, колоссальной силой. Он может быть убийцей, но может и должен стать работником. Мы за то, чтобы атом не разрушал, а созидал — давал свет, водил корабли, помогал ученым... Чернобыль еще раз показал всему миру смертельную опасность, скрытую в атомном ядре. А ведь там вырвавшаяся из-под контроля радиация составляла лишь небольшую часть уровня радиации, распространяющейся после взрыва маломощной ядерной бомбы. «И раз так,— говорил Михаил Сергеевич Горбачев,— то значит, взрыв даже малой части накопленного ядерного арсенала уже станет катастрофой, и катастрофой непоправимой».

Но значит, снова можете спросить вы, и мирный атом приносит беды? Да, аварии на АЭС случаются. И не только в Чернобыле. За последние годы они произошли также в США, Англии, ФРГ... Однако ведь не остановили когда-то человечество поломки в паровых машинах Уатта. И если бы людей испугали аварии первых аэропланов, то вряд ли сегодня мы бы летали на сверхзвуковых лайнерах.

Аварии на АЭС подтверждают лишь то, что атомная энергетика находится пока в младенческом возрасте. Но даже в этом нежном возрасте она сумела накопить за своими плечами 4000 реакторолет безаварийной эксплуатации. Вам, ребята, продолжать этот положительный послужной список ядерной энергетики.

Когда вы станете взрослыми — а это будет уже в XXI веке,— вы будете иметь дело с приборами, механизмами и технологиями, о которых сегодня можно прочесть только в научно-фантастических романах и повестях. Время бежит очень быстро. Его нельзя остановить. От него нельзя и отставать. И вам надо уже сегодня, сейчас готовить себя к этому грядущему веку. Надо, чтобы в новейших цехах и суперновейших лабораториях вы чувствовали себя спокойно и уверенно. Помните: будущее властно стучится в нашу дверь.

Я смотрю на своего внука Илью. Он пионер и постоянный читатель «Пионера». Его любимое занятие — моделирование. Дома Илья может починить многое — от дверного замка до радиоприемника. Всякий раз, когда я возвращаюсь из Чернобыля, он расспрашивает о реакторе, турбинах, «саркофаге»... Что-то я могу рассказать ему сам, что-то советую прочитать в книгах. И он читает. Быть может, именно так и надо настраивать себя на будущее.

...Забывать о Чернобыле вы не должны. То, что произошло на Чернобыльской АЭС, то, как люди своим мужеством и упорством победили взбунтовавшийся реактор, должно стать для всех нас уроком. Уроком для XXI века.

Взрыв

Атомную электростанцию начали здесь строить почти пятнадцать лет назад. Возвели два блока, потом еще два. В последнее время шло сооружение третьей очереди — пятого и шестого энергоблоков. Если ехать из Чернобыля на АЭС, стройка видна и сейчас: высокая громада из бетона и стали, окруженная мощными кранами. С вводом их в строй Чернобыльская электростанция стала бы самой мощной в Европе.

Но драматические события в ночь на 26 апреля не позволили этим планам воплотиться в жизнь. Не только четвертый энергоблок, вся станция вышла из строя. Опустели на время цеха, коридоры, машинные залы.

Произошел взрыв. Его волной смело перекрытие, деформировало конструкции, возник пожар. На тушение по тревоге поднялись бойцы караулов пожарной охраны АЭС. Ими командовали лейтенанты Виктор Кибенок и Владимир Правик. Загорелось покрытие машинного зала, сапоги пожарных утопали в кипящем битуме, от едкого дыма, копоти и гари было трудно дышать. Но смельчаки все же стали на пути огненной стихии.

Виктор Кибенок и Владимир Правик погибли, выполняя свой долг. Посмертно им присвоено звание Героев Советского Союза. Награжден Золотой Звездой Героя и тот, кто вел их тогда в атаку на реактор,— майор Виктор Петрович Телятников.

Эти люди открыли героическую страницу массового народного подвига, творимого ежедневно, ежечасно на рабочей площадке АЭС, в Припяти, на земле Чернобыльского района.

Люди и реактор

О том, что происходило в то время на четвертом блоке, говорят записи рассказов тех, кто принял первый удар на себя.

«Во время взрыва находился возле диспетчерской, на посту дневального... Собирался уходить отдыхать, и в это время — взрыв... За взрывом последовали мгновенно следующие взрывы. Я увидел черный огненный шар, который взвился над крышей машинного отделения. Мы остались до конца, пока не затушили огонь. Потом спустились вниз, где нас подобрала «Скорая помощь». Мы были в плохом состоянии...»

«Вода пошла на третий блок. Надо было ее откачать. А для этого подать энергию. Кроме нас, этого никто не мог сделать. Поэтому мы и остались, хотя знали, что уровень радиации высокий... Даже дозиметрист не мог сказать, какой именно,— у него приборы зашкалило...»

Первые часы аварии на всю жизнь запомнятся тем, кто был в той памятной смене.

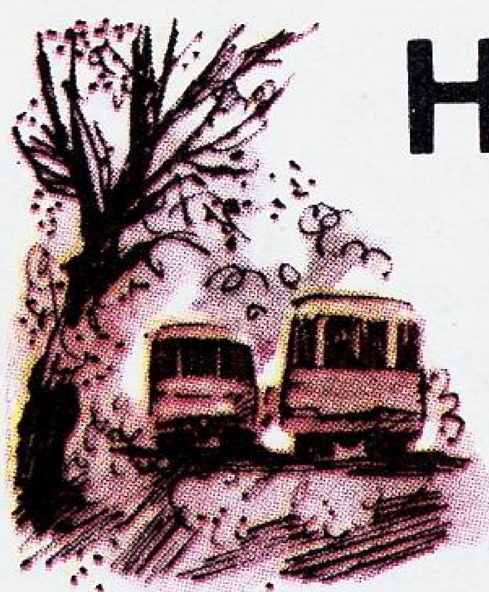
— Мне позвонили сразу же,— вспоминает мастер электроцеха Николай Олещук,— приказ был краток: «Поднимай людей!» Надо было действовать быстро, решительно и в то же время не попадать под

облучение. Инженер Александр Лелеченко беспокоился, чтобы никто из его ребят не получил опасной дозы, а сам подвергся ожогам и облучению, восстанавливая повреждения на силовом оборудовании.

В это время с разрушенным реактором, испускавшим время от времени ядовитые вздохи, уже вступили в борьбу вертолетчики. Они подводили свои боевые машины к жерлу атомного вулкана, опускались над ним, зависали в радиоактивном столбе газов и сбрасывали защитные материалы. Толстым слоем песка, свинца, бора, глины накрыли они реактор. Распространение радиоактивности в атмосфере было прекращено.

Над реактором вновь сияло чистое небо...

Куда спешили автобусы

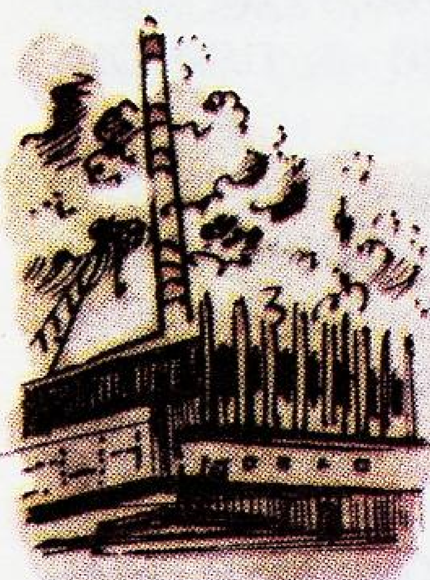

Ну, а где же разместились люди, которых в апрельские дни вывозили автобусы и машины из Припяти, Чернобыля, из сел района,— всего более девяноста тысяч человек?

На первых порах их развезли по соседним районам, устроили на жилье. Повсюду эвакуированных встречали с сердечным участием. В селе Блидча старая женщина Анастасия Яковлевна Лещенко, у которой семья из пяти человек, приняла к себе десять чернобыльцев. Колхозник И. Коваленко приютил семерых. Десятки тысяч приезжих приняли села Макаровского, Бородянского районов. Взрослым давали работу, детей устраивали в школы. Кстати, вновь прибывшие ребята учились в первую смену, а местные — во вторую. В каникулы школьники из эвакуированной зоны отправились к Черному морю, дети из Киева и Киевской области почти все лето провели в пионерских лагерях на юге Украины. Из разных концов страны в Киев шли приглашения припятским, чернобыльским ребятам приехать отдохнуть на Кавказе, в Средней Азии, Москве, Ленинграде...

Сейчас в Чернобыле жителей нет. Как нет их в Припяти, в окрестных поселках и селах. Они эвакуированы. Для них в различных местах Киевской области построены новые поселки. Тем, кто жил в Припяти, предоставлены дома в Киеве — в новом массиве Троещина.

Флажки на плане

В Чернобыле сосредоточился теперь научный центр — штаб по отыскиванию особо опасных источников радиации: кусков графита, бетона, металла, выброшенных во время взрыва. Особенно много их оказалось на кровле корпуса. В сложную и опасную работу включились роботы. Они сгребали на крыше радиоактивный мусор и сбрасывали его вниз. Из небольшого помещения заместитель главного инженера станции Юрий Николаевич Самойленко со своими помощниками руководил этой сложной и ответственной работой.

На плане кровли разноцветные флажки. Крупные прикреплены в местах наибольшего скопления источников загрязнения, более мелкие показывали участки, где имелись единичные источники... Выделялись квадратики белой бумаги, прикрепленные булавками к плану. На них надписи: «Прапорщик Н. Ерохин», «Ст. лейт. Н. Саенко», «Ст. лейт. А. Сущенко»... Это означало, что на данном участке опаснейшая работа завершена. Завершена благодаря мужеству личного состава специальных групп. Фамилии командиров этих групп и указаны на квадратиках.

Там, где робот не прошел

Как я уже говорил, во время пожара битум на крыше расплавился. Когда же остыл, в нем засело множество радиоактивных осколков. Их пришлось сдирать. В одном месте, чтобы легче сбрасывать мусор вниз, пришлось пробить в стене проем.

В этих условиях роботы уже не могли справиться с задачей. Им на помощь пришел человек. Надо было выяснить уровень радиации на каждом участке, где пойдут люди. Пробный выход сделал подполковник медицинской службы Александр Алексеевич Салеев. Его одели в тяжелую одежду из свинца, обвешали всевозможными хитроумными датчиками, фиксировавшими степень радиации на каждом шагу. Когда расшифровали показания, сложилась картина того, как должны поступать те, кто пойдет по пути первопроходца.

Желающих выполнить опаснейшее задание оказалось в пять раз больше, чем требовалось. Главная задача заключалась в освобождении поверхности от крупных обломков. Когда появилась необходимость в перестановке механизмов, то подключали краны и даже вертолеты. Опасная и сложная работа была выполнена в срок.

Операция «игла»

Замер температурных полей реактора, уровня радиации в центре аварии был сопряжен со многими трудностями. Вертолеты ежедневно по нескольку секунд зависали над реактором. Летчики при этом подвергались огромной опасности.

Ученые под руководством доктора технических наук Игоря Александровича Эрлиха решили подойти к столь важному делу по-другому. Они создали восемнадцатиметровую стальную трубу диаметром в 10 сантиметров — «иглу». Но где иголка, там и нитка. А нитка — 300-метровый фал, внутри которого проходят провода, соединенные с приборами, установленными в трубе. Конструкцию необходимо было поднять вертолетом в воздух и оттуда с большой высоты вонзить в чрево разрушенного реактора таким образом, чтобы две трети трубы попали внутрь. Планировалась и заключительная часть операции — сброс троса. Он должен был лечь около одной из стен реактора, где к нему можно было бы подключить

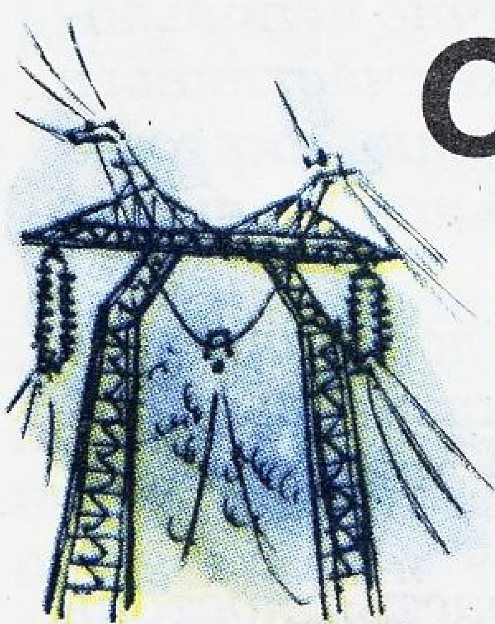
Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

аппаратуру для непрерывного снятия показателей...

Провели несколько репетиций с подъемом «иглы» и опусканием ее в начерченный на земле круг. Все получалось хорошо. И вот вертолет повис со стальной трубой над четвертым блоком... Однако «игла» не пробила корку, застывшую над реактором. Понадобилась вторая, а затем и третья попытка. Теперь все вроде бы хорошо, но трехсотметровый фал упал по другую сторону от намеченного места. Да к тому же в сильно зараженный участок.

Положение исправил Борис Казанцев. Он вскочил в стоящую рядом машину повышенной степени защиты и вместе с Андреем Лебедевым направился к месту падения фала, который свисал с высокой стены. Пришлось пробраться в помещение, где у коридорного окна Валерий Титов, член группы Казанцева, уже оттаскивал фал от четвертого энергоблока. Подоспел и Владимир Довгий. Все четверо и справились с нелегким делом...

АЭС дает ток

Сегодня над четвертым энергоблоком поднялся высокий саркофаг. Он надежно оградил реактор от внешнего мира, устранив всякую опасность радиации. Коллектив, построивший саркофаг — огромную махину, бетонный куб,— понимал, что от того, как быстро будет воздвигнута защитная оболочка, зависят пуск первого и второго реакторов, ремонтные работы на третьем энергоблоке...

Пройдут годы, десятилетия, но люди, работающие на АЭС, долго будут помнить тот первый день октября 1986 года, когда Чернобыльская атомная снова дала ток в энергосистему страны.

— Блок номер один,— докладывал начальник смены Александр Георгиевич Шадрин,— готов к синхронизации и включению в сеть первого турбогенератора. Прошу разрешения правительственной комиссии.

— Разрешаю.— В голосе заместителя председателя правительственной комиссии Юрия Кузьмича Семенова волнение.— Включить в сеть турбогенератор блока Чернобыльской атомной.

— Производится синхронизация и включение блока номер один,— прозвучал доклад начальника смены электроцеха Петра Филипповича Шейгеца.

— Турбогенератор номер один включен в сеть! — сообщил старший инженер-оператор реакторного цеха Евгений Михайлович Лебедев.

Это был долгожданный момент для всех, кто принимал участие в ликвидации последствий аварии на станции, кто сейчас работает в Чернобыле и Припяти. Задание партии и правительства было выполнено в срок.

Будущее начинается сегодня

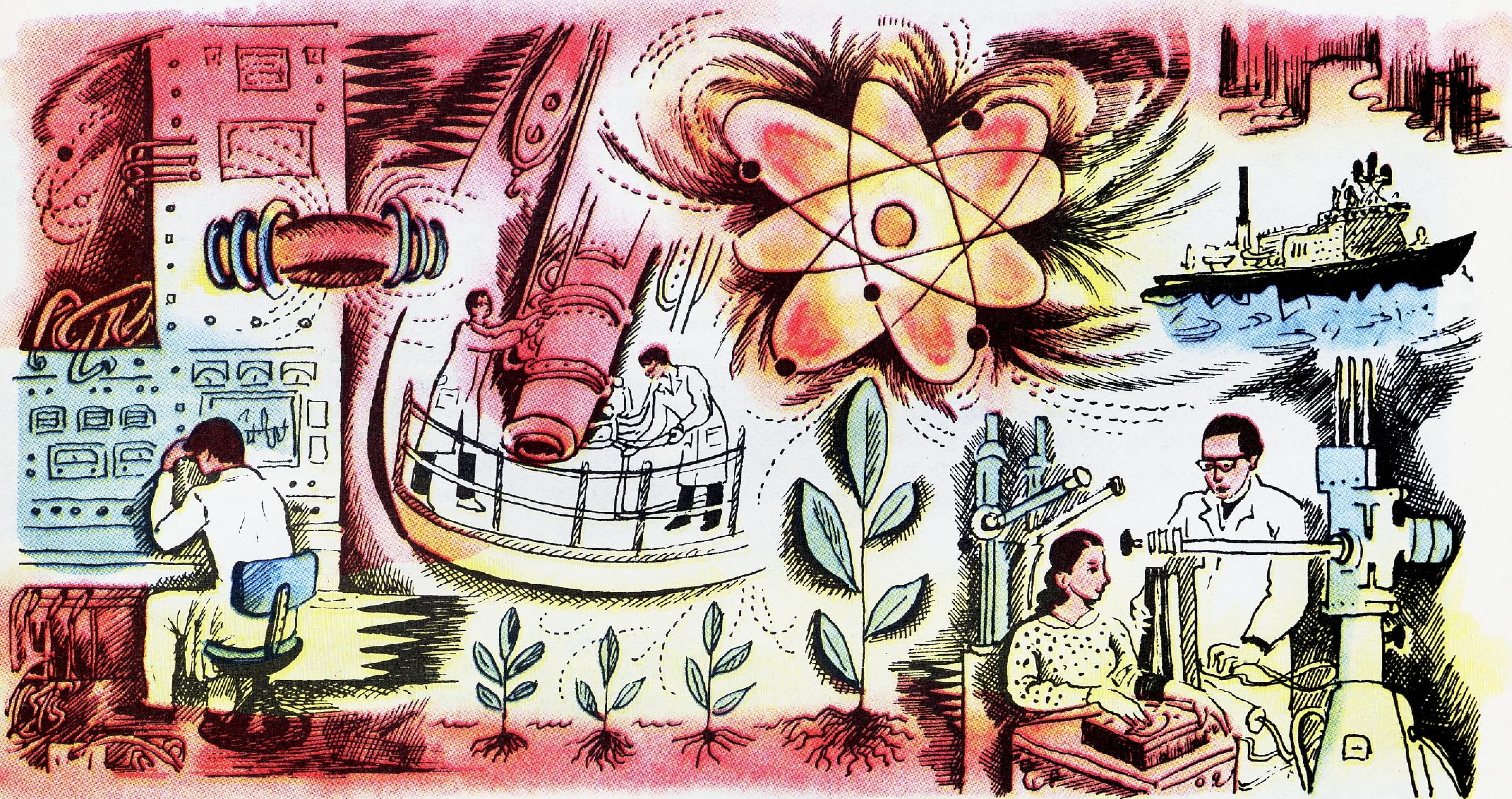

При выезде из Чернобыля на дорогу, ведущую к АЭС, стоит огромный щит. На нем три фигуры — рабочего, ученого и солдата. Вверху выведено: «Место подвига — Чернобыльская АЭС».

Это действительно место массового подвига советских людей. Людей, одолевших взбунтовавшийся атом.

Сегодня уже дает электрическую энергию стране второй блок. За ним будет включен и третий. Отошли в прошлое месяцы тревог и надежд, упорного, самоотверженного труда... В прошлое? Нет! То, что произошло, останется с нами. С нами останется героизм Чернобыля, его боль и его победы...

Специально для журнала «Пионер».

Юрий НАГИБИН

О сказке Джона Рональда Ройла Толкиена

Считается, что сказки интересны лишь маленьким детям. Это неправда. Есть сказки для маленьких — их обычно любят и многие взрослые люди, есть сказки для взрослых — они обычно не нравятся детям: слишком сентиментальны. Никто не знает, где тут пролегает граница. Но есть сказки для больших детей, которые уже топчутся у порога юности,— эти читатели в наибольшей степени награждены даром всепонимания.

Есть такая игра, захватившая весь мир, ее придумал венгерский инженер по фамилии Рубик, отчего игра получила название «Кубик Рубика». Суть ее состоит в том, чтобы сложить определенным образом кубик. Сделать это очень трудно, особенно умным взрослым людям, даже научным работникам, совсем маленькие дети тоже не справляются с кубиком-рубиком, им быстро надоедает. А вот большие дети справляются с ним с обескураживающей быстротой. У них светлые головы, в них заложено не меньше, но и не больше того, что нужно для решения трудной загадки.

Волшебную сказку знаменитого английского писателя Толкиена «Кузнец из Большого Вуттона» малыши просто не осилят, не поможет все очарование бесчисленных чудес, а взрослые спорят о ее смысле вот уже сколько лет, и каждый толкует по-своему. Иные считают это аллегорической, иносказательной автобиографией старого писателя, умершего тринадцать лет назад. Это говорили еще при его жизни, и он, наверное, очень смеялся, ибо знал, что те, для кого он писал, наверняка все поняли. А писал он для больших детей, которые молниеносно складывают кубик-рубик и так же легко разбирают запутанную сказочную повесть Толкиена.

Поэтому не ждите, что я попытаюсь растолковать эту сказку. И я равно беспомощен и перед кубиком инженера Рубика, и перед кубиком писателя Толкиена.

Но я уверен, что вы, для которых Толкиен писал свою сказку, а мы переводили, все поймете, если не посчитаете в юной спеси зазорным для себя читать сказку про Волшебную Страну, где под ногами пляшущей Королевы расцветают цветы, а Король зачем-то идет в Повара; где простирается Море Безветренной Бури и высится Холм Тени, служащий корнем Королевскому Дереву, и куда приходит Кузнец со звездой во лбу.

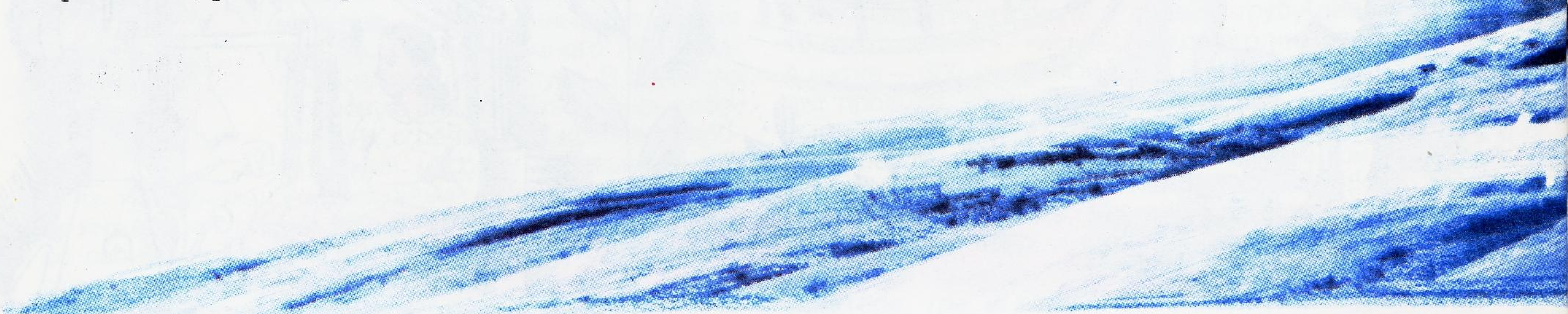
Вы поймете, конечно, что тот, у кого горит во лбу волшебная звезда, должен идти за ее путеводным лучом, оставив уютный дом и милую семью, не боясь ни Большого, ни Малого Лиха, ни грозных морских воинов с испепеляющим светом очей из мрачного Царства Островов, подверженного вечной осаде Моря,— идти сквозь леденящий ужас и непосильные человеческому сердцу откровения, чтобы один раз станцевать на зеленом лугу с девушкой, под ногами которой расцветают цветы, чтобы узнать истину добра и укрепиться в том, что счастье и правда у того, кто кует людям радость, а не смертоносное оружие. Вы узнаете и другое: что в какой-то момент надо уступить дорогу идущим следом за вами, когда в их горле зазвучит песня более чистая и звонкая, нежели в вашем, уже усталом, и что нельзя вечно жить в сказке, в мире волшебных поисков, надо когда-то повесить звездный плащ на гвоздь и все скопленное в пути отдать своим близким и своему народу. Но счастлив тот, кто поверил в Страну Чудес и не побоялся ступить в нее. Впрочем, люди, подобные повару Ноксу, вовсе лишенные воображения, не верящие в Волшебную Страну, но умеющие отлично использовать чужой талант и трудолюбие, тоже счастливы в своей самодовольной слепоте. Но, думаю, никто из вас не польстится на такое сытенькое и нищее счастьице.

Но я говорю лишь о том, что доступно мне самому, а те, для кого написана эта сказка, вычитают здесь куда больше и проникнут в такие тайны, что уже и не снятся старикам.

Впрочем, вот что я еще понял: счастья достоин только тот, кто не вступает даже в крошечную сделку с совестью. Толкиену присущ нравственный максимализм, вот почему он будет особенно близок вам, истинным его читателям, ибо таковы вы сами, во всяком случае, лучшие из вас. И Кузнец из Большого Вуттона ни при каких обстоятельствах не утрачивал человеческого достоинства, не изменял правде и долгу. Лишь таким людям дается чистая песня, завораживающая окружающих, яркий свет в глазах, умение создавать не однодневки, а вечные ценности, лишь им удается станцевать пьянящий танец с самой Красотой, воплощенной в юной легконогой девушке, и, не потеряв головы, вернуться в преданную любовь своих домашних.

Мы живем в суровое, даже страшное время, которое, как никогда, требует от человека душевной силы, чистоты, преданности идеалам и стойкости перед Лихом. Не в сказке, а в действительности, уподобившейся аду, под Чернобылем в огненном смертоносном столбе раздался голос молодого пожарного лейтенанта Правика: «Уходите отсюда быстро! Я закончу здесь сам! МНЕ УЖЕ ВСЕ РАВНО!» Нет сомнения, что во лбу самоотверженного лейтенанта горела хрустальная звезда.

Маленькая книжка английского сказочника удивительно богата смыслом, я завидую тем, кто поймет ее до последней глубины.

Джон Р. Р. ТОЛКИЕН

Кузнец из Большого Вуттона

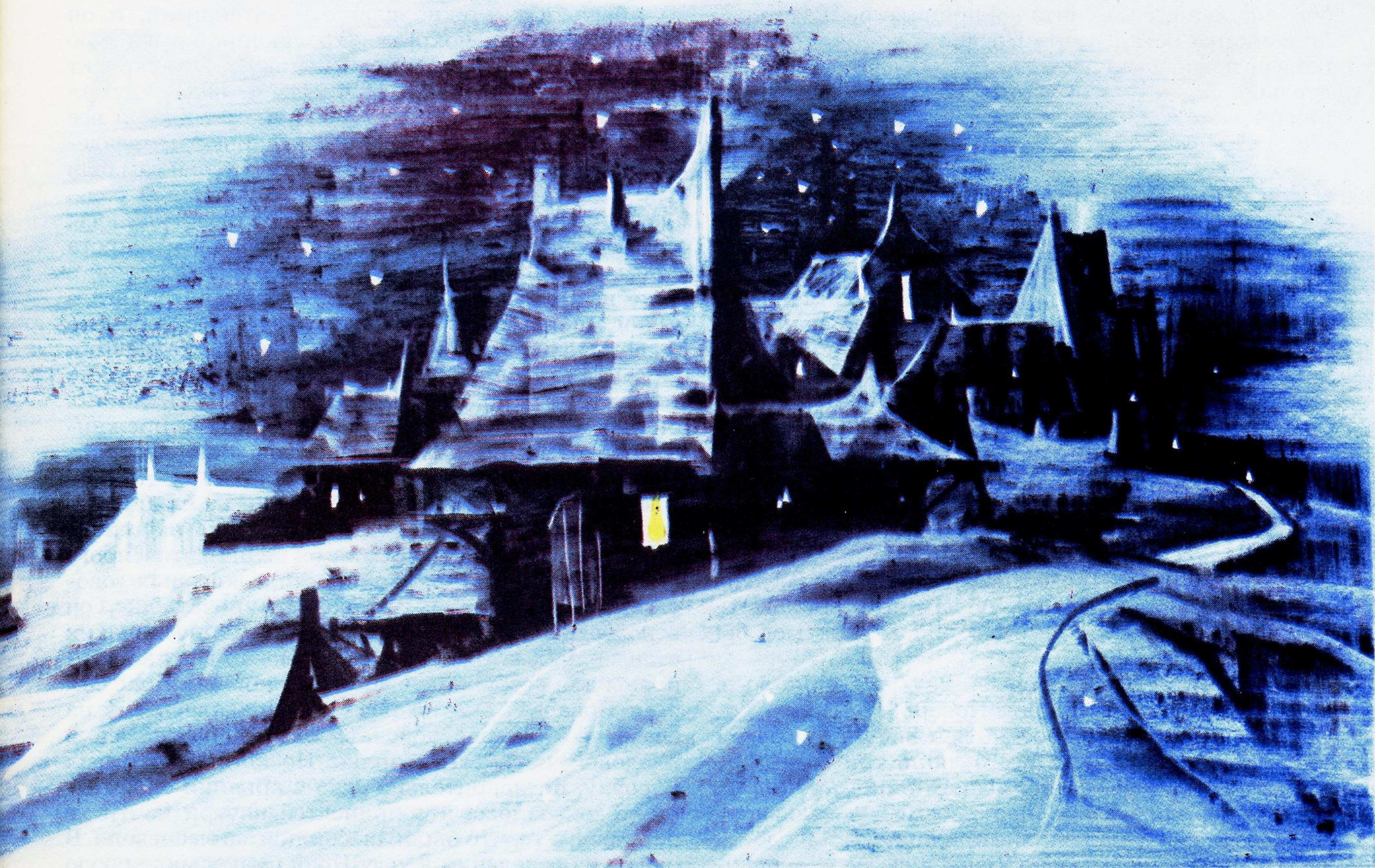
СКАЗКА

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Это было не так уж давно для тех, кто умеет помнить, и не так уж далеко для тех, кто не боится дороги. Была на свете деревня, и называлась она Большой Вуттон, не потому, что была такой уж большой, а потому, что была больше, чем Малый Вуттон, который располагался неподалеку, еще глубже хоронясь в лесной чаще. Населяли деревню в те времена люди зажиточные, а по характеру разные, как и везде,— были хорошие, были плохие, были и такие, о ком не скажешь, хорошие они или плохие.

И все же это была не совсем обычная деревня. Она славилась на всю округу мастерством своих ремесленников, но более всего поваренным искусством. В деревне была большая Кухня; она принадлежала Общему Совету, и Мастер Повар считался очень значительным лицом. Дом Повара и Кухня примыкали к Чертогу, самому большому и старому зданию в деревне и самому прекрасному. Его построили давным-давно из хорошего дуба и хорошего камня и с тех пор всегда о нем заботились, но заново не красили и не обновляли позолоту. Жители деревни собирались здесь, чтобы поспорить и посудачить, отметить общий праздник или семейное торжество. Поэтому у Мастера Повара хлопот был полон рот: на каждый случай требовалось наготовить множество разнообразных блюд. В этой деревне любили праздники, а какой праздник без обильного и вкусного угощения?

Хотя праздники бывали частенько, только один приходился на зиму, и его ждали с особым нетерпением. Веселье продолжалось целую неделю, а в последний день на закате солнца устраивали Праздник Хороших Детей. Гостей собиралось не так уж много, и не все из них заслуживали этой чести; некоторые попадали на Праздник по ошибке, а о других, напротив, несправедливо забывали. Ничего не поделаешь, так нередко случается, как бы ни старались все предусмотреть. А самое главное было — вовремя родиться, потому что Праздник

отмечался лишь раз в двадцать четыре года и приглашенных бывало столько же — двадцать четыре. В этот день все ждали, что Мастер Повар превзойдет самого себя. По традиции, кроме множества всяких лакомств, он должен был испечь Большой Пирог, который люди поминали добрым или недобрым словом до конца дней Мастера — Пирог всегда оказывался единственным в его жизни.

Однажды Мастер Повар, правивший в ту пору вуттонской Кухней, вдруг заявил, ко всеобщему удивлению, что должен на время отлучиться. И он ушел — никто не знал куда. А когда спустя несколько месяцев вернулся, все заметили, что он сильно изменился. Мастер всегда был добрым человеком и любил, чтобы люди радовались, но сам неизменно оставался серьезным и молчаливым. Теперь же он то и дело смешил окружающих своими забавными выходками, а по праздникам пел вместе со всеми веселые песни, что считалось совсем неподобающим его званию.

А еще он привел с собой Ученика, и это удивило жителей деревни. В самом появлении Ученика не было ничего особенного, каждый Мастер рано или поздно выбирал себе ученика и старался передать ему свои знания и секреты. Шли годы. Ученик начинал постепенно брать на себя самую важную работу, а когда Мастер умирал или уходил от дел, занимал его место. Но на этот раз Мастер Повар не спешил выбрать себе ученика. Он всегда отговаривался тем, что «время еще терпит», что он «глядит в оба и своего не пропустит». И вот он привел с собой простого мальчишку, да к тому же чужака. Тот был гибче и проворнее местных ребят, говорил тихим, вкрадчивым голосом и отличался отменной вежливостью. Но на вид ему было не больше пятнадцати лет, и все решили, что он слишком юн для такой работы. Вмешиваться, однако, никто не смел: выбор ученика всегда считался привилегией Мастера. Мальчишка остался при Поваре и жил в его доме, пока не повзрослел настолько, чтобы жить самостоятельно. Люди привыкли к нему, с некоторыми из них он даже подружился. Друзья и сам Повар звали его Элф, а остальные — просто Ученик.

Три года спустя случилось еще одно удивительное событие. Однажды весенним утром Мастер Повар снял свой белый колпак, сложил чистые фартуки, повесил на гвоздь белый халат, взял посох из ясеня, небольшой дорожный мешок и отбыл. Он попрощался с Учеником. Больше никого рядом не было.

— Прощай, Элф,— сказал Мастер.— Управляйся с делами один, как получится, а получается у тебя неплохо. Надеюсь, все сложится удачно. Если мы когда-нибудь встретимся, ты мне об этом расскажешь. А людям скажи, что на сей раз я ушел навсегда.

Какой же шум поднялся в деревне, когда Ученик передал людям слова Повара!

— Как он мог?! — возмущались они.— Не предупредить, не попрощаться! А нам что прикажете делать? Он даже не оставил никого, кто мог бы занять его место!

Среди этих разговоров никому не пришло в голову назначить Мастером Поваром Ученика. Конечно, он немного подрос, но выглядел еще совсем юным да и прослужил всего лишь три года.

В конце концов, за неимением никого лучшего, люди доверили высокий пост своему односельчанину, который стряпал вполне прилично. В молодости он, случалось, помогал на кухне в самое хлопотливое время, но Мастер относился к нему с прохладцей и не хотел брать в ученики. Теперь у него уже были жена и дети, он отличался плотным телосложением и осторожностью в денежных делах.

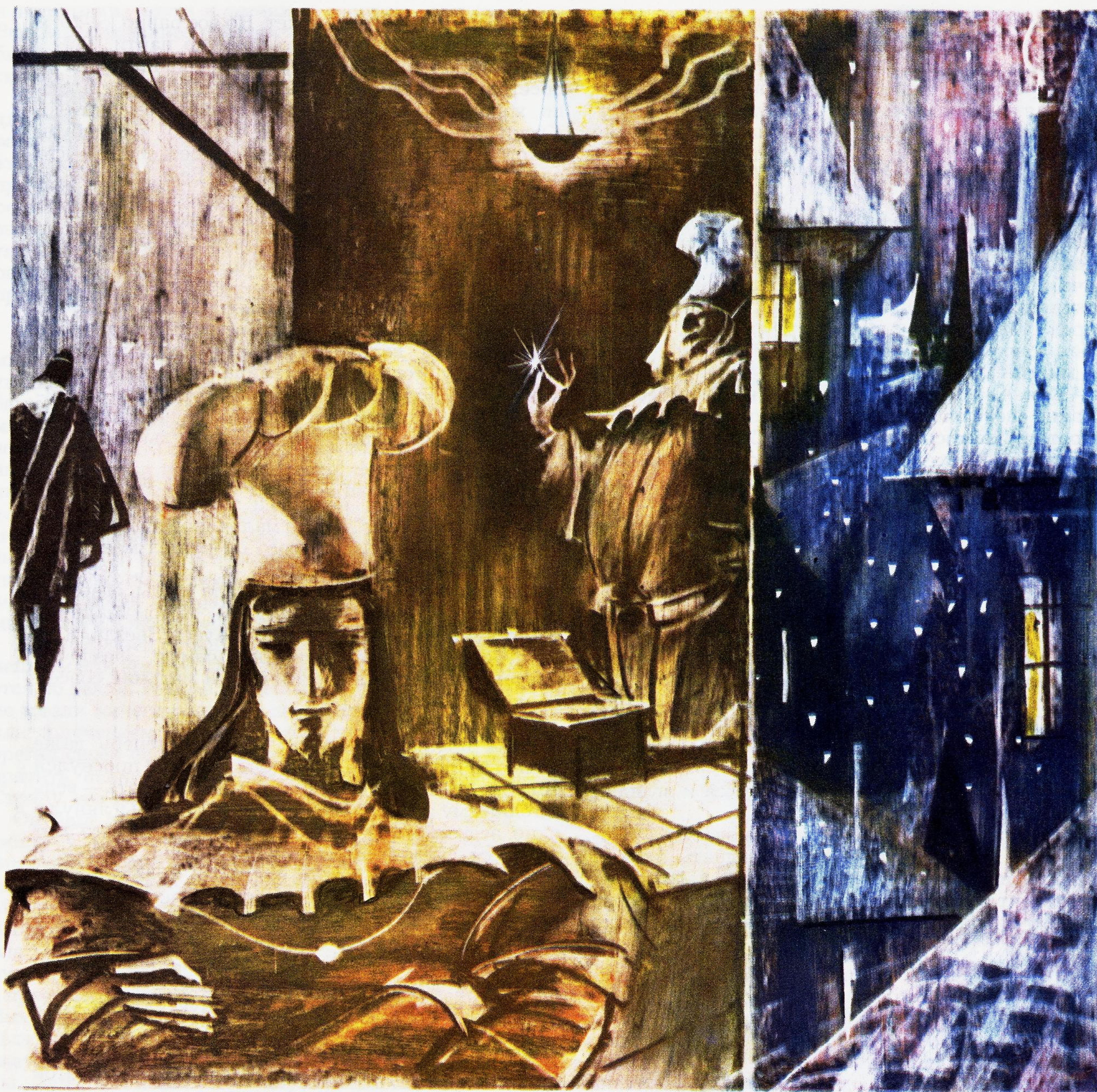
— Этот по крайней мере не сбежит,— говорили люди,— и уж лучше плохая стряпня, чем вообще никакой. До следующего Праздника еще семь лет, а за это время он чему-нибудь да научится.

Нокс (именно так звали нового Мастера) был очень рад подобному обороту дела. Он давно мечтал стать Мастером Поваром и не сомневался в своих способностях. Иногда, оставшись на кухне один, он надевал белый поварской колпак и любовался на себя в начищенную до блеска сковородку.

— Как поживаете, Мастер? — говорил он своему отражению.— Этот колпак вам очень к лицу, сшит как будто по вашей мерке. Надеюсь, и дела у вас пойдут недурно.

Поначалу дела и впрямь шли недурно. Нокс старался изо всех сил, а Ученик помогал ему. Мастер не раз исподтишка подглядывал за своим Учеником и многое перенимал у него, хотя ни за что бы в этом не признался даже самому себе. Время шло, приближался Великий Праздник, и Нокс все чаще стал задумываться о Большом Пироге. В глубине души он был очень обеспокоен. Конечно, он многому научился за эти семь лет, и у него получались вполне приличные торты и пирожные, но ведь Большой Пирог — совсем другое дело, его ждут так долго, что потом придираются к каждой мелочи. Да и судят не только дети; обычно для тех, кто приходил помогать во время Праздника, пекли пирог поменьше, но точно такой же, как большой. Каждому новому Большому Пирогу полагалось отличаться от предыдущего и удивлять всех чем-нибудь необычным.

Нокс считал, что самое важное для пирога — быть как можно слаще и затейливей, и он решил целиком покрыть его сахарной глазурью (она так хорошо удавалась Ученику). «Это украсит пирог и придаст ему волшебный вид»,— думал Нокс. Он знал, что дети любят все сладкое и все волшебное. К волшебному, правда, быстро охладевают, а сладкое любят до старости. Нокс и сам был сластеной. «Постойте, постойте! Волшебный вид... Это наводит меня на мысль!» Вот так случилось, что Нокс решил посадить на верхушку Пирога куколку, одетую в белое, с волшебной палочкой в руке, на конце которой сияла бы звезда из фольги, а у ног ее написать розовой глазурью «Королева Фей». Однако не успел он замесить тесто, как понял, что имеет весьма смутное представление о том, что нужно класть в Пирог. Нокс полистал старые книги с рецептами, оставленными прежними поварами, но, даже когда удавалось разобрать почерк, смысл написанного ускользал от него. О многих специях он никогда раньше не слышал, о других же просто забыл, и отыскивать их теперь было слишком поздно. Все же он решил, что Пирогу не повредят некоторые пряности, о которых говорилось в книгах; и тут, почесав в затылке, он вспомнил о старой черной коробке из нескольких отделений, в которой прежний Повар держал приправы для особых случаев. С тех пор как Нокс сам стал Поваром, она ни разу не попадалась ему на глаза, но теперь, поискав, он обнаружил ее в кладовой, на верхней полке. Но когда он открыл коробку, предварительно сдув с крышки слой пыли, то оказалось, что пряностей внутри почти не осталось, а те, что были, высохли и заплесневели. В одном из отделений в углу Нокс нашел маленькую

звезду размером едва ли больше монетки. Она была совсем черная и казалась сделанной из серебра и покрытой патиной.

— Забавно,— сказал Нокс, поднося звезду поближе к свету.

— Это вовсе не забавно.— Голос за его спиной прозвучал так неожиданно, что Нокс даже подпрыгнул. Это был голос Ученика.

Никогда еще раньше он не разговаривал так с Мастером. Он вообще редко обращался к Ноксу первым, лишь отвечал, если его спрашивали. Так и надо вести себя со старшими. Возможно, глазурь у него и неплохая, но вообще ему надо еще учиться и учиться, таково было мнение Нокса.

— Что ты хочешь этим сказать? — Нокс был раздосадован.— Разве она не забавная?

— Она волшебная! Она из Волшебной Страны.

Тут Повар рассмеялся.

— Ну ладно, ладно. Разница не велика, называй это, как тебе хочется. Вырастешь — поумнеешь. А теперь ступай чистить изюм и, если вдруг тебе попадутся волшебные изюминки, не забудь сказать мне...

— Что вы собираетесь сделать со Звездой, Мастер? — спросил Ученик.

— Запеку ее в Пирог, конечно. Как раз то, что надо, особенно если она волшебная.— Нокс хмыкнул про себя.— Ты же ходил на детские праздники, и не слишком давно, небось помнишь, что в пироги запекают монетки и разные безделицы. По крайней мере в нашей деревне так принято — это забавляет детей.

— Но это не безделица, Мастер, а волшебная Звезда,— сказал Ученик.

— Я уже слышал! — резко перебил Повар.— Хорошо, я так и скажу детям, они от души посмеются.

— Не думаю, Мастер. И все же вы правильно решили.

— Не забывай, с кем ты разговариваешь,— сказал Нокс.

И вот настало время, когда Пирог был испечен и покрыт глазурью, и все руками Ученика.

— Коли уж ты так любишь волшебство,— сказал ему Нокс,— я, пожалуй, разрешу тебе сделать Королеву Фей.

— Хорошо, Мастер, я все сделаю, раз вы слишком заняты. Но это не моя придумка.

— Придумывать — не твоего ума дело,— важно сказал Нокс.

И вот пирог стоял в центре праздничного стола, в кольце из двадцати четырех свечей. Середина его была сделана в форме белой горы, по краям росли деревца, покрытые как бы слоем инея, а вершину венчала крошечная фигурка. Она стояла на одной ножке, как танцующая снежинка, и протягивала вперед сверкающую волшебную палочку.

Дети смотрели на нее широко открытыми глазами, многие хлопали в ладоши:

— Какая хорошенькая! Совсем как волшебная!

Такие слова очень порадовали Повара, а Ученик, напротив, казался огорченным. Они оба стояли поблизости, Мастеру предстояло вскоре разрезать пирог на куски, а для этого Ученик должен был наточить нож и подать ему.

И вот, наконец, Повар взял в руки нож и выступил вперед.

— Должен вам сказать, дорогие мои,— начал он,— что под этой великолепной глазурью скрывается очень вкусный пирог: он сделан из всевозможных лакомств, но, кроме этого, вы найдете в нем много разных безделиц, монеток и прочего, а это, как говорят, приносит счастье. Их там как раз двадцать четыре — по одной на каждого, если, конечно, Королева Фей будет справедлива. А она может и пошутить — она такая озорница! Спросите хоть моего Ученика.

Но Ученик в этот момент отвернулся и вглядывался в лица детей.

— Ах да! Чуть не забыл,— продолжал Повар,— этих безделушек сегодня двадцать пять, а двадцать пятая — серебряная звезда, волшебная, как говорит мой Ученик. Так что будьте осторожны. Если кто-нибудь из вас сломает о нее свои зубки, то волшебство горю не поможет. Но все равно, ее-то, я думаю, вам будет особенно приятно найти.

Пирог был очень вкусен, и, конечно, никто бы не посетовал, окажись он куда больше. Всем досталось по хорошему куску, но на добавку не хватило. Куски быстро исчезали, то и дело кто-нибудь находил монетку или какую-то безделицу — кто одну, кто две, а кто и ни одной. Ведь счастье не разделишь поровну между всеми, и никакая кукла с волшебной палочкой этому не поможет.

Но вот весь пирог был съеден, а волшебной Звезды в нем так и не нашли.

— Чудеса,— сказал Повар.— Значит, она была все-таки не серебряная. Не иначе как она растаяла. А может быть, Ученик прав: Звезда и правда была волшебная и вернулась обратно в Волшебную Страну? Ну, тогда она оставила нас всех в дураках.— И он, ухмыльнувшись, посмотрел на Ученика, а Ученик посмотрел на него своими темными глазами, и во взгляде его не было улыбки.

Серебряная Звезда и вправду была волшебная, кто-кто, а Ученик не мог в этом ошибиться. А случилось вот что! Один из мальчиков проглотил ее и даже не заметил. До этого он нашел монетку в своем куске пирога и отдал ее Нелли, девочке, сидевшей рядом с ним: она глотала слезы, огорченная тем, что счастье обошло ее. Потом мальчик часто думал о том, куда же девалась Звезда, и не знал, что она находилась в нем самом. Звездочка притаилась, ожидая своего часа, и мальчик совсем ее не чувствовал.

Зима прошла, наступил июнь, и теперь даже ночью не было темно. Однажды мальчик проснулся еще до рассвета, он просто не мог спать — ведь сегодня ему исполнялось десять лет. Он выглянул в окно, весь мир, казалось, замер и ждал чего-то. Вот пронесся свежий, ароматный утренний ветерок и разбудил деревья. Потом рассвело, и мальчик услышал, как где-то там, вдали, рождается рассветная песня птиц. Она звучала все сильнее и ближе и наконец накрыла его с головой, заполнила собой все кругом и отхлынула, уносясь на запад, а над краешком земли показалось солнце.

— Это напоминает мне Волшебную Страну,— услышал он вдруг свой голос.— Только там люди тоже поют на рассвете.— И мальчик запел высоким чистым голосом; откуда ему было знать слова этой песни, а он помнил их наизусть.

И тут Звезда вылетела из его горла, и он поймал ее в открытую ладонь. Чистая и яркая, она сверкала на солнце, но ее била дрожь, и вдруг она встрепенулась, словно готовясь улететь. Не думая, мальчик хлопнул ладонью по лбу, и Звезда осталась там на долгие годы.

Мало кто в деревне замечал ее, хотя она была видна внимательному глазу. Звезда стала как бы частью лица мальчика и обычно не светилась. Зато глаза его излучали свет, а голос становился год от года все прекраснее, и люди любили слушать его, даже когда он просто говорил: «С добрым утром». А еще он прославился далеко за пределами родной деревни как замечательный мастер. Отец его был кузнецом, и мальчик стал кузнецом, но куда более искусным. Пока отец был жив, мальчика звали «кузнецов сынок», а потом просто Кузнецом; к тому времени он стал уже лучшим мастером в округе. Какие только изделия не выходили из его кузницы! Конечно, большей частью то были простые полезные вещи для повседневной жизни и работы: кастрюли и сковородки, засовы и щеколды, крюки

и подставки, плуги и тесаки и, конечно, подковы. Все они отличались прочностью, служили долго, но было еще одно: на этих удобных, изящных посвоему предметах отдыхал глаз.

В свободное время Кузнец делал поковки просто для того, чтобы порадовать людей. Он умел придавать железу легкость и красоту цветка, но цветок этот сохранял строгую силу металла и казался еще прочнее, чем сам металл. Нельзя было пройти мимо решетки или ворот, которые он сделал, не залюбовавшись, но попробуй их открыть, когда они заперты! Делая что-нибудь для души, кузнец пел за работой, и люди сразу забывали свои дела и приходили под окна Кузницы.

Вот и все, что знали о нем. По общему мнению, он многого добился, гораздо большего, чем самые умные и трудолюбивые из односельчан. Но не это было для него главным. Кузнец уже начал знакомиться с Волшебной Страной, исходил там немало дорог и троп. Но окружающие все больше становились похожими на старого Нокса, поэтому Кузнец ни с кем не говорил об этом, кроме своей жены и детей. Его жену звали Нелли (это ей он дал когда-то монетку из пирога), и у них были дети: дочь Нен и сын Нед. От них все равно нельзя было ничего скрыть, ведь они видели, как он уходил куда-то под вечер, а когда возвращался через день или через много дней, Звезда ярко светилась у него во лбу.

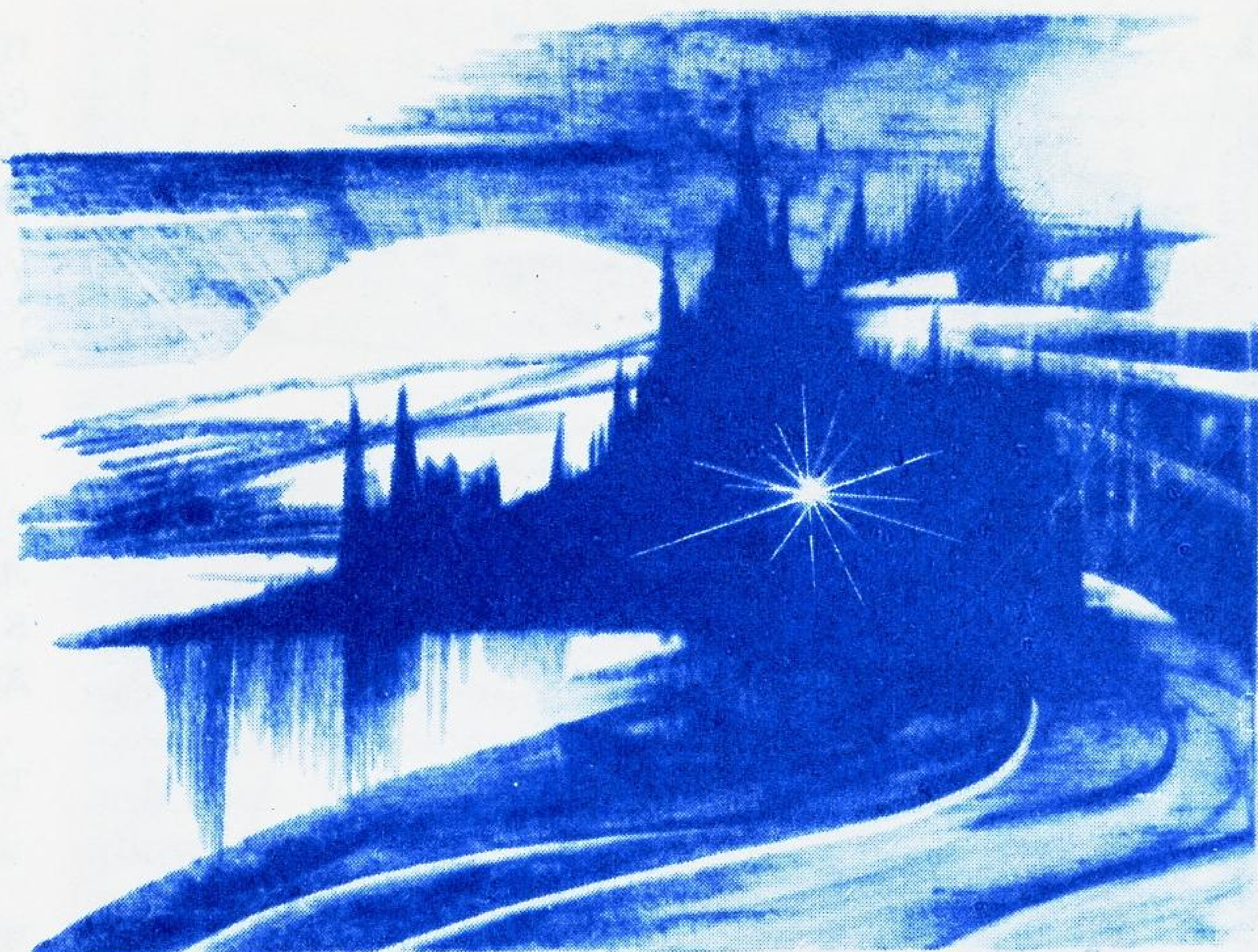
Когда Кузнец пускался в путешествие, все равно, пешком или верхом, люди думали, что он отправляется по делам. Иногда так и бывало, только эти дела не имели ничего общего с закупкой чугуна и угля или получением заказов. Кузнец никогда не пренебрегал своей работой и возможностью честно превратить пенни в двухпенсовик, но в Волшебную Страну его вели совсем другие помыслы.

Он был желанным гостем там, и, пока Звезда сияла у него во лбу, ему ничто не угрожало. Впрочем, можно ли сказать это с уверенностью о смертном в стране тайн и опасностей? Надо думать, Малое Лихо избегало света Звезды, а от Большого Лиха он был кем-то храним. Сердце его исходило благодарностью; обретя мудрость, он знал, что к чуду можно приблизиться только через опасность, а простому человеку не по силам искушать Великое Лихо. Да Кузнец к этому и не стремился, в нем не было никакой воинственности, он оставался любознательным путником. Конечно, со временем он мог бы научиться ковать могучее, легендарное оружие, которому в его мире не было б цены, но он знал, что в Волшебной Стране это не прибавит ему чести. И среди многочисленных изготовленных им вещей никто не припомнит меча, копья или наконечников для стрел.

Вначале Кузнец лишь тихо бродил среди малого народа и кротких обитателей лесов и равнин, по берегам ясных вод, в которых ночью отражались незнакомые созвездия, а на заре — сверкающие пики далеких гор. Но случалось, его завораживал какой-то один цветок или деревце, и он ничего больше не видел.

Позже, во время долгих путешествий, ему открывались чудеса, несущие в себе такую красоту и вместе такой ужас, что они оставались скорее нарезанными на сердце, нежели запечатленными в памяти, и он не умел рассказать о них близким. Но было множество воспоминаний о чудесах и тайнах Волшебной Страны, которыми он охотно делился.

Когда Кузнец начал уходить на далекие прогулки без провожатого, он вообразил, что скоро достигнет

дальней границы этой страны, но путь ему преградили горы. Он долго огибал их окольными тропами и наконец вышел на пустынный берег. Перед ним простиралось Море Безветренной Бури, где волны рождаются из Сумрака и тихо катятся к берегу. Гребни их похожи на скованные льдом горные вершины; они несут белые корабли, что возвращаются после битв в таинственных Черных Топях. Кузнец видел, как волны подняли корабль и вынесли на берег даже без слабого всплеска и так же тихо отступили белой пеной. Перед ним предстали высокие и грозные эльфийские моряки, их мечи и копья сверкали, испепеляющий свет лился из очей. Их грубые голоса вдруг сливались в торжествующей песне победы, и сердце Кузнеца содрогнулось от ужаса. Он упал ниц и закрыл лицо руками, а морские воители прошли над ним, и эхо разнеслось в горах. Больше он никогда не ходил на этот берег, потому что понял, что попал в Царство Островов, которому суждено выдерживать вечную осаду Моря.

Теперь он устремился к горам, желая попасть в самое сердце страны. Однажды в пути его накрыла серая мгла, и он долго блуждал в растерянности. Но вот мгла отступила, и он увидел кругом бескрайнюю равнину, а далеко впереди Холм Тени. Тень была огромным корнем, из которого росло и устремлялось вверх, к небу, Королевское Дерево. Оно излучало свет, яркий, как солнце в полдень, и несло на своих ветвях бесчисленные листья, цветы и плоды, и ни один лист или цветок не был похож на другой.

Лишь раз дано было Кузнецу увидеть это дерево, хотя он часто потом искал его. Однажды, карабкаясь в поисках Дерева по склонам Внешних Гор, он попал в глубокую расщелину. На дне ее лежало озеро. Ветер шелестел в ветвях деревьев, но гладь озера оставалась чистой. Все кругом было озарено багровым светом, как во время заката, но свет этот исходил от самого озера. Кузнец глянул вниз с нависшего над водой утеса, и ему показалось, что он проник в тайные глубины; языки пламени извивались там, как гигантские водоросли в морской бездне, а между ними сновали огненные существа. В изумлении он спустился к краю воды и попробовал ее ногой. Но это была не вода: он ощутил твердую, как камень, и гладкую, как стекло, поверхность. Кузнец сделал шаг вперед и тотчас же упал. Гулкое эхо пронеслось над озером, и в один миг ветер

превратился в Ураган. С ревом дикого зверя он смел Кузнеца с поверхности озера и швырнул на берег, а потом потащил вверх по склону, вертя и бросая, как опавший листок. Кузнец обхватил руками ствол молодой Березы и прижался к нему, и хотя Ураган неистово пытался разъединить их, но в своем порыве он лишь согнул Березу так, что она укрыла Кузнеца ветвями.

Когда Ураган наконец отступил, Кузнец поднялся и увидел, что Береза стоит нагая, ни одного листика не осталось на ней, она плакала, и слезы, как капли дождя, падали с ее веток. Кузнец погладил ее белую кору и сказал:

— Храни тебя бог! Чем я могу отблагодарить тебя?

Ладонь его услышала ответ дерева:

— Ничем. Уходи. Ураган преследует тебя. Ты чужой здесь. Уходи и никогда больше не возвращайся!

Когда он выбирался из расщелины, слезы Березы текли по его лицу, и он чувствовал их горечь на губах. А потом он долго брел по дороге; сердце его было полно грусти, и он решил, что больше сюда не вернется. Когда же он все-таки вернулся, не в силах бороться с собой, им владело лишь одно желание — попасть в глубь страны.

Наконец он все-таки нашел дорогу сквозь Внешние Горы и добрался по ней до склонов Внутренних Гор, высоких, отвесных и грозных. Он отыскал и тропу, по которой можно было взобраться, и вот наступил день, когда, едва сдерживая трепет своего сердца, он прошел через узкую расщелину и заглянул вниз, в Долину Вечного Утра (хотя он, конечно, не знал, что это она). Трава там куда зеленее, чем на лугах внешней части страны, а воздух так прозрачен, что, когда маленькие крапивники заводят свои песни на ветвях деревьев на другом склоне Долины, видно, как красные язычки трепещут в их горлышках.

Горы спускались в Долину длинными скатами, и Кузнец с радостным сердцем устремился вниз, следуя за пенящимися струями водопадов. Как

только он ступил на траву Долины, до него донеслось пение эльфов и у реки, на поляне, усыпанной лилиями, он увидел множество танцующих девушек. Он смотрел, очарованный, на их быстрые, грациозные движения, которые, казалось, никогда не повторялись, и вдруг шагнул им навстречу. Девушки замерли, и одна, совсем юная, с развевающимися волосами, в тунике с трепещущими складками вышла из круга и подошла к нему.

— Не слишком ли ты осмелел, Звездоносный гость? — сказала она, смеясь.— Разве ты не боишься гнева Королевы? Или, может быть, у тебя есть ее разрешение?

Кузнец смутился: она проникла в его безотчетные чувства. Ему и правда казалось, что Звезда у него во лбу давала право идти куда пожелаешь; теперь он понял, что ошибался. Но тут девушка снова улыбнулась и, взяв его за руку, сказала:

— Идем. Раз уж ты здесь, ты будешь танцевать со мной,— и ввела его в круг.

На мгновение ему дано было ощутить в себе, в своем теле всю стремительность, силу и радость необыкновенного танца. Это было так мимолетно! Вихрь замер. Они снова стояли друг возле друга. Девушка нагнулась и, сорвав одну из белых лилий, воткнула ему в волосы.

— Теперь прощай. Может быть, мы еще встретимся, если на то будет воля Королевы.

Он не помнил, как проделал обратный путь, и очнулся уже на дорогах своей страны. Жители окрестных деревень в изумлении провожали его взглядами. Когда он достиг дома, навстречу ему с радостными криками выбежала дочка: он вернулся раньше, чем его ждали, но все равно, когда ждешь, время тянется так долго.

— Где ты был, папа? — спросила она.— Твоя Звезда так ярко светится!

Но вот он переступил порог, и Звезда померкла. Нелли взяла мужа за руку и подвела к очагу, внимательно вглядываясь ему в лицо.

— Где же ты был, родной? Что видел? У тебя цветок в волосах...— И она осторожно вынула цветок.

Он лежал у нее на ладони и вместе с тем был далеко, далеко. В комнату уже вступили сумерки. Цветок излучал свет, и на стены комнаты ложились тени. Тень Кузнеца внезапно выросла, и гигантская голова склонилась над Нелли.

— Ты похож сейчас на великана, папа! — произнес вдруг сын Кузнеца, который до этого не проронил ни слова.

Цветок так и не завял, и свет его не померк. Семья оберегала его, как тайну и сокровище. Кузнец сделал для него шкатулку, запирающуюся на ключ, и там он хранился, переходя из поколения в поколение. Те, кто наследовал ключ, иногда открывали шкатулку и смотрели на Живой Цветок, пока шкатулка снова не захлопывалась; и угадать, когда она захлопнется, было не во власти людей.

Время не обходило Большой Вуттон стороной. Минуло много лет. На Празднике, когда Кузнец получил Звезду, ему не было еще и десяти. Потом был еще один Праздник, Элф стал уже Мастером Поваром и выбрал нового Ученика по имени Харпер. Спустя еще двенадцать лет Кузнец вернулся с Живым Цветком. А этой зимой готовился следующий Праздник.

Однажды Кузнец брел по лесу во внешней части Волшебной Страны. Была осень. Желтые листья еще держались на деревьях, красные лежали на земле. Вдруг сзади послышались шаги, но Кузнец даже не оглянулся, так глубоко он был погружен в свои мысли.

На этот раз он явился по приглашению, и путь ему пришлось проделать неблизкий. Так далеко он, кажется, не уходил никогда в жизни. Его направляли и охраняли, но он плохо помнил дорогу, потому что глаза его часто словно бы застилала мгла или тень. Наконец он очутился на возвышенности, под куполом ночного неба с бесчисленными звездами. Там он предстал перед самой Королевой. У нее не было ни короны, ни трона. Она стояла в своем величии и славе, окруженная грозным воинством; доспехи мерцали, искрились, как звезды над головой, но Королева была выше острия длинных копий, и вокруг ее чела горело белое пламя. Она подала Кузнецу знак приблизиться, и, дрожа, он сделал шаг вперед. Высоко и чисто пропела труба, и они остались одни.

Он стоял перед ней, не преклонив колен, настолько приниженный, что не способен был даже к положенному жесту вежливости. Наконец он осмелился поднять глаза и увидел ее лицо и строго опущенный на него взгляд. Он был поражен и взволнован, потому что в этот миг узнал ее — прекрасную девушку из Зеленой Долины, танцовщицу, под ногами которой распускались цветы. Она улыбнулась, прочтя в его глазах воспоминание, и приблизилась к нему. Они говорили долго, почти без слов. Он узнавал от нее о многих вещах, что-то приносило огромную радость, что-то переполняло горем. Мысль его побежала вспять, в прожитую им жизнь, пока не добралась до того Праздника, когда он получил Звезду. Он вдруг ясно увидел фигурку маленькой танцовщицы с волшебной палочкой и со стыдом опустил глаза перед красотой Королевы. Но она лишь засмеялась, как смеялась тогда, в Долине Вечного Утра.

— Не грусти обо мне, о Звездоносный! И не стыдись тех, с кем ты рос и жил. Маленькая кукла на пироге — все же память о Волшебной Стране. Для одних это лишь проблеск, для других — пробуждение. С того самого дня ты всегда мечтал увидеть меня, и я исполнила твое желание. Больше я ничего не могу тебе дать. На прощание я поручаю тебе быть моим гонцом. Если ты встретишь Короля, скажи ему так: «Время настало. Ему выбирать».

— Но, Королева...— Кузнец запнулся.— Где же мне найти Короля? — Он и раньше часто задавал этот вопрос жителям Волшебной Страны, но они все отвечали одно и то же: «Он не сказал нам».

— Если он не сказал тебе,— отвечала Королева,— то и я не могу. Но он много путешествует, его можно встретить в самых неожиданных местах. А теперь преклони колена.

Кузнец преклонил колена, а она нагнулась и положила руку ему на голову. Все в нем замерло, и казалось, он пребывает одновременно и в мире простых людей, и в Волшебной Стране, и вне волшебства, сам по себе, и на все смотрит как бы со стороны, а в душе его смешались тяжесть утраты, и счастье обладания, и покой. Потом оцепенение прошло, он поднял голову и встал. На небе уже занялась заря, звезды побледнели, и Королева исчезла. Далеко в горах он услышал эхо отзвука трубы. Высокий луг, где он стоял, был тих и пуст, и он понял, что теперь путь его лежит назад, в боль утраты.

Он брел среди опавших листьев, думая обо всем, что увидел и узнал. Луг остался далеко позади.

Сзади слышались шаги, они приближались. Внезапно совсем рядом чей-то голос произнес:

— Похоже, нам по пути, Звездоносный.

Кузнец вздрогнул и очнулся от своих мыслей. Рядом с ним шел человек. Он был высокого роста, шагал легко и быстро, и тень от капюшона темнозеленого плаща скрывала его лицо. Кузнец был озадачен. Только жители Волшебной Страны называли его Звездоносным, но ему казалось, что он никогда не встречал тут этого человека, и все же смутное чувство подсказывало, что он знает его.

— Смотря в какую сторону ты идешь,— ответил он наконец.

— Я иду в твою деревню, надеюсь, что и ты тоже.

— Да, и я тоже,— сказал Кузнец.— Что ж, пойдем вместе. Но постой, я чуть не забыл. Перед тем как я начал путь домой, Королева просила меня передать одно известие. Что мне делать? Мы скоро покинем пределы Волшебной Страны, но я уже никогда не вернусь сюда. А ты? Ты еще вернешься?

— Да, я вернусь. Ты можешь передать через меня.

— Это нужно передать Королю. Разве ты знаешь, где его найти?

— Знаю. Говори, что она просила тебя передать.

— Только одно: «Время пришло. Ему выбирать».

— Я все понял. Забудь об этом.

Дальше они пошли рядом. Оба молчали, лишь листья шелестели у них под ногами. Спустя некоторое время — они все еще находились в пределах Волшебной Страны — человек вдруг остановился. Он повернулся к Кузнецу лицом и откинул капюшон. И тут Кузнец узнал его. Это был Элф. Ученик, как Кузнец по-прежнему называл его про себя. Он навсегда запомнил тот день, когда еще юный Элф стоял под сводами Чертога; в руках он держал нож для разрезания Пирога, и в глазах его горели отблески свечей. Сейчас он старый человек, ведь сколько уже лет состоит он Мастером Поваром. Но здесь, под сенью Внешнего Леса, его можно было принять за прежнего Ученика, разве что возмужавшего: в волосах ни сединки, на лице ни морщины, а глаза сияли, словно отражая свет.

— Я бы хотел поговорить с тобой, Кузнец, сын Кузнеца, пока мы не ушли отсюда,— сказал Элф.

Кузнец удивился. Он и сам давно хотел поговорить с Элфом, но ему это никогда не удавалось. Элф всегда вежливо приветствовал его и относился к нему по-дружески, но, казалось, избегал откровенных разговоров. Вот и сейчас он посмотрел на Кузнеца с улыбкой, но вдруг поднял руку и указательным пальцем коснулся Звезды. Свет в его глазах тотчас потух, и Кузнец понял, что этот свет исходил от Звезды и что она ярко сияла, а сейчас померкла. В изумлении он отшатнулся от Элфа.

— Не думаешь ли ты, Мастер Кузнец,— сказал тот,— что пришло время тебе с ней расстаться?

— Что тебе до этого, Мастер Повар? И почему я должен с ней расстаться? Разве она не принадлежит мне? Она была мне дарована, и разве человек не может хранить то, что связано для него с самой дорогой памятью?

— Можно хранить то, что подарено на память. Но есть вещи, которые не должны всегда принадлежать одному человеку и не переходят по наследству. Они даются лишь на время. Тебе, похоже, не приходило в голову, что Звезда когда-нибудь сменит хозяина. Теперь это время настало.

Кузнец разволновался. Он был щедрым человеком и сейчас с благодарностью вспомнил все хорошее, что принесла ему Звезда.

— Что же я должен сделать? — спросил он.— Отдать ее одному из Властителей Волшебной Страны? Может быть, Королю? — И при этих словах в его сердце проснулась надежда: вдруг ему снова разрешат, хотя бы еще раз, войти в Волшебную Страну.

— Ты мог бы отдать ее мне,— сказал Элф,— но, боюсь, это будет тебе слишком трудно. Лучше пойдем вместе в кладовую, и ты положишь ее в ту самую старую черную коробку, куда ее положил твой дедушка.

— Я этого не знал,— удивленно сказал Кузнец.

— Этого никто не знал, кроме меня. Я один был тогда с ним.

— Тогда ты, наверное, должен знать, как он нашел Звезду и почему он положил ее в коробку.

— Разумеется. Он принес ее из Волшебной Страны, и ему хотелось сохранить ее для тебя, своего единственного внука. Он так и сказал мне в надежде, что я ему помогу. Это был отец твоей матери. Не знаю, рассказывала ли она тебе о нем, да и вряд ли сама много знала. Его звали Райдер-Путешественник. Он и вправду много путешествовал и многое увидел и узнал, прежде чем обосновался здесь, в этой деревне, и стал Мастером Поваром. Тебе было всего лишь два года, когда он ушел, и твои односельчане не нашли ничего лучшего, как выбрать Мастером беднягу Нокса. И все же, как мы и предполагали, в конце концов Мастером стал я. В этом году я снова испеку Большой Пирог — единственный Повар на памяти людей, который сделает это дважды. Я хочу положить в него Звезду!

— Хорошо, ты получишь ее,— сказал Кузнец. Он пристально посмотрел на Элфа, как будто стараясь проникнуть в его мысли.— А ты знаешь, кто ее найдет?

— Что тебе до этого?

— Мне бы хотелось знать. Возможно, мне будет легче расстаться с такой важной для меня вещью. Но боюсь, что сын моей дочери еще слишком мал.

— Возможно, тебе и будет легче, а возможно, нет. Посмотрим,— ответил Элф.

Они продолжали свой путь молча, пока не вышли за пределы Волшебной Страны и не вернулись наконец в деревню. Там они сразу направились к Чертогу. В мире людей заходило солнце, и в окнах Чертога отражался алый свет. На позолоченной резьбе Главных Ворот тоже лежал отблеск заката, и незнакомые разноцветные лица смотрели на Кузнеца сверху, из-под крыши. Не так давно Чертог заново покрасили и позолотили. В Совете по этому поводу было много споров: не всем пришлись по душе «новомодные затеи», и лишь более умные поняли, что это возвращение к старым традициям. Но поскольку никаких расходов не потребовалось: за все расплатился сам Мастер Повар,— страсти быстро угомонились. Кузнец никогда не видел Чертог при таком освещении; он стоял, закинув голову, забыв обо всем на свете. Вдруг он почувствовал прикосновение к своей руке. Элф провел его к маленькой задней двери, открыл ее, и они вместе прошли по темному коридору в кладовую. Там Элф зажег высокую свечу, отпер буфет и достал с полки ту самую черную коробку. Ее недавно отполировали и украсили серебряными завитками. Элф поднял крышку и показал коробку Кузнецу; одно маленькое отделение в углу было пусто. Остальные теперь были полны свежих, едких пряностей, и у Кузнеца заслезились глаза. Он поднес руку ко лбу, и Звезда с готовностью легла ему на ладонь. Его пронзила острая боль, и слезы хлынули из глаз. Звезда ярко светилась у него на

ладони, но он видел лишь размытое пятно света, которое казалось таким далеким.

— Я плохо вижу,— сказал он Элфу.— Положи ее сам.

Элф взял Звезду с его ладони и положил ее в коробку, и в тот же миг она погасла.

Кузнец молча повернулся и ощупью стал пробираться к двери. На пороге зрение его прояснилось. Он увидел, что уже наступил вечер и в небе светится луна, а рядом с ней вечерняя звезда. Он постоял немного, любуясь на них, как вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече и обернулся.

— Ты отдал мне Звезду по доброй воле,— сказал Элф.— Если ты все еще хочешь знать, кому она достанется, я скажу тебе.

— Конечно, очень хочу.

— Так вот. Она достанется тому, кого ты сам выберешь.

Кузнец вздрогнул. Он ответил не сразу, но наконец произнес с сомнением в голосе:

— Не знаю, что ты скажешь о моем выборе. Я думаю, тебе не очень-то приятно слышать имя Нокса, но, знаешь, его правнук Тим, Нокс из Таунсэнда, будет на этом Празднике, и я подумал... Ноксы из Таунсэнда совсем не такие...

— Я тоже думал об этом,— сказал Элф.— У мальчика мудрая мать.

— Да, сестра моей Нелли. Но я люблю малыша Тима не за то, что он мой родственник. Наверное, я не могу настаивать...

Элф улыбнулся:

— Можешь, хотя в том нет нужды. Наш выбор совпал.

— Тогда зачем же ты спросил меня?

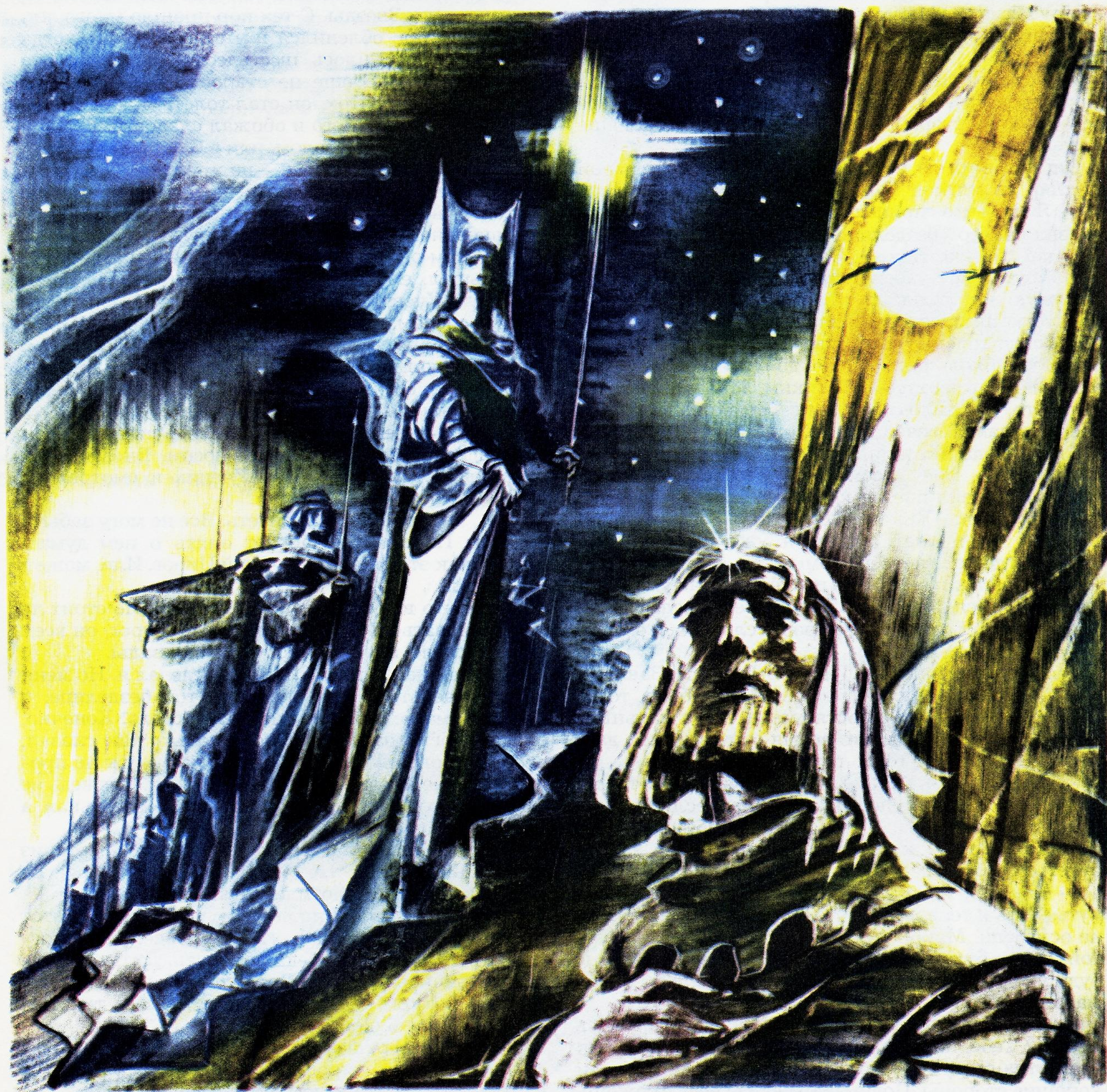
— Так хотела Королева. Если бы твой выбор упал на кого-нибудь другого, я уступил бы тебе.

Кузнец пристально посмотрел на Элфа и вдруг низко поклонился:

— Я понял наконец, господин. Это большая честь.

— Ты достоин ее. А теперь ступай домой с миром.

Когда Кузнец дошел до западной окраины дерев-

ни, где был его дом, он увидел, что сын его стоит на пороге кузницы. Он, видимо, только что запер ее. Работа на сегодня была закончена, и теперь он стоял и смотрел на белую дорогу, туда, откуда его отец обычно возвращался из путешествий. Заслышав шаги, он с удивлением обернулся и увидел, что отец шагает со стороны деревни. Он побежал ему навстречу и с любовью обнял его.

— Я жду тебя со вчерашнего дня, папа.— Потом он заглянул отцу в лицо и сказал с беспокойством:— Ты выглядишь таким усталым. Ты, наверное, долго шел?

— Долго, сынок. Я проделал сегодня весь путь от Рассвета до Заката.

Они вместе вошли в дом. Было темно, лишь языки пламени лизали очаг.

Сын зажег свечи, и некоторое время они сидели у огня молча. Кузнец ощущал лишь усталость и боль утраты. Наконец он огляделся, словно бы приходя в себя.

— Почему ты один? — спросил он у Неда.

— Как почему? — Сын посмотрел на него с упреком.— Мама в Малом, у Нэн. Сегодня малышу исполнилось два года. Они надеялись, что ты тоже придешь.

— Да, правда. Мне бы следовало быть там. Пришлось кое-что обдумать, и это отодвинуло все остальное на второй план. Но я не забыл о малыше Томе.

Он вытащил из нагрудного кармана небольшой футляр из мягкой кожи.

— Я кое-что принес для него. Старый Нокс назвал бы это «безделицей», но она из Волшебной Страны, так-то, Нэд.

Из футляра Кузнец достал серебряную вещицу, похожую на лилию с гладким стеблем и тремя распустившимися нежными цветками. Они наклонили свои головки вниз, как колокольчики. Это и были колокольчики: если до них дотронуться, каждый цветок отзывался тихим, ясным звуком, от которого дрожало и на миг вспыхивало белым светом пламя свечей.

Глаза Нэда округлились.

— Можно мне рассмотреть это получше, папа? — И он взял цветок кончиками пальцев и стал вглядываться.— Какая изумительная работа, папа! Да ведь он пахнет. Где-то я уже слышал этот аромат, где-то... нет, не помню!

— Да, запах появляется после того, как умолкнет звук. Не бойся взять его в руки. Цветок ведь сделан для ребенка. Его не так-то просто сломать, и об него невозможно пораниться.

Кузнец убрал цветок обратно в футляр. «Завтра я сам отнесу его в Малый Вуттон. Может быть, тогда Нэн с мужем и мать простят меня. Ну, а малышка Том — еще не пришло его время считать дни... да и недели, месяцы и годы тоже».

— Правда, иди, папа! Хотел бы и я пойти с тобой, да, видно, придется подождать. Даже если бы я не ждал твоего возвращения, я все равно не смог бы сегодня пойти. Уж очень много работы, а завтра будет еще больше.

— Нет, так не годится, сынок. Тебе надо отдохнуть. Хоть я теперь и дедушка, руки у меня от этого не ослабели. Мы быстро управимся с любой работой. И так будет теперь каждый день. Я больше не буду уходить, Нэд. Уходить так далеко... Ты понимаешь меня?

— Так вот что!.. А я-то думал, куда подевалась Звезда? Тебе, наверное, очень тяжело сейчас.— Он взял отца за руку.— Но знаешь, в этом есть и свои хорошие стороны. Подумай о нас. Ты ведь сможешь многому научить меня теперь, у тебя будет время. Я говорю не только о мастерстве.

Они вместе поужинали и долго еще сидели за столом. Кузнец рассказывал о последнем путешествии в Волшебную Страну и о разных других вещах, которые приходили ему в голову, но о выборе следующего обладателя Звезды он ничего не сказал.

— Папа, а помнишь тот день,— сказал Нед,— когда ты вернулся с Живым Цветком? Я тогда сказал, что у тебя тень, как у великана. Значит, это правда?.. Ты танцевал с самой Королевой! И все же тебе пришлось отдать Звезду. Надеюсь, она достанется кому-нибудь не менее достойному. Ребенок должен быть благодарен.

— Ребенок ничего не узнает,— сказал Кузнец.— Так всегда бывает с такими дарами. Ну, да ладно. Я свое дело сделал и возвращаюсь к молоту и наковальне.

Как это ни удивительно, но старый Нокс хоть и насмехался над Учеником, так и не смог забыть об исчезновении Звезды. С тех пор прошло много лет. Он растолстел, обленился и ушел на покой, когда ему едва исполнилось шестьдесят (в деревне это считалось далеко еще не старостью). Сейчас ему шел девятый десяток, он стал толстым, как бочка, но ел все так же много и обожал сладости. Все дни он проводил или за столом, или в большом кресле у окна, а в хорошую погоду — на крыльце. Он любил посудачить с соседями, но в последнее время его разговор все чаще возвращался к тому самому несравненному Большому Пирогу, творению его рук (в этом он был абсолютно уверен). Даже когда он засыпал, ему снился Пирог.

Иногда Ученик останавливался у ворот перекинуться словом. Старый повар все еще звал Элфа Учеником, а к себе требовал обращения «Мастер». Ученик никогда об этом не забывал, что, конечно, говорило в его пользу, и все же у Нокса были собеседники и поприятнее.

Однажды днем, после обеда, Нокс сидел в своем кресле на крыльце и клевал носом. Внезапно он проснулся. Над ним стоял Ученик и смотрел на него.

— А, это ты. Рад тебя видеть. Все не могу забыть об этом Пироге. Сейчас вот опять о нем думал. Как-никак это был мой лучший Пирог. Или, может, ты забыл?

— Ну что вы, Мастер. Я все помню. Но стоит ли так волноваться? Это был хороший Пирог, он всем пришелся по вкусу и заслужил похвалы.

— А как же, конечно, ведь его сделал я. Но меня волнует не это. Я все думаю о той безделице, о Звезде. Ума не приложу, что с ней стало. Конечно, она не могла растаять. Это я только так сказал, чтобы успокоить детей. Я все думаю — уж не проглотил ли ее кто-нибудь... Хотя вряд ли. Она ведь не монетка, чтобы ее не заметить. Хоть и маленькая, а края острые.

— Все это так, Мастер, но вы ведь не знаете, из чего она сделана. Не стоит ломать голову. Ее действительно проглотили, уверяю вас.

— И кто же это? Я на память не жалуюсь, и этот день помню, словно он был вчера. И всех детей могу назвать по именам. Дай-ка подумать. Должно быть, это мельникова Молли. Она всегда была обжорой, глотала, толком не прожевав. Зато теперь толстая, как мешок с мукой.

— Да, Мастер, некоторые люди имеют к этому склонность. Но пирог Молли ела осторожно и нашла там две монетки.

— Правда? Ну, тогда это, должно быть, Гарри, сын бондаря. Не мальчишка был, а бочонок, и рот огромный, как у лягушки.

— Я бы сказал, Мастер, что он был хорошим мальчиком, просто широко и дружелюбно улыбался всем. А ел он так осторожно, что вначале разрезал пирог на кусочки, но ничего там не нашел.

— Ну, тогда это точно была Лили, дочь суконщика. Помню, такая маленькая, бледненькая, а еще в колыбели глотала булавки, и хоть бы что!

— Нет, Мастер, это была не Лили. Она съела только тесто и глазурь, а всю начинку отдала мальчику, который сидел рядом.

— Тогда я сдаюсь. И кто же это был? Похоже, ты с них глаз не спускал, если, конечно, сейчас все не выдумал.

— Это был сын Кузнеца, Мастер, и я думаю, Звезда пошла ему на пользу.

— Так я и знал,— рассмеялся Нокс.— Ты меня дурачишь. Не говори глупостей! Кузнец был тихим, медлительным мальчиком. Сейчас от него куда больше шума, он, говорят, еще и поет! Но тогда это был разумный, осторожный мальчик, который никогда не делал глупостей.

— Что же, Мастер, если вы мне не верите... Да это уже и не важно. Может быть, вам будет приятно узнать, что Звезда вернулась обратно в коробку. Вот она.

Нокс только сейчас заметил, что на Ученике был темно-зеленый плащ. Из его складок он вытащил ту самую черную коробку и откинул крышку перед носом старого Повара:

— Вот она, Мастер, там, в углу.

Нокс тут же принялся чихать и кашлять, но все же заглянул в коробку.

— Да, это она,— произнес он.— Во всяком случае, похожа.

— Это она, Мастер. Я положил ее туда недавно своей рукой. А этой зимой она снова попадет в пирог.

— А-а! — Нокс покосился на Ученика и вдруг рассмеялся и смеялся до тех пор, пока все тело его не задрожало, как студень.— Ну конечно! Детей было двадцать четыре, сюрпризов тоже. Звезда

была лишней, и ты ее стащил перед тем как ставить Пирог в печь, и оставил до лучших времен. Ты всегда был ловкий парнишка, можно даже сказать, шустрый. Да и экономный тоже — зря крошки не выбросишь. Ха-ха. Так вот как все вышло. Я мог бы и сам догадаться. Теперь понятно. Ну, а сейчас я бы хотел немного вздремнуть.— И он поудобнее уселся в кресло.— А тебе советую следить получше за своим Учеником, а то как бы он тебя не разыграл. Говорят, на всякого хитреца найдется перехитрик.— С этими словами Нокс закрыл глаза.

— Ну что ж, прощайте, Мастер.— И Элф захлопнул коробку с таким щелчком, что старый повар снова открыл глаза.— Послушай, Нокс,— сказал Элф.— Твоя мудрость так велика, что за все это время я лишь дважды осмелился что-то сказать тебе. Я сказал тебе тогда, что Звезда эта из Волшебной Страны, и вот теперь сказал, что она досталась Кузнецу. Оба раза ты посмеялся надо мной. Тебе станет смешно и на этот раз! Нокс, ты старый тщеславный мошенник, толстый, ленивый и хитрый. Я выполнял за тебя всю работу и ни разу не слышал слова благодарности. Ты научился от меня всему, но только не уважению к Волшебной Стране и хотя бы подобию вежливости. Ты даже не здороваешься со мной!

— Ну уж коли речь зашла о вежливости, то никому не дозволено срамить людей старых, но бравых и мастаков своего дела. Морочь голову своей Волшебной Страной кому-нибудь другому. А теперь проваливай! — Нокс притворно всплеснул руками.— Или, может быть, у тебя на кухне спрятаны твои друзья-волшебники? Тогда, сделай милость, пришли мне одного, я хотел бы на него поглядеть. Вдруг он взмахнет своей волшебной палочкой и сделает меня снова худым. Тогда я, может, и поверю.— И он рассмеялся.

— Может быть, вы уделите несколько минут Королю Волшебной Страны? — был ответ.

И, к ужасу Нокса, при этих словах Элф вырос. Он сбросил плащ и стоял теперь, одетый во все белое, как Мастер Повар во время Праздника. Его одежды мерцали и отбрасывали блики, а во лбу его, словно звезда, светилось драгоценное украшение. Лицо его было молодым, но строгим.

— Старик,— произнес Король,— ты вовсе не старше меня. Мастак!.. Жалкий неумеха, ты насмехался надо мной за моей спиной, так брось же мне вызов в открытую! — Он сделал шаг вперед, и Нокс весь сжался и задрожал. Он хотел закричать, позвать на помощь, но едва лишь выдавил шепотом:

— Господин, пощадите меня... Я всего лишь бедный старик.

Лицо Короля смягчилось.

— Увы, это так. Вот сейчас ты сказал правду. Не бойся, я не трону тебя. Но должен же Король Волшебной Страны что-то сделать для тебя на прощание? Твое желание будет исполнено! Прощай. Теперь ты уснешь.

Он снова завернулся в плащ и медленно пошел в сторону Чертога. Элф еще не совсем скрылся из виду, а выпученные от испуга глаза старого повара закрылись, и он засопел.

Когда Нокс проснулся, солнце уже клонилось к западу. Он протер глаза и поежился от зябкого осеннего воздуха. «Ох, ну и сон! Не иначе как это из-за той свинины, что я ел за обедом». И с этого дня он стал так бояться, что ему снова приснится что-нибудь в том же духе, что почти ничего не ел, чтобы не «расстраиваться». Он ел теперь лишь самую простую пищу и скоро похудел. Одежда и его собственная кожа висели на нем складками, и дети дразнили Нокса «старым мешком с костями». Вскоре он обнаружил, что снова может ходить по деревне с помощью всего-навсего палки. Это добавило много лет к его веку: говорят, Ноксу недавно исполнилось сто лет. Это единственное, чего он достиг в жизни. До последнего дня он говорил всем, кто еще мог слушать эту историю:

— Может, это вам покажется необычайным, но, если взглянуть на дело здраво, это был просто дурацкий сон. Король Волшебной Страны! Да у него даже не было волшебной палочки. А если перестанешь есть, то худеешь. Это естественно, и ничего тут нет волшебного.

Настало время Праздника. Кузнеца пригласили петь песни, а его жену — помочь управиться с детьми. Кузнец смотрел на детей, пока они плясали и пели, и думал, насколько они красивее и живее, чем товарищи его детства. У него промелькнула мысль: «Интересно, чем занимался Элф в свободное время?» Казалось, каждый из ребят был достоин получить Звезду. Особенно внимательно Кузнец смотрел на Тима. Это был пухлый мальчик, неуклюжий в танцах, с приятным голосом. За столом он сидел молча и смотрел, как точат нож и разрезают Пирог. Неожиданно он сказал:

— Дорогой Мастер Повар, только отрежьте мне совсем маленький кусочек, пожалуйста. Я столько съел, что больше уже не могу.

— Хорошо, Тим,— сказал Элф,— я отрежу тебе особый кусочек. И думаю, ты его легко проглотишь.

Кузнец смотрел, как Тим ест свой кусок — медленно, но с видимым удовольствием. Правда, не обнаружив монетки, он опечалился. Но вот свет полился из его глаз, он засмеялся и стал тихо напевать. Вдруг он встал и принялся танцевать сам с собой с такой неожиданной для него грацией, что дети засмеялись и захлопали в ладоши.

«Значит, все в порядке,— подумал Кузнец.— Ты мой наследник. Хотел бы я узнать, куда приведет тебя Звезда, в какие неизведанные места. Бедный старый Нокс... Хотя вряд ли он узнает, какой скандал случился в его семье».

Он об этом и не узнал. Зато он узнал о другом, и это очень его обрадовало. Незадолго до конца Праздника Мастер Повар попрощался с детьми и со взрослыми.

— Прощайте,— сказал он.— Через день-другой я уйду из вашей деревни. Мастер Харпер займет мое место. Он очень хороший повар и к тому же здесь родился. А я возвращаюсь домой. Думаю, вы будете не очень скучать по мне.

Дети довольно весело попрощались с Поваром и вежливо поблагодарили его за прекрасный Пирог. И только маленький Тим взял его за руку и тихо сказал:

— Как жалко!..

Несколько семей в деревне все же скучали по Элфу. Его друзья, особенно Кузнец и Харпер, горевали об его уходе и всегда следили за тем, чтобы краска и позолота в Чертоге не облуплялись. Большинство же было довольно: люди всегда радуются переменам, да и Элф чересчур зажился в деревне. А старый Нокс стукнул палкой по полу и сказал напрямик:

— Ушел наконец! Я так рад! Никогда он мне не нравился. Хитрый он был и уж больно шустрый.

Перевели с английского
Юрий НАГИБИН, Елена ГИППИУС.

Автограф чемпиона мира

Приятно иметь в своей библиотеке такую книгу. Речь идет об учебнике «Шаг за шагом», в котором любитель шахмат найдет много интересного и полезного.

Книга «Шаг за шагом» с автографом чемпиона мира — главный приз нашего конкурса.

В этот конкурс мы включили четыре занятных позиции, своего рода происшествия на шахматной доске.

Надеемся, что вы в них разберетесь и найдете правильный путь к цели.

И еще об одном надо сказать. Сейчас повсюду идут турниры в пионерских дружинах на призы клуба ЦК ВЛКСМ и нашего журнала «Белая ладья». Вместе с решениями конкурсных задач присылайте нам и таблицы результатов ваших турниров, заверенные печатью школы и подписью директора или завуча. Победителям шахматных школьных турниров мы будем присваивать спортивные разряды.

Десять участников конкурса будут награждены также значками клуба «Белая ладья».

ШАГ ЗА ШАГОМ

Так мы назвали и конкурсное задание №1.

Диаграмма № 1

Найдите, как в этой позиции (белые: Крd2, Фс2, пешки е2, f2, g2; черные: Кра1, пешки а2, b2) белые не только справляются с грозными проходными пешками противника, но и добиваются победы. Каким образом? Во сколько ходов белые могут дать мат королю противника?

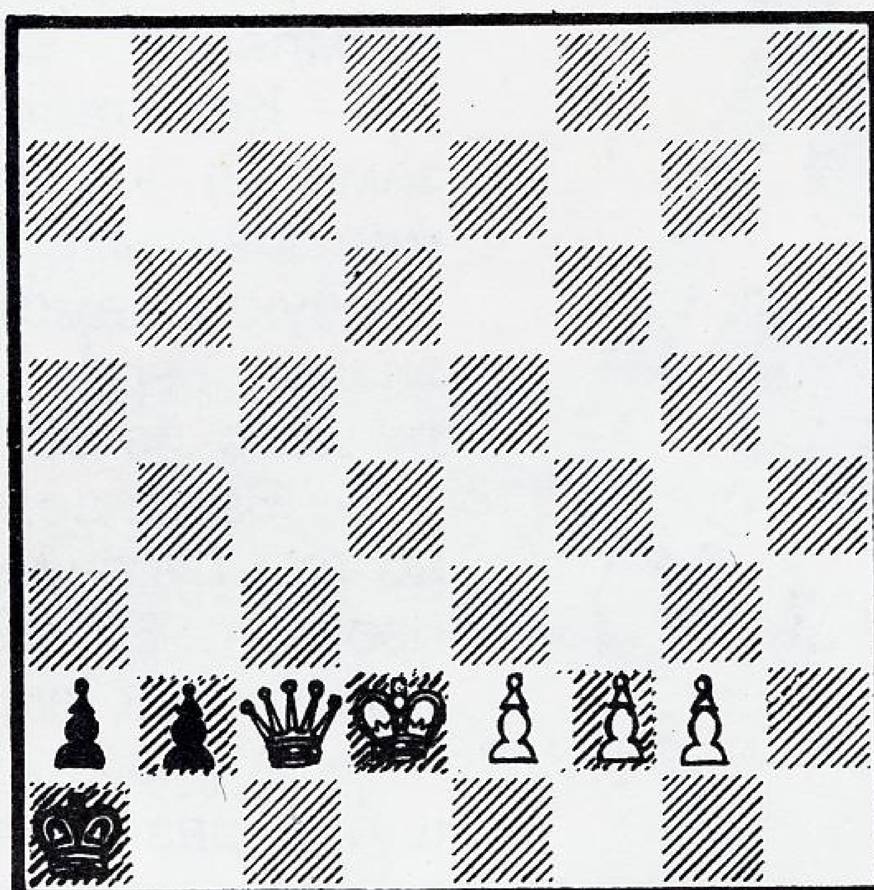

Диаграмма № 1.

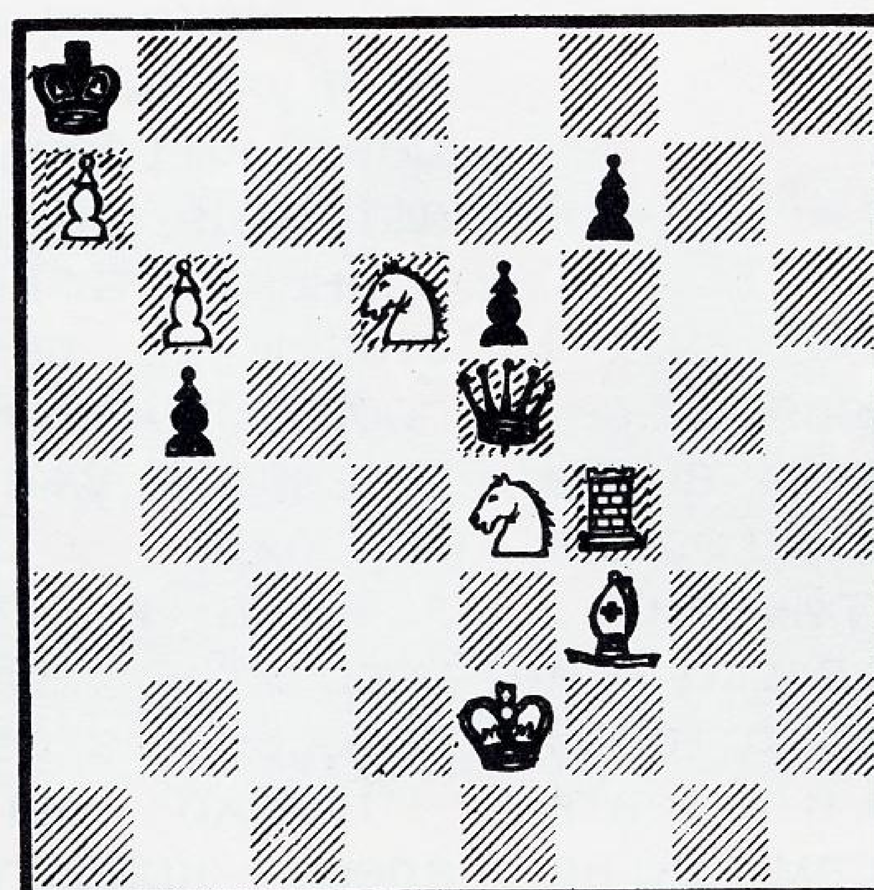

Диаграмма № 2.

В КОННОМ СТРОЮ

Кони — главные боевые силы белых в следующем положении.

Диаграмма № 2

Белые: Крe2, Лf4, Kd6, Ke4, Cf3, пешки а7, b6; черные: Кра8, Фе5, пешки b5, е6, f7.

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в два хода.

КАПКАН

Представьте себе, как трудно поймать слона в капкан. А в этой позиции (белые: Крf8, Фh8, Ла8, Лg7, Се1, пешка h2; черные: Крh1, Лg1, Са1, Cf1, пешки е2, g2) белым это удается.

Начиная игру, белые дают мат в четыре хода.

ТОЛЬКО ОДИН ХОД!

90 лет назад в Петербурге игрался матч на первенство России между Михаилом Ивановичем Чигориным и Эммануилом Степановичем Шифферсом. Эти замечательные русские мастера достойно представляли отечественную шахматную школу в международных соревнованиях, часто проводили и поединки друг с другом. Обычно побеждал Чигорин, но в ряде партий Шифферс тоже наносил своему грозному противнику тяжелые поражения.

Вот, например, позиция из партии Шифферс — Чигорин: белые — Крh1, Фf5, Лf2, Лh7, пп. а2, b2, d3, g2, h2; черные — Кра8, Фе6, Лс8, Лd7, пп. а7, b7, е5.

Только один ход сделали белые в этом положении, и черным, а ими играл Чигорин, пришлось признать себя побежденными.

Найдите этот ход, сделанный 90 лет назад!

Ждем ваших писем, ребята.

Решение задач из № 8

Диаграмма № 1. 1. Cb1 b2 2. Ла2 b3+ 3. Ла3 b4 4. Ла4 b5 5. Ла5 b6 6. Се4×.

Диаграмма № 2. 1. Са4+! Кр:а4 2. b3 Крb5 3. с4+ Крс6 4. d5+ Крd7 5. е6+ Кр:d8 6. f5...

Удивительная позиция: у черных лишние две ладьи и слон, но прорваться они нигде не могут. Ничья.

Диаграмма № 3. С белым слоном на b8. 1. Лd1!

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Роза для королевы

— Знаешь, Чип,— как-то раз признался Сережа,— вот мы с тобой уже целый год играем, а мне иногда кажется, что я ничему не научился. То есть я многое узнал, но не знаю, как все это применить.

— Ну и что же тут страшного? Мы же не в школе, и отметки я тебе ставить не собираюсь. Мы с тобой только играем, а в игре можно и ошибаться, и не знать чего-то. И все-таки ты многому научился, сам того не замечая. Давай проверим: я расскажу тебе маленькую историю, а ты подумай, что из того, что ты узнал за прошлый год, можно применить в этой истории.

«Было раннее утро в стране Чудес. В королевском саду щебетали птицы, приветствуя короля, который вышел на прогулку перед завтраком. Но королю было не до них — его прогулка имела важную цель, и он никак не мог сообразить, как этой цели достичь.

Дело в том, что сегодня был особенный день — день рождения королевы, и предстояло выбрать ей подарок. Больше всего на свете королева любила розы, но жалела срезанные цветы и не позволяла дарить себе больше одной розы. Поэтому нужно было выбрать одну, самую красивую розу во всем саду.

Король с тоской оглядел огромные клумбы, усыпанные отборными цветами. Выбрать самую красивую из двух роз он еще сумел бы, но из тысячи... Если каждую из тысячи роз сравнить с каждой другой, это сколько же будет.... тысяча раз по тысяче?..

— Билл, сколько это будет — тысячу раз по тысяче? — спросил он садовника, который вертелся рядом, не зная, как помочь королю.

— Не знаю, ваше величество, а только до завтрака не управимся!

— Что же делать, Билл? Ведь мы, пожалуй, и до завтрашнего завтрака не управимся, если все розы будем со всеми сравнивать. Если бы не королева, я бы сорвал первую попавшуюся, а так — нельзя, сам понимаешь...»

— Ну, как,— Чип прервал свой рассказ и подмигнул Сереже,— можешь помочь королю? Нет? Тогда слушай дальше...

«В королевском саду наступила тяжелая пауза, которую прервал скрипучий голос Гусеницы:

ЕСЛИ розу выбираешь, ту, что **лучше** (всех иных),
ТО ты первую сличаешь с той, что **лучше** (остальных).

С этими таинственными словами она исчезла, прежде чем король и Билл пришли в себя от изумления.

— Как тебе это нравится, Билл? — раздраженно заметил король.— Уже гусеницы начинают давать мне советы. И был бы хоть путный совет, а то — сличи первую с самой лучшей из остальных. Это мы и сами знаем, верно, Билл? А вот как найти эту самую лучшую из остальных, не сказала и уползла.

— Ваше величество, я, конечно, человек темный, но эту Гусеницу я знаю — она слов на ветер зря не бросает. Ей-богу, она нам дельный совет дала, да только как его разгадать — ума не приложу.

— А я говорю, что все это вздор! — Король не на шутку разгневался.— Во-первых...»

— Постой, постой,— закричал Сережа,— я понял, понял! Это же конкурс поросят! Которые песенки поют! А я-то слушаю, уши развесил, думаю, что же это мне напоминает?

— Наконец-то,— насмешливо отозвался Чип,— а то я уж не знал, кого еще тебе на помощь позвать. Давай-ка разберем эту программу до конца, чтобы ты потом не говорил, что ничего не понимаешь.

Значит, ты понял, что Гусеница прочла не простой стишок, а рекурсивную программу, вернее, подпрограмму «**Лучше** (среди кого-то)». И что эта подпрограмма уже встречалась нам раньше, в конкурсе поросят.

— Да, и там это называлось «**Лауреат** (среди поросят)». Там тоже надо было сравнить первого поросенка с **лауреатом** (среди остальных).

Только мы сравнивали пение поросят, а здесь — красоту роз, вот и вся разница.

— Ну, и как же должны король с садовником сравнивать розы по этому алгоритму? Можешь рассказать?

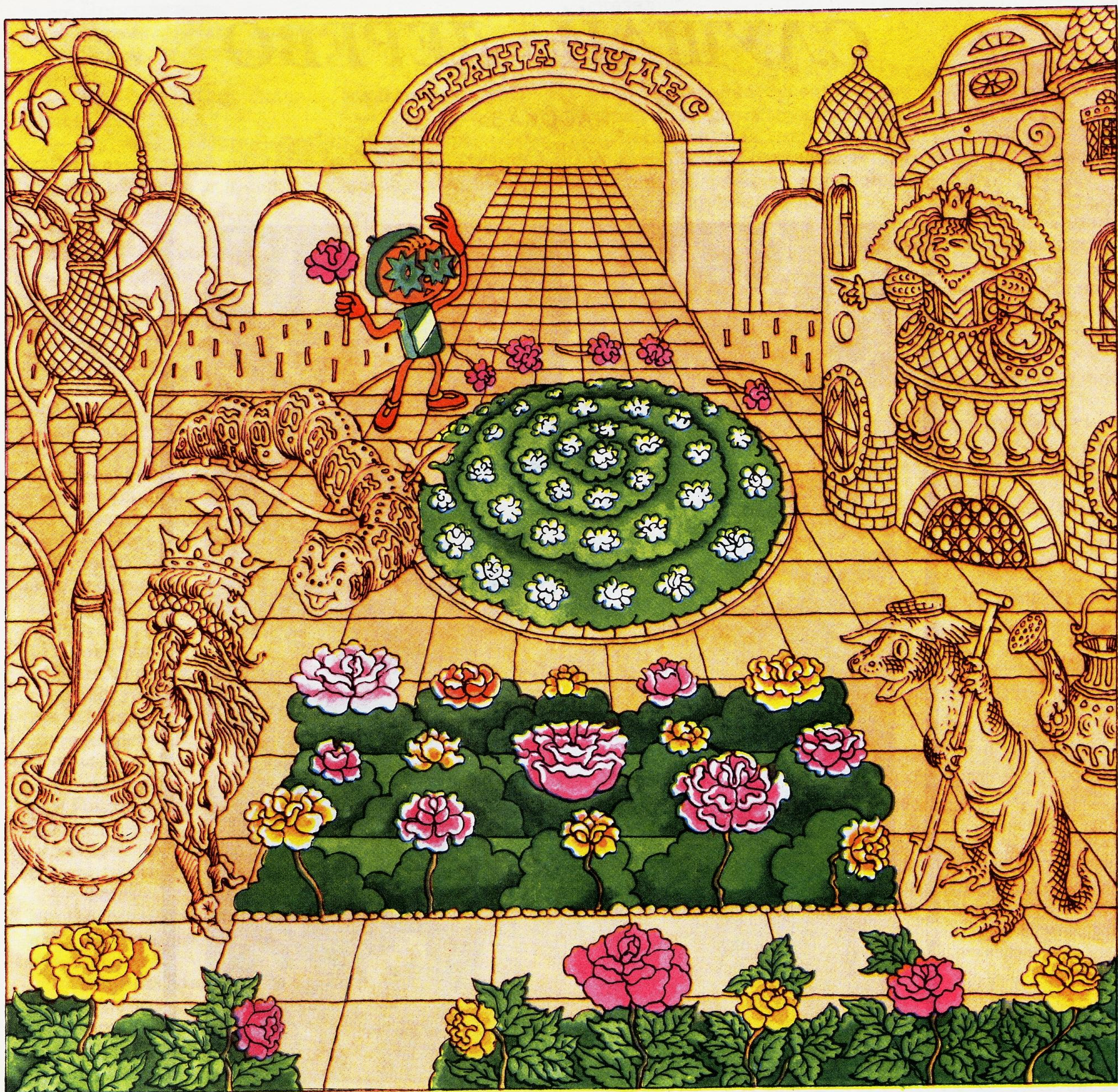
— Попробую... Ну, пусть для начала будет три розы, а не тысяча. Тогда они должны сравнить первую розу с лучшей из двух остальных. Это король умеет делать, так что сразу все получится: он сначала найдет лучшую из двух остальных, а потом сравнит ее с первой. Итого два сравнения.

— Так, ну, а дальше?

— И дальше так же. Раз мы научились за два сравнения находить лучшую из трех роз, то за три сравнения найдем лучшую из четырех: отложим первую в сторону, как советовала Гусеница, и за два сравнения найдем лучшую из трех остальных, потом сравним ее с первой — и готово дело.

— Ну, а если бы мы не знали заранее, как сравнивать между собой три розы? Ведь именно это остановило короля — он не знал, как сравнивать 999 роз, и потому считал совет Гусеницы вздорным.

— Погоди, мы это, помнится, тоже разбирали с поросятами. Если мы не знаем, как выбирать лучшую из какого-то числа роз, то мы все равно должны откладывать первую в сторону и пытаться выбирать из оставшихся с тем, чтобы потом сравнить лучшую с отложенной. Значит, они будут откладывать 998 роз,

пока не останется только две, которые король сможет сравнить. Потому он лучшую из первых двух сравнит с 998-й, лучшую из этих — с 997-й и так далее. За 999 сравнений и 998 откладываний они найдут самую красивую розу в подарок королеве. И вовсе не надо сравнивать тысячу тысяч раз... Чип, что же это получается — они срежут всю клумбу, чтобы выбрать лучшую розу? А как на это посмотрит королева?

— Королева? Гм-гм...— Чип был явно смущен.— Ну, во-первых, они могут не срезать и не откладывать, а, скажем, повязывать на розы номерки, а во-вторых, во-вторых, Гусеница могла и не знать про привычки королевы!

— Чип, во-первых, если король и садовник будут повязывать на розы номерки, они провозятся весь день. А во-вторых, Гусеница, конечно, могла и не знать привычки королевы, но ты-то прекрасно знал это условие. Эх ты, Чип!

ОТ РЕДАКЦИИ: *Ребята, пусть вас не удивляет, что Чип на этот раз ошибся. Ведь он компьютер, а компьютер думает не так, как человек. Человек, когда решает задачку, все время помнит, для чего нужна эта задача, и ему не всякое решение годится. Ну, а Чип просто не подумал о чувствах королевы, ему важно было выбрать самую лучшую розу — и все.*

Попробуйте сами исправить программу Чипа. А чтобы решить ее было проще, считайте, что розы посажены ровными рядами на прямоугольной клумбе.

А как решить ту же задачу, если розы растут не на клумбе, а в один ряд вдоль садовой дорожки?

Ждем от вас два варианта программ. Лучшие работы будут напечатаны. На конверте укажите: «Роза для королевы».

Юрий КОВАЛЬ

СЛУШАЙ, ДЕРЕВО

РАССКАЗ

Рисунки автора.

Корней Иванович был в огромных валенках. Я таких никогда не видывал. Валенки, наверно, валяли «на заказ», специально для него.

— У вас, Корней Иванович, валенки сотого размера,— сказал я.— Я таких никогда не видывал.

— Восемьдесят четвертого,— сказал Чуковский.— Мне сейчас как раз восемьдесят четыре года, а я на валенки в год по размеру набавляю.

Была зима 1966 года.

Корней Иванович шагал впереди меня по узкой тропинке, пробитой в глубоком снегу. Я семенил за ним. Вдвоем на тропинке уместиться мы никак не могли.

— Прочитайте же свои стихи,— сказал Корней Иванович, не оборачиваясь.

Положение для чтения стихов было не самым выгодным, даже незавидным. Но другого случая почитать Чуковскому свои стихи могло и не представиться, и я начал:

Жили-были лилипуты,
Лилипуты-чудаки!

— Что-что?— оборотился Чуковский.

— Лилипуты!

— Ага, лилипуты. Ну и что они делали?

— Жили.

— Хорошо,— сказал Корней Иванович, шагая вперед.— Давайте дальше. И погромче.

Ели, пили лилипуты,
Примеряли пиджаки,—

продолжал я, стараясь угнаться за Чуковским,—

Лили, лили лилипуты,
Лили, лили лимонад!

— Лимонад? А вы знаете, какой хороший лимонад пил я в Тбилиси?

Чтение стихов несколько прервалось. Я слушал

про тбилисский лимонад, по-прежнему семеня за Корней Ивановичем. Наконец, он сказал:

— Продолжайте.

— Может, начать сначала?

— Зачем же. Я все помню. Жили лилипуты, пили лимонад.

— Все-таки начну сначала, чтоб ритм не прерывался.

— Ну, пожалуйста,— сказал Чуковский.

По узкой снежной тропинке Корней Иванович уходил от меня, и я, догоняя, кричал ему в спину:

Жили-были лилипуты.

Почему-то меня это смешило, что я читаю в спину огромному Чуковскому, и я орал весело. Но дальше лимонада все-таки не двинулся — Чуковский вдруг остановился. Перед нами стоял на тропе человек. Это был изумительный писатель Борис Владимирович Заходер. Он поклонился Чуковскому. Корней Иванович поклонился в ответ. Они разговорились. Я стоял за спиной Чуковского, не зная, что делать с лилипутами.

— А вот смотрите-ка,— сказал Корней Иванович, оборачиваясь ко мне.— Вот — юный поэт. Он про лилипутов написал.

— Знаю, знаю,— сказал Борис Владимирович.— Добрый день, читал, читал.

К чести Бориса Владимировича надо сказать, что в те времена он не читал ни одной моей строчки. Не печатали.

Прогулка обрастала людьми.

Вышли с тропы на широкую расчищенную дорогу. Здесь оказалось несколько бородатых литераторов с палками в руках. Они приветственно замахали палками, Корней Иванович махнул своей палкой в ответ.

Скоро уже небольшая толпа ходила вокруг Корней Ивановича, а сам Корней Иванович двигался то к своему дому, то к дому творчества писателей. Я шел чуть сбоку, чуть сзади и позади. Лилипуты откипели во мне.

— Ташкент! — громко рассказывал Корней Иванович.— Там в баню рвались, как на концерт Шаляпина. Вставали в очередь за семь часов до открытия...

— Корней Иванович,— прервал его кто-то,— сегодня мороз. А ведь врачи вам запретили много говорить на морозе.

— Ну и что? — сказал Чуковский.— Я не вижу здесь врачей.

— Но все-таки... надо поберечься!

— Да ведь и рассказать кому-нибудь надо! Ну вас, лучше я дереву расскажу.

Он остановился и, слегка поклонившись заваленной снегом сосне, густо сказал:

— Слушай, дерево!

Сосна дрогнула. С веток ее посыпался сухой снег.

Литераторы с палками отсеялись, разошлись, отпрощались.

Мы с Корней Ивановичем остановились у крыльца его дома. Здесь, на деревянных столбах, наросли пуховые шапки снега.

— Вот смотрите,— сказал он и поднял палку. Мне показалось, что он сейчас ударит по снежной шапке, но он неожиданно ловко ткнул палкою в шапку.

— Это глаз,— сказал он.— А вот и второй.— И ткнул второй раз.— А уж это рот, нос, ухо.

Корней Иванович рисовал палкою и одновременно палкою же лепил из снега неведомую рожу. Все это напоминало детскую работу в стиле «точка, точка, огуречик...», пока Корней Иванович не сказал:

— Это ваш портрет.

— Как, то есть, мой?

— А так — вылитый вы! Ну ладно, не хотите — не надо. Вот сейчас усечем немножко этот снежный череп и добавим лукавства.

Лакированная черная палка легко рассекала ком, и откуда-то действительно явились лукавство в снежной роже и сказочность.

Мы вернулись в дом.

В прихожей Корней Иванович снял пальто, шапку-пирожок, вернее целый островерхий каракулевый пирог, уселся в кресло и, кряхтя, попытался снять валенки. Валенки не снимались. Корней Иванович и так и сяк подцеплял носком пятку, но носок с пятки соскальзывал.

— Позвольте, помогу.

— Не выйдет. Тут сноровка нужна. Есть у вас сноровка?

— Сноровки нету. Но позвольте попробовать.

— Извольте, пожалуйста, пробуйте.

Я схватился за валенок, дернул и чуть не сорвал Чуковского на пол.

— Нет сноровки,— поморщился Корней Иванович.— Да вы полегче.

Чтоб половчей ухватить валенок, мне пришлось встать на колено.

— Вам не противно? — спросил Корней Иванович.

— Что такое?

— Да ведь вы стоите передо мной на коленях.

— На одном,— уточнил я.— И не перед вами, а перед валенками.

Валенки слезали туго.

— Спасибо,— сказал, наконец, Чуковский.— А все-таки не каждый может похвастаться, что валенки с Чуковского снимал.

В доме Корнея Ивановича повсюду на стенах висели рисунки и картины знаменитых и замечательных художников. И я рассматривал их, иногда угадывал автора, иногда — нет. Заприметил я и лубочную картинку на тему стихотворения Н. А. Некрасова «Что ты жадно глядишь на дорогу...».

— Откуда у вас лубок, Корней Иванович?

— Это — Всеволод Иванов. Добрейший был человек. Он и подарил мне лубок. Он принадлежал к числу усердных коллекционеров и оставил бы после себя замечательную коллекцию, если бы не раздаривал все друзьям. Он всегда говорил мне: «Заходите почаще. За каждый ваш визит я подарю либо книжку, либо картину». И я стал ходить к нему ежедневно.

Корней Иванович засмеялся.

Я уже понял, что Корней Иванович любит подсмеиваться и над собой, и над окружающими, и поэтому очень его стеснялся, разговаривал с ним невпопад.

— Извините,— сказал я.— Вы странно смеетесь — и зло, и добродушно.

Корней Иванович нахмурился. Оглядел меня, сомневаясь, что перед ним такой уж великий знаток разных видов смеха. Потом улыбнулся.

— Говорят, что у меня резкий ум критика и доброе сердце сказочника. Понимаете?

Я не знал, понимаю ли я, но кивнул, что понимаю.

К словам Чуковского надо прислушиваться внимательно. В них всегда скрыта ирония. Кажется,

хвалит кого-то, ан нет — ругает, вот поругал, ан нет — похвалил.

— Пойдемте-ка обедать,— сказал Корней Иванович.— Хотите есть?

Есть я не хотел, но сказал:

— Хочу.

Конечно, мне было не до еды.

Но — обед! Обед у Чуковского! Только дурак, наверное, откажется. Но и трудно, неимоверно трудно мне было, друзья, обедать у Чуковского, стеснялся я страшно.

А дело, в сущности, простое — бульон с пирожком.

Не помню, к сожалению, ни вкуса бульона, ни начинки у пирожка. Помню, что только и думал за столом — на втором этаже,— как бы тарелку не опрокинуть. Бульон и пирожок съел я мгновенно, чтоб ликвидировать опасность опрокидывания и спокойно посидеть, поглядеть на Корнея Ивановича.

— Наснимался валенков — проголодался,— заметил Чуковский.— Клара Израэлевна, дайте ему еще пирожок.

Мне дали пирожок № 2. Я быстро его съел.

— Все правильно,— сказал Корней Иванович,— два валенка — два пирожка. Может, хотите третий?

— Валенок, что ли?

Корней Иванович глянул на меня. Глянул странно. Можно бы сказать «зорко», но не совсем так. Он глядел на меня, как будто уже точно, наверняка знал, на что я способен и даже предвидел всю мою будущую судьбу, даже вот до этого момента, когда я через 20 лет напишу эти строчки.

Я был чрезвычайно напряжен. Никогда в жизни я не ел бульон с писателем, да еще с Корнеем Чуковским. От напряжения захотелось третьего пирожка, и я уже открыл рот, чтоб попросить его, но тут Корней Иванович сказал:

— Так дочитайте же про лилипутов. Самое время. Бульон. Пирожки.

Я начал читать. Сбивался. На аллее читалось легче.

Выслушав меня, Корней Иванович допил бульон и сказал:

— Лучше быть юным поэтом, подающим надежды, чем старым, не оправдавшим их.

К Корней Ивановичу пришла медицинская сестра. Она должна была взять кровь на анализ. Из пальца.

Пока она готовила пробирки и пальцеукалыватель, я показывал Чуковскому свои рисунки. Корней Иванович хмыкал, кивал, иногда говорил: «Ах вот оно что!»

Медсестра прочистила пальцеукалыватель и всадила его тупую иглу в палец Чуковского. Корней Иванович не поморщился, а я слегка содрогнулся. Это у меня был жест сопереживания, инстинктивная помощь, дружеская поддержка.

— Вы, кажется, боитесь крови? — спросил меня Корней Иванович.— По-моему, вы вздрогнули.

— Да нет,— сказал я.— Просто не очень-то приятно, когда в палец тупой иглой тычут.

Медсестра выдавливала кровь и размазывала ее по стеклянным дощечкам.

— Нельзя бояться крови,— продолжал Корней Иванович.— Кровь — это естественно. Смотрите, как она выдавливает мою кровь, поверьте, мне это безразлично.

— Старики легче переносят боль,— сказала вдруг на это умная медсестра.— Молодые больше боятся крови.

Вот тут Корней Иванович поморщился. Кажется, ему был не слишком приятен этот намек на его возраст.

— А вы, оказывается, не только берете кровь,— сказал он сестре,— вы ее еще и портите... Так вот насчет крови,— продолжал он, повернувшись ко мне.— В некоторых ваших рисунках она есть, а в некоторых ее нет.

Разбираться, в каких рисунках кровь есть, а в каких ее нет, мы не стали.

Корней Иванович снял со шкафа оранжевого льва, сделанного скорей всего из поролона или чего-нибудь в этом роде. На груди у льва висел шнурок.

— Вот смотрите какая штука,— сказал Чуковский и тут же дернул льва за шнурок, лев зарычал. И вдруг сказал по-английски:

— Ай эм э риал лайон. Ай эм зе кинг еф джанглз.

— Я настоящий лев! Я царь джунглей! — перевел Корней Иванович.

И тут у Чуковского сделался такой вид, как у царя джунглей, львиный вид.

И я окончательно увидел, с кем имею дело. Передо мной был действительный Царь джунглей, и джунгли эти назывались Переделкино — дачный городок писателей. Невиданные сверхсплетения времени и судьбы окружали Корнея Ивановича, а уж он-то был Царь этих джунглей, и если выходил пройтись — Лев в валенках,— ему приветливо махали палками. И я возгордился, что однажды — зимой 1966 года — случайно оказался спутником льва — Царя переделкинских джунглей.

Дом Корнея Ивановича ранней зимой.

— Царь — не совсем точный перевод,— заметил я.— Кинг — это все-таки скорее «король». Король джунглей.

Корней Иванович не стал отвечать. Он одобрительно осмотрел меня и, кажется, порадовался, что я знаю по-английски хотя бы одно слово. Он снова дернул льва за шнурок, и лев проревел по-английски:

— Хотите со мной подраться? Я — очень грозный лев!

Сейчас я понимаю, что Корней Иванович отнесся ко мне добродушно. Доказать, что «Царь джунглей» звучит все-таки сильней, чем «Король джунглей», наверно, почти невозможно, тут уж надо чувствовать. Мне и сейчас кажется, что «царь» звучит сильней, по-киплинговски, хотя сам Киплинг вряд ли употреблял это слово. Корней Иванович ничего мне не доказывал, он только дергал льва за шнурок:

— Я — очень добрый лев! Я люблю детей! Давайте рычать вот так! Ррррррррррррррррррррррррр-рррррррр!

Все слова поролонового льва легко переводились на образ Чуковского и его отношение к миру и даже ко мне, случайному посетителю, но — детскому писателю. Это было важно. Мне кажется, Чуковский радовался, что редчайшая порода — детские писатели — еще не перевелась на земле, что их еще не надо заносить в Красную книгу, поэтому я был принят и угощен пирожками с бульоном. А откуда берутся детские писатели, я до сих пор не знаю, хотя дружу со многими из них. Не знаю, не ведаю, из каких вышли они лесов.

Вот, скажем, Сергей Вольф. Он написал рассказ под названием «Отойди от моей лошади». Мне и рассказ-то читать не надо. Сказано: «Отойди»,— и я отойду, сделаю, как велено. А Игорь Мазнин написал шесть строк:

«Падают листья.
А птицы летают.
Проходит охотник.
Охотник стреляет —
И падают птицы.
А листья летают».

Вот и получается, что за одного детского писателя десять взрослых дают.

— Дают? — усомнился Чуковский, выслушав все эти мои слова.— Вряд ли! Во всяком случае, никогда не давали. Как-то — давно, правда,— я отважился прочитать своего «Крокодила» в какой-то школе одного приморского городка. В те времена все мое творчество называлось «чуковщиной». А с «чуковщиной» надо было бороться. И вот педагоги внушили детям такую неприязнь ко мне, что стоило выйти на улицу, как дети начинали бросать в меня шишки и камушки. Крикнут: «Эй! Писатель!» — и бросят...

Из моих рисунков Корней Иванович выбрал для себя один. Рисунок без всякого сомнения был дурацким. Он назывался — «Нюхатель цветков». Человек, изображенный мною, имел в жизни только один смысл: он жаждал нюхать цветы. Для этой цели я ему приспособил внушительный вдумчивый нос. Полный идиотизм!

Я решил довести этот портрет в акварели или пастели. И вот что получилось.

— Я знаю здесь в Переделкине одного такого нюхателя. У вас-то на рисунке — добродушный, а этот — нюхатель с большой дороги. Награбит цветов и нюхает.

— Извините, Корней Иванович,— некстати, совершенно некстати сказал вдруг я,— а нельзя ли мне сделать ваш портрет?

— Что-нибудь вроде этого нюхателя? — спросил Чуковский, кивнув на рисунок.

— Что вы, нет, конечно. Серьезный портрет.

— Не стоит,— сказал Корней Иванович,— не нужно вам так перенапрягаться.

— А помните, вы сделали мой портрет? Из снега. Теперь моя очередь.

— Ну что ж... око за око, понимаю...

Волнуясь, принялся я за набросок, и он неожиданно заладился. Чуковский получался значительным, было сходство. Я решил дома довести этот портрет в акварели или пастели и с натуры расписал цвет, как это делают иногда художники. На лбу написал «охра», на носу — «белила» и т. п. Рисунок этот показывать Корнею Ивановичу не хотелось. Ну какой дурак-художник покажет портрет, в котором на лбу написано «охра», а на носу — «белила»?

Время оставалось, и я принялся за второй набросок. Второй пошел странно. К сожалению, Чуковский выходил на нем каким-то «сердитым». Этого эффекта я никак не добивался, эффект вылезал сам по себе. Показывать рисунок тоже было нельзя.

Я принялся за третий, который пошел корявей всех, нервно пошел. И уж очень он был «старательный». Я знал, что рисунок обязательно придется показать. Должна же модель в конце концов увидеть, что там чиркает художник. А вдруг это что-нибудь вроде «нюхателя»?

— Все? — спросил Корней Иванович.— Покажите.

Я показал третий набросок. Он все-таки получился, и мне чем-то нравился.

— Это надо уничтожить,— твердо сказал Чуковский, посмотрев на рисунок.

Я растерялся. Такого могучего подхода к делу я от модели никак не ожидал. Царь джунглей!

— Жалко,— сказал я.

— А все-таки надо.

— Что — не похож? Или в нем нет крови?

— Слишком много.

— Ладно,— сказал я,— я потом рисунок выброшу.

— Да ведь кто-нибудь подберет.

— Никто не подберет, я хорошенько выброшу.

— Обязательно кто-нибудь подберет.

Я разорвал рисунок и осколки его выбросил в корзину для бумаг.

— Вот это правильно,— сказал Чуковский.

Он совершенно не заметил, что я уношу в клюве, то есть в папке, еще два рисунка. Он-то думал, что я все эти полчаса рисовал одну картинку. Конечно, в 1966 году я был глуп самым серьезным образом, но не до такой же степени! Нет, у меня оставалось кое-что в запасе, и особенные надежды возлагал я на портрет, где на лбу было написано «охра», а на носу — «белила».

— А помните, как я сказал: «Слушай, Дерево»? Заметили, какое это дерево?

— Сосна.

— Это — необыкновенная сосна. Это — Переделкинская Сосна. Ее любят все писатели. Не только я, а вот и Катаев. Но от Катаева она только принимает поклонение, а мне отвечает взаимностью.

— Еще бы, ведь вы — Царь джунглей.

— Царь джунглей этот лев,— сказал Корней Иванович, кивнув на английскую игрушку.

— Вряд ли, настоящий царь не скажет: «Я — царь джунглей», он скажет: «Слушай, Дерево».

— Вам не нравится мой лев?

— Хороший лев, но он слишком из двадцатого века, из поролонового времени.

— Да это истинное чудо! Смотрите: он движет челюстями, как двигал бы ими живой лев, если бы он стал говорить.

— «Слушай, Дерево», небось, не скажет.

— Да что вы привязались к этому дереву?

Корней Иванович слегка на меня рассердился. Львиные возможности обозначились в его взоре. Пора мне было откланяться.

— А о рисунке не жалейте,— сказал Корней Иванович, пожимая мне руку.— Он не получился.

— У меня есть еще два,— сказал все-таки я.

Чуковский задумался. Оглядел меня и мою папку.

— Запасливый,— сказал наконец он, но не стал требовать, чтоб я раскрыл папку.— Что ж... Художник должен что-то иметь в папке, в записной книжке, а главное здесь.— И он стукнул пальцем в поролоновый лоб английского льва.

На этом я хочу закончить рассказ о Корнее Чуковском, которого слушал однажды вместе с деревом. Я рассказал, что мог. Есть, конечно, еще кое-что в папке, да ведь глупо все из нее вынимать.

* * *

Поздравляем Юрия Иосифовича КОВАЛЯ с высокой наградой — Почетным дипломом Международного совета по детской и юношеской литературе.

Содержание

Падение двуглавого орла.— В. Луцкий 1
Год 1917-й. Февраль.— Подготовили Т. Кузьмина и В. Миллер 2
Солдат домой вернулся. Небылица. Деревянные ложки. Зажглись по избам огоньки. «Всегда деревня привечала...» — Стихи А. Логунова 4
Маняша.— Повесть М. Прилежаевой. Продолжение. Рисунки С. Трофимова 6
Юнкоровский пост РВС 19
Свет в школьных окнах.— В. Вяликов 22
«Кораблик» .... 25, IV обл.
Великий малыш.— Повесть В. Рыбина 26
Точка на карте 36
Это было на Припяти.— М. Одинец 38
Кузнец из Большого Вуттона.— Сказка Д. Р. Р. Толкиена 43
В стране шаха — владыки черных и белых полей 55
Игры с Чипом.— Ведет доктор физико-математических наук А. Мигдал. Рисунок Н. Доброхотовой 56
Слушай, дерево.— Рассказ Ю. Коваля 58
«Переменка» 64

На обложке:
Наследники ратной славы.— Рисунок А. Борисова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.12.86.
Подписано к печати 18.12.86. А 02081. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 288. Заказ № 4212.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Елена ЛИПАТОВА

Роль

Мама!
Папа!
Вы слыхали?
Мне ведь роль
В спектакле
Дали!
В самой лучшей
В мире
Пьесе —
О принцессе!
Я совсем не растерялся —
Хорошенько постарался!
Получилось очень громко,
И заливисто,
И звонко!
Я за сценой выступаю —
Лучше
Шарика
я лаю!!

*В гости к «Переменке» пришел телевизионный «Будильник». Вернее, не сам «Будильник», а один из его создателей — **режиссер Илья БЕЙДЕР.** И вместо наших смешных случаев на уроках он предложил свои смешные случаи...*

Устами младенца...

Роль капитана Врунгеля в «Будильнике» постоянно исполнял народный артист РСФСР Евгений Весник, но вдруг категорически отказался от нее:

— Еду я в метро,— объяснил свой отказ актер,— вдруг какой-то мальчишка кричит: «Мама! Смотри: дядя ВРУН едет!» — Пассажиры подозрительно посмотрели на меня. Стыд! Не буду больше Врунгелем!

На роль капитана пригласили народного артиста РСФСР Юрия Вольнцева из театра имени Вахтангова. А в спектакле «Золушка» он играл Короля. И на одном из представлений неожиданно услышал из зала реплику юной зрительницы:

— Это хороший король! Настоящий! Я его знаю — он Врунгель из телевизора!

Вот какова она — телепопулярность...

Дурной пример

Перед началом съемок взрослые рассказывали всевозможные смешные случаи, происходящие на съемках.

Дети внимательно слушали... Один из рассказов был о дикторе, который вместо «здравствуйте, товарищи телезрители» как-то произнес «здравствуйте, товарищи телевизоры!»

Девочка-ведущая смеялась вместе со всеми. «Уж я-то так никогда не скажу»,— уверяла она.

Но вот помощник режиссера дает сигнал «Начали!» и показывает пальцем на телекамеру. Маленькая ведущая спокойно и четко произносит:

— «Здравствуйте, товарищи ТЕЛЕКАМЕРЫ!»

Попугай-нарушитель

Перерыв на обед. Исполнители ушли в столовую, а говорящего попугая Петрушу закрыли в комнате. Новая дежурная, не знавшая об этом, услышала подозрительный шум за дверью запертой комнаты.

— Кто там? — стучит в дверь дежурная.

— Войдите! — раздается в ответ.

— Но кто там?! — тревожится женщина.

— Войдите, войдите! — ласково приглашает «посторонний».

— Выходите! — строго требует блюститель порядка.— Слышите? Выходите!

— Кто там?! — интересуются, в свою очередь, из-за двери.— Входите!

— Выходите!

— Входите!

Диалог явно затягивается. Вызванные помощники открывают дверь. Никого! Лучик ручного фонарика бегает вверх, вниз, останавливается на каком-то лохматом комочке... Тот распушился и закричал:

— Здравствуйте, товарищи!

А потом, к радости вошедших, выдал чуть ли не весь свой словарный запас:

— Пошли гулять! Как делишки? Где Бобик? Кушать хочешь? Петруша — хороший!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

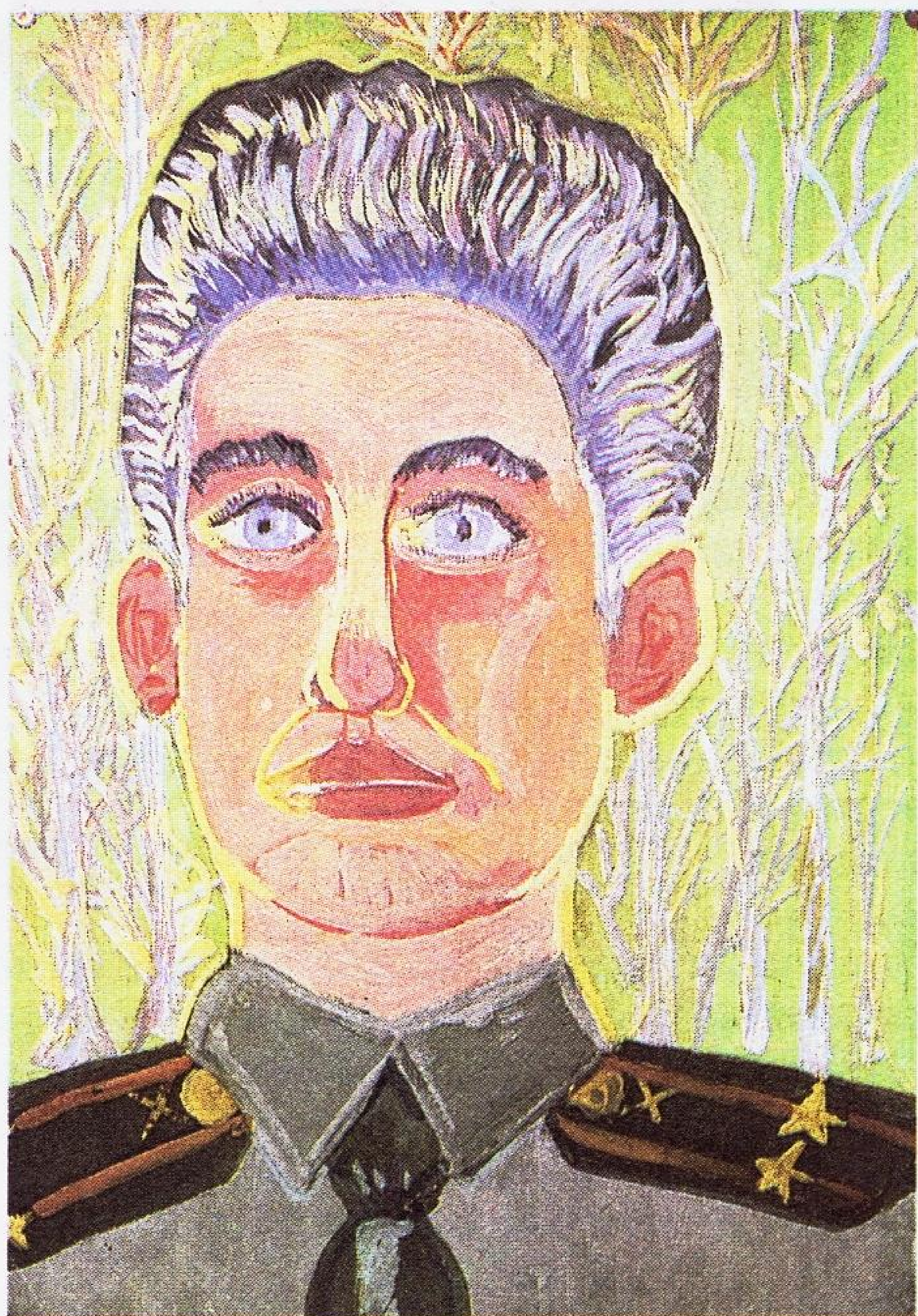

Эти стихи Наташа ПОЛИВЦЕВА, киевлянка, ученица 7-го класса, посвятила своему папе. Она сочинила их ему в подарок к 23 февраля, Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Наш папа

Мой папа в армии служил,
Но не был на войне.
Попросишь папу: «Расскажи!»
И он расскажет мне,
Как он, пока была война,
В Сибири жил три года.
А там — одна тайга кругом,
И топкие болота.

У папы умелые сильные руки,
И спорится дело в руках у него.
Он знает различные песни, науки
И не боится совсем ничего.

Оксана БРОВКИНА, 10 лет, сделала портрет своего папы, офицера Советской Армии.

Тимофею ЕРМОЛАЕВУ 12 лет, он живет в Московской области, в городе Железнодорожном, учится в 6-м классе школы № 8.

На каникулах в Керчи

...Хотелось пить, бросало в жар, во рту перекатывалась холодная вода. Можно выпить ее, но она для раненых, и люди выливали драгоценные капли в котелок и снова прикасались губами к известняковым стенам. Из влажных камней партизаны высасывали воду. Немцы взорвали колодцы, кончились ее последние запасы, а из подземного госпиталя доносились стоны: «Пить, пить, пить...»

Об этом говорил экскурсовод, который показывал нам Аджимушкайские пещеры, где в годы войны скрывались партизаны. Я был поражен рассказом. Люди знали, что умрут, но думали не о себе, а о многих других, о тех, кого они спасали, принося полный котелок воды.

...Мы с мамой и сестрой идем по темному переходу. Лишь луч фонаря освещает дорогу впереди. Вот он скользнул по стене, и вдруг что-то блеснуло. Луч замер, и я увидел железную кровать. Над ней висел автомат с проржавевшим диском. Кто стрелял из него? Кто отдыхал на кровати перед боем?

Вдоль стен привязаны веревки со множеством консервных банок. Они служили сигнализацией. Партизаны натягивали поперек прохода веревки с этими банками, фашисты пытались напасть на подземный гарнизон без шума, но натыкались на сигнализацию, и она оглушительно гремела. Аджимушкайцы, стоявшие на посту, сразу открывали огонь по врагам.

«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
Народам Советского Союза!
Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся!» —

такую радиограмму передали на Большую землю защитники подземного гарнизона. Целых 170 дней и ночей держались бойцы...

Много раз я был в пещерах Аджимушкая, но всегда стараюсь представить — а как бы я... Смог бы? Даже немножко страшно становится. А Володя Дубинин смог. Сейчас в Керчи есть школа его имени.

Вышли мы из подземной крепости и пошли на Митридат — это такая героическая легендарная гора. О ней мне много рассказывал наш знакомый дядя Яша: он освобождал Керчь от фашистов, был в числе десантников, которые атаковали врага с моря, на катерах и лодках. Многие лодки погибали под огнем снарядов, а катера на большой скорости прорывались к берегу.

Когда отвоевали взморье, старые солдаты бросались целовать землю...

...Я люблю приезжать на каникулы в Керчь. И не только потому, что здесь тепло и кругом моря — Черное и Азовское...

Цена 30 коп. Индекс 70694.